

МА-поле	- мотивационно-ассоциативное поле
МА-осмысление	- мотивационно-ассоциативное осмысление
МА-норма	- мотивационно-ассоциативная норма
МА-стереотип	- мотивационно-ассоциативный стереотип
ФС-связи	- формально-семантические связи
ФСА	- формально-семантические ассоциации
ФА	- формальные ассоциации
СА	- семантические ассоциации

б) библиографические

- РАС** - Русский ассоциативный словарь. - М., 1994. - т.1-2.
- МД** - Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего
С Приобья / Под ред.
О.И.Блиновой. - Томск, 1982-1983. - т.1-2.
- КрЭ** - Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий
С этимологический
словарь русского языка. – М., 1975.
- Шанский** - Этимологический словарь русского языка / Под ред.
Н.М.Шанского. – М.:
МГУ, 1975. - т.2. - вып.6.
- Фасмер** - М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.
- М., 1976.
- Черных** - Черных П.Я. Историко-этимологический словарь
современного русского
языка. - М., 1994. - т.1-2.
- Преображенский** - Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского
языка. - М.,
1910-1914. - т.1-2.
- Даль** - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка:
В 4-х т. - М.,
1878-1880.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК	СОКРАЩЕНИЙ
.....	2
ОГЛАВЛЕНИЕ	3
.....	3
ВВЕДЕНИЕ	5
.....	5
Глава I. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННЫХ АССОЦИАЦИЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА	
.....	16
1.1. Теоретическая основа лексикографического исследования мотивационных ассоциаций русских слов	16
.....	16
1.2. Принципы построения “Мотивационно-ассоциативного словаря”	37
.....	37
ВЫВОДЫ	54
.....	54
Глава II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННЫХ АССОЦИАЦИЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА (СИНХРОНИЯ/ДИАХРОНИЯ)	
.....	57
2.1. О возможностях синхронно-диахронного описания языка. Историческая и современная природа слова	57
.....	57
2.2. Диахронные изменения в слове	59
.....	59
2.3. Соотношение диахронных процессов развития слова и синхронного восприятия его структуры	63
.....	63
2.3.1. Проявление корреляции диахронии и синхронии в ассоциативном поле слова. Параметры описания ассоциативного поля	64
.....	64

2.3.2.	Элементы научной этимологии как показатель глубины деэтимологизации слова	68
2.3.3.	Соотношение синхронного и диахронного аспектов изучения мотивационных ассоциаций лексических единиц “Мотивационно-ассоциативного словаря”	70
	ВЫВОДЫ	89
Глава III. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННЫХ АССОЦИАЦИЙ		
	ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА (НОРМАТИВНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ)	91
3.1.	Понятие "языковая норма" в современной русистике	91
3.2.	МА-норма, динамика ее развития и функционирования	95
3.3.	Явление вариативности и МА-норма	100
3.3.1.	Узуальные и окказиональные мотивационные варианты слова	107
3.3.2.	Однокоренные мотивационные варианты слова. Варьирование в пределах словообразовательного гнезда	112
3.3.3.	Гомогенные и гетерогенные мотивационные варианты слова	120
3.3.4.	Мотивационная вариативность лексических единиц “Мотивационно-ассоциативного словаря”	130
	ВЫВОДЫ	160

ЗАКЛЮЧЕНИЕ		
.....	164	
ЛИТЕРАТУРА		
.....	169	
ПРИЛОЖЕНИЕ		I
.....	184	
ПРИЛОЖЕНИЕ		II
.....	291	

ВЕДЕНИЕ

1. Объектом диссертационного исследования является мотивационно-ассоциативный потенциал (МА-потенциал) слова как основа его формально-семантической интерпретации.

2. Предметом (специальным аспектом) исследования МА-потенциала слова является лексикографическое и теоретическое описание данных ассоциативного эксперимента, направленного на выявление и изучение мотивационно-ассоциативных возможностей слова при формально-семантическом ассоциировании, ориентированном на восприятие звуковой формы слова.

3. Актуальность обращения к проблеме МА-потенциала слова, а также лексикографического и теоретического описания механизмов его реализации (под "механизмом реализации" МА-потенциала мы понимаем актуализационные и интерпретационные закономерности появления реакций на формальный план слова, обеспечивающие оптимальное мотивационное функционирование слова, основывающееся на осознании связей его звуковой и смысловой сторон) определяется несколькими активно развивающимися в настоящее время тенденциями:

а) сменой научной парадигмы системно-статического описания устройства языка функционально-динамическим. Можно отметить, что прежняя научная парадигма была связана с универсальным, нефункциональным описанием языка, выявляющим устойчивые черты в языковой системе без учета их функционирования и условий формирования. Новая научная парадигма утверждает приоритет языковой истории и языкового функционирования над общими законами строения языка. Иными словами, если раньше в центре внимания был вопрос "как устроен язык?", то в настоящее время лингвистов все больше интересует вопрос "как функционирует язык?". Относительно описания "устройства" производного/мотивированного слова заметим, что современная наука достаточно полно изучила его онтологические свойства (такие, например, как степень мотивированности, членности,

идиоматичности), однако морфодеривационные механизмы восприятия слова и его функционирования еще недостаточно исследованы. В связи с этим анализ МА-потенциала слова приобретает особое значение, так как определение потенциалов мотивированности слова, его способности служить источником ретроспективной мотивации есть определение основных тенденций и закономерностей мотивационного функционирования этого слова, особенностей его мотивационного "поведения", и в этом проявляется динамическая, деятельностная сторона понятия "МА-потенциала слова". Однако говоря о смещении внимания современной лингвистики с системы языка на его функционирование, отметим, что в настоящем диссертационном сочинении исследование формально-семантической динамики лексических единиц, тенденций их функционирования, определение возможных мотивационных интерпретаций слов осуществляется на основе совмещения принципов системности и функциональности, в рамках системно-функционального подхода. Полагая, что системно-функциональный анализ эпидигматики лексики позволит установить некоторые закономерности реального процесса мотивационного функционирования лексических единиц в речи, мы в данной работе ограничиваемся рассмотрением функционально-динамической организации языка как потенциальной системы, как некоторого поля модельных возможностей, которые могут быть использованы в речи;

б) в настоящее время все больший интерес вызывает не только функционирование языковой системы, но и использование этой системы языковой личностью. Наиболее перспективные и новаторские исследования в современной лингвистике связаны именно с обращением к изучению спектра проблем языковой личности, языкового сознания и языковой рефлексии носителя языка, его интуиции и интроспекции. Сегодня в противопоставлении языка и языковой личности предпочтение отдается языковой личности, а языковая система многими рассматривается только как инструмент коммуникации. Можно сказать, что выдвижение на первый план "человеческого фактора" обнаружило смену научных приоритетов: ранее внимание лингвистов в большей степени было направлено на анализ стабильных структур в языке. В современном языкознании, помимо изучения онтологии языковой системы, лингвисты обращаются к исследованию интерпретации этой системы носителем языка и связанных с этим едва уловимых нюансов в функционировании языка, нечетких, "текучих" языковых связей, обнаруживаемых на уровне интуиции носителя языка. Отметим, что применение антропологического подхода в области мотивации имеет особую актуальность, так как сущность мотивационных отношений заключается в осознании носителями языка связи звучания и значения слова /Блинова О.И., 1984, с.186/. Исследование же мотивационного потенциала лексических единиц русского языка, его выявление в принципе невозможно без опоры на языковые рефлексии носителей языка, которые в данном

случае представляют собой основной источник получения языкового материала, ибо аспект восприятия формы лексических единиц и ее связи с семантикой делает необходимым обращение к сознанию и речевому поведению говорящих. К тому же интерес к языковой личности позволяет по-новому осветить системность лексики в мотивационном срезе, так как с учетом "человеческого фактора" мотивационная система предстает не только как самоорганизуемая и самодетерминируемая субстанция, но и как система, имеющая антропоцентрический характер, определяемый языкотворческим началом в человеке, следовательно, и мотивированное слово может быть рассмотрено как единица, через которую языковая личность, осознавая свободу понимания и выбора мотивационных отношений слова, передает свои интенции, свои знания о языке и мире. Тем не менее, говоря об антропоцентрическом характере языка и ведущей роли принципа антропоцентризма в мотивологии, отметим, что настоящее диссертационное сочинение не ставит перед собой задачи исследовать собственно мыслительные механизмы осознания мотивированности слов; языковое сознание информантов в данной работе является не предметом исследования, а средством выявления мотивационных потенциалов лексических единиц, зеркалом, в котором отражается их мотивационная динамика. Таким образом, в настоящем исследовании МА-потенциала слов русского языка информант выступает не как объект исследования, а как соавтор работы, поставляющий и осмысливающий языковой материал;

в) в связи с усилением внимания в современном языкознании к языковой личности и языковому сознанию особое значение в изучении языковых явлений приобретает лингвистический эксперимент. Роль лингвистического эксперимента в изучении потенциала мотивированности слова является основополагающей, так как именно лингвистический эксперимент позволяет исследователю языка выявить осмысление, осознание носителями языка мотивационной ассоциативности лексических единиц русского языка, перейти от наблюдения и анализа мотивационной активности ограниченного числа слов к системному исследованию МА-потенциала всего лексического массива языка, предоставляя тем самым ценный материал для лексикографического и теоретического описания мотивированности русских слов, ибо данные эксперимента, определяя градуальный характер проявления мотивационности, дают возможность классифицировать лексические единицы на мотивированные и немотивированные, сильномотивированные и слабомотивированные, обнаруживают существование мотивационно-ассоциативных стереотипов или их отсутствие, соотношения мотивационно-ассоциативного стандарта и отклонения от него. С помощью материалов, полученных с использованием лингвистического эксперимента, может быть раскрыто развитие мотивированности слова, сходство или отличие его современной формально-семантической интерпретации, актуального мотивационно-ассоциативного

осмысления (МА-осмысления) от "научной" этимологии и "исходной" семантики. Таким образом, эксперимент выступает как один из основных способов познания явления мотивации слов, учитывающий лингвистическую компетенцию языковой личности, ее позицию при интерпретации языкового знака. Однако вопрос о методиках проведения эксперимента, о их значимости и функциях еще недостаточно освещен, что также подчеркивает актуальность изучения лингвистического эксперимента как инструмента анализа явления мотивации в русском языке;

г) А.А.Леонтьев /см.: Лингвистика на исходе XX в., т.2, с.307-308/ указывает на то, что языкознание возникло и развивалось как наука типично прикладная, обслуживавшая практические задачи разного рода, но начиная со 2-ой половины XIX в. зарождается чисто теоретическая лингвистика, не нацеленная на решение конкретных прикладных задач. В настоящее время, как отмечает ученый, происходит возрождение прикладной лингвистики как направления в языкознании, занимающегося разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка. Данное положение также определяет актуальность изучения мотивационных ассоциаций, поскольку коммуникация осуществляется на ассоциативной основе, а ассоциации стимулируются главным образом вербально, вследствие чего и возникает необходимость исследования ассоциативного аспекта слова вообще и мотивационно-ассоциативного - в частности. В связи с этим создание лексикографической базы для исследования общих закономерностей мотивационного ассоциирования, мотивационно-ассоциативных связей (МА-связей) слов позволит определить потенциальный заряд воздействия на сознание носителей языка мотивационно-ассоциативной ауры слова. Знание механизмов этого воздействия может быть эффективно использовано в таких направлениях языковой деятельности, как лингводидактика, перевод текстов в иноязычную форму, выявление особенностей понимания текстов, в том числе и художественных, в зависимости от характера МА-стереотипов, использование сложившихся стереотипов при создании рекламы и условно-символической номинации различных объектов. Иными словами, мотивационно-ассоциативный словарь может быть использован во всех сферах практической деятельности, где актуальна не только семантика, но и форма слова;

д) за последние десятилетия произошло становление мотивологии как самостоятельной дисциплины, изучающей явление мотивации лексических единиц, то есть взаимообусловленность их звучания и значения. Вместе с тем, то, что проблема мотивированности рассматривается, как отмечает О.И.Блинова /Блинова О.И., 1984, с.5/, в этимологии и синхронном словообразовании, в ономастиологии и лексикологии (в узком смысле этого слова, включая семасиологию), а также в топономастике и фразеологии, обуславливает необходимость уточнения и комплексного описания предмета мотивологии

как специфического, относительно целостного и самостоятельного, требует создания своего понятийного аппарата и методики, соответствующей специфике объекта /см.: Голев Н.Д., 1989, с.4/. По мнению Н.Д.Голева, "названный путь предполагает переход от изучения изолированных проблем, иллюстрируемых отдельными словами, нередко переходящими из работы в работу (ПОДСНЕЖНИК, СНЕГИРЬ, КУКУШКА, ЧЕРНИЛА), к исследованиям больших массивов лексических единиц, разнообразных в мотивационном отношении, к их лексикографическому описанию" /там же/. Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что разработка методики экспериментального сбора материала, примененной в диссертационном исследовании, а также лексикографическое описание, обобщающее в заданном аспекте (в аспекте восприятия формы) достаточно широкий массив лексического материала - 107 лексем, начинающихся "на одну букву", извлечены из "Словаря русского языка: В 4-х т." /М., 1981/ путем сплошной выборки (момент избирательности допускается только в отношении к высокомотивированным и немотивированным словам, так как первые тяготеют к однотипным мотивационным реакциям, а вторые систематически стимулируют отказы, что делает регулярное включение таких слов непродуктивным) - будет иметь определенное значение для формирования целостной теории мотивации, ибо ее экспериментальное исследование создает предпосылки для перехода от выработки теоретических положений мотивологии к их практической верификации на большом материале, а также к выявлению новых закономерностей мотивационного функционирования русской лексики;

е) современное языкознание характеризуется и бурным развитием лексикографии, выразившимся в "появлении словарей разных типов и увеличении их числа ("лексикографическая вспышка")..." /Блинова О.И., 1987, с.162/. Отметим, что лексикография прошлого знала немало различных словарей (толковых, исторических, идеографических, орфоэпических, словообразовательных и др. /подробнее см.: Щерба Л.В., 1974а/), научная ценность которых общеизвестна. Современное лексикографирование пополнило библиотеку отечественной лексикографии рядом новых словарей: как правило, это словари специализированные, узконаправленные, анализирующие определенные группы лексических единиц, то есть имеющие какие-либо ограничения в отборе языкового материала, но располагающие при этом специальным научным аппаратом и формой описания данного материала /см., например: Лексика, грамматика, текст..., 1995, раздел, посвященный лексикографическим проектам/. Отметим также, что все больше различных языковых явлений в последнее время становится предметом таких словарных описаний, причем способы лексикографирования делаются все более разнообразными и специфичными. Несомненно, данный факт обусловлен значимостью лексикографических исследований для развития языковедческой науки, тем, что лексикография "не только

фиксирует словарный состав того или иного языка в разные периоды его существования, но и разрабатывает теоретические языковедческие положения, связанные с этой фиксацией, либо стимулирует разработку таких положений лексикологией" /Левковская К.А., 1962, с.51/. В современной лингвистике лексикографирование как форма описания языкового материала становится одним из самых эффективных способов познания языка, инструментом его исследования (закономерным в связи с этим представляется появление словарей, предназначенных не столько для носителей языка, сколько для его исследователей, см., например, статью Ю.Н.Караулова "Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности" /Русский ассоциативный словарь, 1994, с.190-219/). Преимущество лексикографического метода исследования языковеды видят прежде всего "в систематизации относительно исчерпывающего количества соответствующих лексических фактов" /Блинова О.И., 1987, с.162/. Каждый словарь фиксирует определенные внутренние или внешние свойства слова и его связи, подготавливая основу для дальнейших лингвистических исследований в этой области, дальнейшего развития научной теории. В совокупности все словари создают лексикографический портрет слова, демонстрирующий различные оттенки его значения, его внутреннее строение, сочетаемость, системные связи, особенности функционирования и т.д. Однако до настоящего времени словарный портрет слова создавался без учета мотивационного потенциала этого слова, его мотивационных связей. Нам представляется, что создание словарей, определяющих место слова в системе языка в соответствии с его МА-потенциалом, фиксирующих это слово в совокупности его формально-семантических связей (ФС-связей), является одной из актуальных задач современной лексикографии, ибо данные словари не только дополняют словарный портрет слова, но и послужат хорошей базой для решения многих общетеоретических проблем мотивации слов. Заметим, что в современной лексикографии создано несколько словарей, отражающих те или иные стороны мотивации. Прежде всего это "Мотивационный диалектный словарь", представляющий мотивационные отношения лексических единиц говоров Среднего Приобья. На его основе создан "Частотный мотивационный словарь", отражающий частоту актуализаций мотивационных связей слов указанного диалекта, составляется "Словарь внутренних форм слова", цель которого – определить внутреннюю форму диалектного слова в ее языковом и контекстном проявлении. Указанные мотивационные словари содержат ценный материал для решения ряда лексикологических и лексикографических проблем, для становления и развития теории мотивации /см. об этом: Блинова О.И., 1986, 1987/. Тем не менее данные словари представляют явление мотивации слов на диалектном материале в пределах одной группы говоров. На основе же литературного языка до сих пор нет ни одного словаря, в котором бы

явление мотивации, мотивационное функционирование слов рассматривалось комплексно, на большом фактическом материале. Мы полагаем, что лексикографическая обработка мотивационного функционирования лексических единиц литературного языка, актуализации их ФС-связей вполне допустима и может быть представлена в виде особого рода словаря (мотивационно-ассоциативного). Мы также предполагаем, что сплошное обследование мотивационных потенциалов хотя бы части словаря, осуществленное в настоящем диссертационном сочинении, поможет не только выявить особенности потенциального функционирования мотивированности этих слов, судить о их месте в лексической системе языка, о тенденциях ее развития (тенденциях к мотивированности и произвольности языкового знака), но и будет способствовать развитию лексикографической практики, выработке критериев лексикографического описания явления мотивации слов, принципов организации мотивационных словарей.

4. Цель и задачи. Цель и задачи настоящей работы определены актуальностью темы.

Цель данного диссертационного сочинения состоит в лексикографическом и теоретическом описании мотивационных ассоциаций лексических единиц русского языка.

Достижение цели работы предполагает решение следующих задач:

1) разработать и апробировать методику проведения ассоциативного эксперимента, при которой слова начинают действовать как стимулы формально-семантических ассоциаций;

2) собрать на основе данной методики значительный массив мотивационно-ассоциативных полей (МА-полей), образуемых лексическими единицами русского языка разных типов и, разработав способ лексикографического описания полученного материала, создать фрагмент “Мотивационно-ассоциативного словаря русских слов”;

3) провести на выявленном массиве мотивационных ассоциаций теоретическое исследование формально-семантических связей лексических единиц русского языка в синхронно-диахронном и нормативно-вариативном аспектах. Для этого:

а) выявить основные направления развития ассоциирования и дать типологию его результатов;

б) определить основные параметры описания МА-полей слов-стимулов;

в) исследовать корреляцию силы МА-потенциала слова, его вариативно-интерпретационную валентность с онтологическими характеристиками слова, такими, как степень членимости и степень мотивированности слова;

г) выявить закономерности процесса формирования и функционирования МА-стереотипов или отклонений от них;

д) исследовать возможность создания синхронной гипотезы, определяющей глубину деэтимологизации слова, для чего рассмотреть корреляцию диахронных процессов развития слова и его синхронных ФС-связей, сопоставить этимологическое поле слова с его МА-полем.

5. Материалы и источники. Материалом для анализа послужили лексические единицы русского языка разных типов, с разным МА-потенциалом. Как мы уже отмечали, исходный словарь был составлен с помощью сплошной выборки из "Словаря русского языка" 107 слов (исключались только абсолютно мотивированные и абсолютно немотивированные слова), на которые в результате проведения эксперимента было получено 10 700 ассоциативных реакций. Таким образом, экспериментальные данные выступают в диссертационном исследовании в качестве основного источника анализа явления мотивации.

Дополнительными, справочными источниками при решении поставленных в работе задач послужили этимологические словари М.Фасмера, А.Г.Преображенского, Н.М.Шанского, П.Я.Черных, а также данные "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И.Даля.

6. Методы исследования. Решение задач, поставленных в работе, предполагает применение различных методов анализа (под методом мы понимаем и аспект изучения, и совокупность исследовательских приемов). В качестве основных использованы методы лингвистического эксперимента и лексикографического описания. Для анализа собранного материала в диссертационном исследовании был применен метод системно-функционального описания мотивированности лексических единиц. Под термином "системное" подразумевается рассмотрение зависимости характера мотивационных ассоциаций слов русского языка от их системных онтологических свойств (таких, как степень мотивированности и членимости), а под термином "функциональное" - определение потенциала мотивационного функционирования данных слов. Для анализа языковых фактов, полученных в результате проведения лингвистического эксперимента, также был использован метод моделирования лингвистических явлений. Имеется в виду моделирование фрагмента мотивационной (формально-семантической, эпидигматической) системности русских слов, их МА-полей. По утверждению А.А.Леонтьева, "лингвист не имеет дело непосредственно с системой <...> как взаимодействием. То, что он называет системой, есть известная абстракция, каркас, построенный из воображаемых элементов (единиц) и моделирующий, хотя и в сильно упрощенном виде, реальные внутрисистемные отношения" /Леонтьев А.А., 1965, с.35/. Метод моделирования МА-полей русской лексики, примененный в работе, предназначен для отображения (с той или иной степенью приближенности) системно-функциональных особенностей проявления свойства мотивированности

лексическими единицами разных типов. Отсюда становится понятной тесная связь этого метода со структурно-системным анализом мотивированных слов. Вспомогательным приемом моделирования является статистическое установление возможных типов исследуемых единиц в взаимосвязях и взаимоотношениях.

Метод лингвистического эксперимента и метод моделирования взаимно дополняют друг друга, ибо моделирование системности языка базируется на экспериментальных данных, которые, в свою очередь, верифицируя созданную модель, позволяют судить о ее адекватности языковой реальности.

7. Новизна проведенного исследования определяется тем, что:

а) диссертационное сочинение представляет собой первый опыт экспериментального сбора и лексикографического описания лексики в ее эпидигматическом измерении;

б) основным методом исследования явился метод лингвистического эксперимента, традиционно рассматриваемый как вспомогательный. Эксперимент позволил не только собрать необходимый лексический материал, но и углубить уровень мотивологического описания каждой лексемы, конкретизировать качество ее синхронной мотивированности, градуировать (с помощью K_m , K_o , K_p , K_b) в мотивационном отношении анализируемый словник;

в) научный интерес представляет также сама методика экспериментального сбора материала, заключающаяся в ориентации испытуемых на звуковую форму слова-стимула. Данная методика сбора материала является новацией в лексикографической практике;

г) в работе проанализирован в избранном аспекте (аспекте восприятия формы) достаточно широкий массив лексики, разработаны принципы его лексикографического описания, создан фрагмент модели системной организации лексики на основе МА-полей слов;

д) введены и обоснованы новые параметры анализа мотивированности (такие, как соотношение формальных, формально-семантических и неформальных ассоциаций, количество отказов, степень разброса реакций, степень формальной и семантической мутации ассоциатов, их "локальная прикрепленность"), которые позволяют выявить особенности мотивационного "поведения" слова, факторы, обусловившие мотивационное функционирование и развитие лексики (степень мотивированности, членимости);

е) в диссертационном сочинении поставлен вопрос о взаимодействии синхронного и диахронного планов мотивации в таком аспекте, как "синхронно-функциональное ощущение генезиса слова". Основываясь на том, что морфемно-мотивационная структура слова определенным образом воплощает в себе его прошлое, настоящее и будущее, рассмотрена возможность создания синхронной гипотезы деэтимологизации слова;

ж) обоснована возможность постановки проблемы мотивационно-ассоциативной нормы (МА-нормы) русских слов как соотношения МА-стереотипа и отклонения от него;

з) исследована зависимость вариативной характеристики мотивационного функционирования слова от системных тенденций его развития, системно заданных потенциалов использования слова.

8. Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в том, что данные, представленные в “Мотивационно-ассоциативном словаре”, открывают широкие перспективы для исследования мотивационных процессов, поэтому этот словарь, возможно, будет полезен лингвистам-исследователям, специалистам по дериватологии, этимологии, семасиологии и ономасиологии и всем тем, кто в своей деятельности учитывает выразительные возможности слова (в школьном преподавании и изучении орфографии русского языка, обучении языку носителей других языков, при формировании эстетического отношения к слову, в научной, деловой, публицистической речи, при создании рекламных текстов, в менеджменте и др.). Ряд положений работы может оказаться полезным для решения некоторых лексикографических проблем при составлении мотивационных, морфемных, словообразовательных, паронимических словарей; при этимологических разысканиях мотивационные ассоциации носителей современного русского языка также могут оказать помощь, косвенно подтверждая ту или иную этимологическую версию или указывая новый возможный путь для лингвистической археологии.

9. На защиту выносятся следующие положения:

а) мотивационное функционирование слова не является периферийной сферой его номинативного функционирования, ибо стремление формы и содержания слова к взаимосоответствию универсально, оно обусловлено коммуникативной сущностью языка.

Данное стремление к соответствию характерно для каждого слова, вследствие чего любое слово может обладать определенным мотивационным потенциалом, однако реализуется этот потенциал у различных слов по-разному (с разной силой, в разных формах);

б) сила мотивационного потенциала слова коррелирует с его онтологическими характеристиками (мотивированностью, членимостью), которые могут быть определены как существенные предпосылки реализации этого потенциала, тем не менее сама реализация не всегда может быть сведена к данным предпосылкам, ибо "природа" мотивационного потенциала слова и его онтологических свойств разная ("функциональная" и "системная");

в) понятие мотивационного потенциала слова включает в себя потенциальную мотивационную вариативность слова во всех возможных направлениях его ФС-связей. Поэтому мотивационный потенциал слова может быть определен как его мотивационная

валентность, отражающая возможность формально-семантического варьирования слова в системе языка;

г) существование мотивационного потенциала у различных слов является фактором системности лексики, что проявляется в притягивании и противопоставлении слов друг другу по формально-семантическому принципу. Причем ведущую роль в установлении данных системных отношений играет именно форма слова, точнее, значимая форма, стремящаяся к соответствию с содержанием. Мотивационная системность в словаре обусловлена наличием морфодеривационного компонента в механизме речевой деятельности, в то же время она сама влияет на регулярное проявление мотивационных отношений в тексте и речи;

д) отмеченная мотивационная системность отражает взаимообусловленность генезиса слова и его синхронного функционирования: генетическая память об истоках слова зафиксирована в его звуковой форме, чье синхронное функционирование представляет собой взаимодействие старого и нового мотивационного качества слова. Таким образом, новое может быть рассмотрено как результат функционирования некоторой исходной структуры;

е) мотивационное ассоциирование предполагает наличие мотивационных рефлексий у каждого носителя языка как обязательного компонента его лингвистической способности. Исследование мотивационных рефлексий, полученных в ходе эксперимента, имеющего "массовый" характер, позволит выявить мотивационные характеристики различных слов, их мотивационно-ассоциативную нормативность.

10. Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и двух приложений. Структура работы отражает соотношение процесса экспериментального сбора, лексикографического описания языкового материала и его теоретического осмысления.

Глава I

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

МОТИВАЦИОННЫХ АССОЦИАЦИЙ

ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

1.1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МОТИВАЦИОННЫХ АССОЦИАЦИЙ РУССКИХ СЛОВ

Во второй половине XX века, особенно в последние его десятилетия, произошло оформление целостной теории мотивации лексических единиц русского языка, в рамках которой изучаются мотивационные отношения слов – отношения, позволяющие осознать мотивированность слова, то есть обусловленность связи его звучания и значения на основе его соотносительности с другими словами. Следует отметить, что развитие теории мотивации и становление мотивологии как раздела лексикологии, исследующего явление мотивации лексических единиц, во многом было определено фундаментальными идеями В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, А.А.Потебни, ономаσιологическими и дериватологическими работами И.С.Торопцева, Л.Н.Мурзина, Е.С.Кубряковой, Л.В.Сахарного, М.А.Михайлова, В.М.Павлова, В.М.Никитевича и др. Существенную роль в разработке вопросов мотивологии сыграла и активизация исследований в области синхронного словообразования /см. работы И.С.Улуханова, В.П.Лопатина, М.Н.Янценецкой, А.Н.Тихонова и др./. К настоящему времени определены исходные научные понятия теории мотивации, роль и некоторые функции мотивированности слова в языке и речи, выявлена связь явления мотивации с другими лексическими явлениями, разработаны проблемы синтеза и анализа мотивированного слова. В последние десятилетия заметна тенденция к сближению мотивологии и синтаксиса, что проявляется, например, в обсуждении вопроса о соотношении синтаксической структуры предложения и морфемной структуры мотивированного слова, которая также, по мысли некоторых исследователей /Е.Л.Гинзбург, Л.В.Сахарный, Л.Н.Мурзин, В.М.Павлов, А.М.Шахнарович и др./ имеет семантико-синтаксическое основание. В связи с интенсивным развитием функциональной лингвистики закономерным представляется и растущий интерес языковедов к динамическому аспекту функционирования слова, к эпидигматическим, формально-семантическим отношениям /Д.Н.Шмелев, А.Е.Иванникова, Н.А.Лукьянова и др./. Мотивология как одно из центральных направлений изучения динамики слова получила свое развитие также в работах Н.Д.Голева, посвященных исследованию морфодеривационных механизмов языкотворческой деятельности, определяющих специфику восприятия мотивированного слова и его функционирования. Активная разработка различных вопросов мотивации ведется учеными Томского университета: проблемы мотивированности рассматриваются здесь в собственно лексикологическом, лексикографическом и источниковедческом аспектах. В последнее время появился ряд работ, анализирующих явление мотивации слов в системе диалекта /О.И.Блинова, В.Г.Наумов/, явление полимотивации и обусловленное им явление варьирования ВФС /О.И.Блинова, Е.В.Михалева, И.В.Тубалова/, исследованы типы

смысловых отношений мотивационно связанных слов /Т.А.Демешкина/, определена соотносительность лексического и мотивационного значений /О.И.Блинова, Н.Г.Нестерова/, доказана значимость мотивированности слова в создании образной речи /О.И.Блинова, Е.А.Юрина/, изучено действие лексических процессов, влияющих на развитие категории мотивированности /О.И.Блинова, Е.В.Михалева/, поставлен вопрос об использовании показаний языкового сознания для мотивологии /О.И.Блинова, А.Н.Ростова, И.В.Тубалова/, осуществлен ряд лексикографических исследований явления мотивации слов, представляющих базу для решения многих актуальных вопросов мотивологии (созданы толковый мотивационный и частотный мотивационный словари).

Однако, несмотря на значительное число работ, различным образом затрагивающих вопросы мотивации, многие проблемы, касающиеся ее функционально-речевых особенностей, до сих пор остаются недостаточно освещенными. Например, до настоящего времени мотивационное функционирование слова рассматривалось не как языковой механизм, проявляющий закономерный, регулярный характер и имеющий относительно самостоятельный статус, а как периферийная сфера номинативного функционирования слова, эпизодически проявляющаяся также и в области детского словотворчества, народной этимологии, в окказиональном словообразовании, языковой игре, организации поэтического текста. Н.Д.Голев отмечает, что подобная ограниченность в рассмотрении языковых фактов, демонстрирующих проявление лексической мотивации в русском языке, имеет объективные предпосылки: дело в том, что "в обыденной речевой деятельности формальная сторона слова и ее связи со смысловой стороной говорящими и слушающими чаще всего не замечаются, и это представляется как речевая норма, выходы за пределы которой любопытны и достойны внимания лингвиста, но тем не менее являются как бы следовыми, а не сущностными" /Голев Н.Д., 1996а, с.1/. По этой причине функционирование мотивации в речи представляется нерегулярным и необязательным, а мотивационное ассоциирование, связанное с восприятием мотивированного слова, - факультативным, имеющим периферийный статус в языке и речи. Во многих работах проявление актуализации морфемно-мотивационного плана слова связывается с определенными условиями, в которых форме становится необходимым сосредоточение внимания на воспринимаемой слова; как правило, такими условиями считаются сложность и непривычность лексических единиц, трудность восприятия малознакомых и малопонятных слов. Ср.: "При нормальных условиях коммуникации мы не фиксируем свое внимание на отдельных элементах слова, но воспринимаем его динамический рисунок как целое. Анализ слова говорящим или слушающим на морфемы и фонемы, осознание этих составных частей слова происходит лишь в том случае, если протекание речевого процесса чем-то затруднено" /Леонтьев А.А.,

1963, с.135/. В остальных случаях "фонема и морфема являются единицами вторичными" /там же/. Таким образом, предполагается, что речь порождается и воспринимается не "поморфемно", а "пословно" и что именно слово является квантом речевой деятельности. Соответственно, морфеме отказывается в способности конструировать, организовывать лексическую систему. Утверждается также, что морфемная структура слова исчерпывает себя актом создания слова и далее только мешает правильному его пониманию. Ср. замечание, сделанное по этому поводу М.В.Русаковой: "Здоровый взрослый человек в нормальных условиях коммуникации не порождает и не воспринимает освоенные языком слова "по морфемам". Напротив, если при восприятии освоенного слова актуализируется его морфемная структура, восприятие только затрудняется" /см.: Уровни языка в речевой деятельности, 1986, с.54-55/. Автор данного замечания, стремясь доказать, что "организация слов в семантическом лексиконе не связана с их морфемным строением" и "место слова в семантическом лексиконе определяется не входящими в него морфемами, а его значением и другими семантическими характеристиками" /там же, с.66/, приводит примеры ассоциативного значения слов-синонимов, различающихся внутренним строением (ЗАРОДЫШ и ЭМБРИОН, ОБЕЗБОЛИВАНИЕ и АНЕСТЕЗИЯ). М.В.Русакова полагает, что если "морфема основы является единицей организации лексикона <...>, это должно проявиться в ассоциативном значении слова, ассоциативном эксперименте" /там же, с.57/. На основании того, что количество ассоциативных ответов, содержащих общий корень со словом-стимулом, и у мотивированных, и у немотивированных слов составляет невысокий процент, делается вывод, что морфема не предназначена для порождения, восприятия, а также для хранения в памяти языковых единиц. Однако данное утверждение разделяется не всеми исследователями русского языка; существуют и другие точки зрения на организацию внутреннего лексикона. Например, А.М.Шахнарович и Л.И.Гараева полагают, что единицей лексикона является морфема, ср.: "По-видимому, то, что мы называем "слово", исследуя внутренний лексикон, на деле – эталон восприятия основы, причем деэтимологизированной, равной корню"; данные эталоны "соотносимы больше не с морфемами, а с морфемами. Кроме того, очевидно, отражают более разнообразный инвентарь морфем, чем тот, на который указывает традиционная лингвистика: очевидно, с одной стороны, существуют эталоны, связанные с различного рода сколками, с другой – эталоны, связанные с основами, являющимися с позиций даже синхронного словообразования явно производными, не одноморфемными, а также с некоторыми формами слов и даже словосочетаниями, то есть со всеми образованиями, которые Л.В.Щерба называл синтагмами. С психолингвистической точки зрения все эти эталоны представляются морфемными, ибо они соотносятся с теми языковыми единицами, которые с позиции человека, которому присуща данная система

эталонов, являются мельчайшими значимыми единицами" /Шахнарович А.М., Гараева Л.И., 1995, с.5-6/. Такие эталоны формируются "в процессе развития в языковой способности человека <...>. С ними и соотносится производное слово при восприятии" /там же/.

Существует и такая точка зрения, согласно которой в памяти человека наряду со словами и вместе со словами хранятся и морфемы, которые по мере надобности всплывают на поверхность сознания, хотя и при более специализированных условиях, нежели слово. Таким образом, "общая стратификация лексикона предусматривает на глубине разные слои морфем..." /см.: Человеческий фактор в языке., 1991, с.133/.

Мы также считаем возможным предположить, что в лексикон, помимо слов в "готовом" виде, могут входить и минимальные значимые языковые единицы – морфемы, и, следовательно, стратегия ассоциирования может представлять собой не только поиск готовой единицы, но и ее конструирование на морфодеривационном уровне. Данная гипотеза согласуется и с существующими в современной психологии и физиологии высшей нервной деятельности положениями о двух составляющих памяти, одна из которых – банк данных, другая – механизм их интерпретации, об асимметрии функции левого и правого полушарий головного мозга, отвечающих за произведение и воспроизведение языковых единиц, ср.: "Левое (точнее, доминантное) полушарие, которое в основном и занято построением речевых высказываний, по-видимому, запоминает схемы структуры в гораздо большей степени, чем сами конкретные словосочетания. В отличие от него правое полушарие помнит целостные (глобальные) единства, которые в нем не делятся на части" /Иванов В.В., 1978, с.39/. Известно также положение о том, что процесс воспроизведения включает в себя все этапы произведения языковой единицы, но в редуцированном виде. Можно предположить, что процессы производимости и воспроизводимости слов действуют параллельно и, следовательно, элементы конструирования лексических единиц и воспроизведения их в "готовом" виде сосуществуют на лексическом уровне. В силу того, что указанные процессы относительно каждого конкретного слова проявляются в разной степени, потенциал мотивационного функционирования у разных слов будет различным. Выявление и анализ мотивационного потенциала различных лексических единиц, а также поиск необходимых условий регулярного включения механизма мотивационного ассоциирования, реализующего данный потенциал, - основная задача настоящего лексикографического исследования.

Как было отмечено во введении, указанная задача естественно предполагает обращение к изучению мотивационного ассоциирования языковой личности, вызванного восприятием формальной стороны слова и ее связи с планом содержания. Нам представляется, что выявление и анализ мотивационного потенциала лексических единиц русского языка необходимо проводить в ассоциативном аспекте, опираясь на мотивационные

ассоциации носителей языка как на основной источник языкового материала. Мы также полагаем, что определение МА-потенциала лексических единиц как таких единиц, которые воспринимаются носителями языка, должно привести к появлению новых акцентов в описании мотивированных слов: опираясь на мотивационные ассоциации этих слов, исследователь языка может проводить работу по декодированию их мотивационного кода, формировать представление о зонах их формально-семантических пересечений в языке, отраженных в сознании носителей языка, судить о реализованной и потенциальной тенденциях формально-семантической интерпретации этих слов и т.д. Мотивационные ассоциации, выступая как текстовые связи, образуют мотивированную основу единства и взаимосвязанности элементов текста, в силу чего изучение мотивационных ассоциаций также позволит определить потенциальный заряд воздействия на языковую личность лексической структуры текста, формирующейся на ассоциативной основе. Таким образом, текстообразующая ориентация МА-связей слов, их роль в интерпретации текста, способность мотивационно-ассоциативной "ауры" слов стимулировать речемыслительную и языкотворческую деятельность говорящих и слушающих, а также возможность расширения наших представлений о формально-семантических связях слов и, что для нас главное, возможность определения мотивационного потенциала этих слов на основе изучения их мотивационных ассоциаций (МА-связи извлекают из слова признаки его мотивированности, а сила этих связей демонстрирует силу его мотивационных потенциалов), - все это и многое другое обуславливает необходимость изучения мотивационно-ассоциативного аспекта слова.

Отметим, что разработка теоретической основы исследования ассоциативного аспекта слова имеет длительную традицию. О фундаментальном значении ассоциативных отношений в языке, об ассоциативности языка писали В.фон Гумбольдт, И.А.Бодуэн де Куртенэ, Ф.де Соссюр, Г.Пауль. Роль ассоциативных связей подчеркивал А.А.Потебня, считавший ассоциацию основой образования представлений, ср.: "Ассоциация состоит в том, что разнородные восприятия, данные одновременно или одно за другим, не уничтожают взаимно своей самостоятельности, подобно двум химически сродным телам, образующим из себя третье, а, оставаясь сами собою, сливаются в одно целое" /Потебня А.А., 1976, с.136/. В современной лингвистике интерес к ассоциативному аспекту слова связан прежде всего с исследованием роли ассоциативных связей лексических единиц в текстообразовании, в частности – в художественном тексте /см. работы Л.В.Зубовой, Н.С.Болотновой, А.И.Аникина, А.П.Клименко, Е.М.Сивухи/. В последние годы усиливается внимание к ассоциациям лексикографов, что подтверждает активная деятельность многих научных коллективов (например, коллективов под руководством А.А.Леонтьева, Ю.Н.Караулова, А.П.Журавлева), создана лексикографическая база для разноаспектного анализа языковых

ассоциаций. Однако необходимо также отметить, что внимание исследователей языка привлекают прежде всего общие закономерности языкового ассоциирования, его соотнесенность с типами речевого мышления, с языковой способностью личности. Что касается мотивационного ассоциирования, отражающего многообразные формально-семантические связи и отношения слов, значимые для носителей языка, то здесь многое остается недостаточно изученным, хотя в некоторых работах /см. указанные работы Л.В.Зубовой и Н.С.Болотновой/ справедливо отмечается важная роль формально-семантических ассоциативных связей слов в организации структуры текста как "по вертикали" (в парадигматике), так и "по горизонтали" (в синтагматике). Такое состояние современной языковедческой науки обуславливает необходимость определения основных понятий и исходных положений мотивационно-ассоциативного исследования потенциала мотивационного функционирования лексических единиц русского языка.

Итак, ключевые понятия изучения явления мотивации в ассоциативном аспекте: ассоциация, языковая ассоциация, мотивационная ассоциация, мотивационно-ассоциативное поле (МА-поле) слова. Термин "ассоциация" в современной психологии трактуется как "связь между психическими явлениями, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого" /Психология. Словарь, 1990, с.28/. В лингвистическом преломлении ассоциация трактуется как актуализируемая в сознании носителя языка связь между словом-стимулом и ассоциатом – коррелятом к стимулу, ср.: "Под языковыми ассоциациями <...> понимается узуально закрепленная в сознании носителей языка и контекстуально обусловленная связь между эксплицированным в тексте словом-стимулом и системой других эксплицированных в тексте слов, соотносительных с ним как на основе многочисленных интегральных и дифференциальных признаков, так и на основе совместной встречаемости в потоке речи в качестве возможных контекстуальных партнеров" /Болотнова Н.С., 1994, с.31/. Как видно из этого определения, за пределами лингвистического изучения ассоциаций оказываются собственно психические или психофизиологические процессы, что на первый взгляд кажется недопустимым, поскольку природа устойчивых сочетаний слов определяется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими, психическими факторами, соотнесенностью соответствующих компонентов этих слов с внеязыковым смыслом. Действительно, языковые ассоциации имеют в своей основе не что иное, как связь между отдельными представлениями: "При ассоциации представление или, точнее, образ нового предмета, фиксируемый в сознании после первого ознакомления с реалией, вызывает в памяти представление (образ) другого известного ранее предмета, для которого имеется наименование. Сопоставляя предметы, субъект выделяет по существу один их общий признак. Именно этот признак (названный

некоторыми исследователями мотивировочным), служащий основанием сравнения, становится признаком мотивации" /Павел В.К., 1983, с.26/. Следовательно, в основе ассоциативности языковых единиц лежит сходство образов, единство внеязыковых смыслов, в силу чего языковую ассоциацию можно определить как связь между бессловесным смыслом и бессмысленным словом, связь, благодаря которой языковые единицы могут указывать на означаемое и быть означающими. Изложенное определяет необходимость психолингвистического подхода к ассоциациям, раскрытия психологических механизмов языкового ассоциирования. Однако данный подход не представляется единственно возможным. Мы полагаем, что языковые ассоциации, как и любые другие языковые явления, можно изучать вне зависимости от тех психологических моментов, которые сопровождают и обуславливают их появление. Данная возможность основана на философском представлении качественной определенности предмета: "Хотя тот или иной предмет неразрывно связан со всем окружающим миром и не может существовать вне этих связей, он характеризуется внутренними, имманентными свойствами, не сводимыми к свойствам других предметов. На данном положении и основана методика "независимого" анализа" /Мурзин Л.Н., 1982, с.21/. Можно сказать, что изучение ассоциаций в языковом аспекте позволит сосредоточить внимание на исследовании объективных принципов, лежащих в основе объединения языковых элементов. Таким образом, объектом изучения лингвиста являются не психические, а вербальные ассоциации, не ассоциирование как психофизиологический процесс, а ассоциирование как объединение, группировка языковых единиц. Всякое объединение предполагает совокупность элементов, связанных между собой определенными отношениями. Ср.: "Вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения" /Соссюр Ф. де, 1977, с.123-124/. Вероятно, мы вправе предположить, что разные группировки имеют разные типы отношений между словами, разные типы связей. Нас интересует прежде всего различие ассоциативных отношений мотивированных и немотивированных слов. Нам представляется, что ассоциации немотивированных слов, несмотря на свое возможное разнообразие, вызываются либо сходным звучанием слов, либо их семантическими отношениями, связями стоящих за данными словами понятий или реалий. Ассоциации же мотивированных слов могут отражать чисто лингвистические, внутренние, мотивационные связи между однокоренными словами, ср.: "Сущность полностью мотивированного знака состоит в том, что он опирается на одну обязательную внутреннюю ассоциацию, а сущность полностью произвольного знака – в том, что он мысленно связывается со всеми другими знаками с помощью факультативных внешних ассоциаций" /Балли Ш., 1955, с.154/. Мы полагаем, что указанная выше

обязательная внутренняя ассоциация мотивированного знака и есть "мотивационная ассоциация". Иначе, мотивационную ассоциацию можно интерпретировать как закрепленный за мотивированным словом в сознании носителей языка мотивационный коррелят, характеризующийся общей или сходной с мотивированным словом морфемно-мотивационной структурой. Разумеется, в лексической системе языка помимо слов полностью мотивированных или полностью произвольных есть немало таких, которые находятся в зоне между мотивированными и произвольными словами, располагаясь, в зависимости от тех или иных своих свойств, ближе к одному из этих полюсов. Как правило, такие слова имеют известные различия при восприятии их носителями языка, ибо чем выше степень мотивированности слова, то есть чем понятнее его внутреннее строение, чем яснее признак, положенный в основу наименования, тем однозначнее мотивационные ассоциации этого слова; и наоборот: чем ниже степень мотивированности слова, то есть чем менее ясна его связь с исходными элементами, чем труднее угадать его мотивировочный признак, тем более разнородны его мотивационные ассоциации. Данный факт может быть объяснен тем, что при восприятии слова с высокой степенью мотивированности и необходимости его объяснения носитель языка может в большей степени ориентироваться на его внутреннее строение, расчлняя слово на составные элементы, которыми определяется его значение. При восприятии же слова с низкой степенью мотивированности особо значимой становится его звуковая форма, поскольку, пытаясь объяснить данное слово, прояснить его строение, носитель языка разлагает слово на звуковые отрезки, которые ассоциирует с другими, близкими по звучанию, словами: как правило, сходное звучание языковых единиц в восприятии носителей языка ассоциируется с определенным тождеством смысла этих единиц, внутренней связанностью их денотатов. Ср.: "Не подлежит сомнению, что созвучие слов, близость их фонетического строя отражается на их понимании, на их семантических связях" /Виноградов В.В., 1960, с.61/. Понятно, что такое ассоциирование может отразить как объективно существующие формально-семантические связи слов, так и субъективные, случайные связи, не соответствующие нормализованным отношениям слов по их значению и звучанию. Было бы, однако, неверно трактовать подобного рода сближения как языковую ошибку, как нарушение языковых правил, языковых законов. Мы полагаем, что в таких сближениях реализуется одна из языковых тенденций, отмеченная еще Ф. де Соссюром, - тенденция к мотивированности, направленная на удержание мотивированности языковых единиц, сохранение диалектической связи их формы и содержания, сохранения мотивированной связи языкового знака с предметом ("...мотивированная связь необходима для того, чтобы язык эффективно выполнял функцию отражения окружающей действительности" /Плотников Б.А., 1984, с.114/). Тенденция к мотивированности

проявляется в осознанном или непроизвольном стремлении человека к мотивированию, то есть к образованию таких языковых единиц, структура которых была бы ему понятна. Данные языковые единицы представляются носителю языка полновеснее и гармоничнее, ибо "чем в большей степени внутренняя форма соответствует содержанию лексической единицы, тем выразительнее и ярче эта единица, поскольку за каждой из таких единиц встает целый художественный образ..." /Плотников Б.А., 1989, с.119/. Наиболее отчетливо тенденция к мотивированности, или тенденция к вторичной мотивированности демотивированной лексики, проявляется в фактах поэтической, народной этимологии, детского словотворчества, паронимической аттракции - фактах перенесения звукового подобия слов на подобие их семантики. Причиной распространения звуковых подобий на семантику слов, как было отмечено, является стремление придать "внутренний" смысл полностью или частично демотивированным словам, объяснить их значение посредством прояснения мотивированности, для чего между этими словами и другими, более или менее сходными по форме, устанавливаются ассоциативные отношения. Несомненно, что отправным пунктом при установлении этих отношений служит форма слова, поскольку всякие сближения между словами возможны только при условии сходства их звучания. Следовательно, первым осознаваемым признаком мотивационной связанности слов является их звуковая близость. Однако только звукового сходства для мотивационного ассоциирования недостаточно; безусловно, звуковой фактор должен быть поддержан фактором семантическим – общностью значений, смысловой связанностью. Тем не менее, еще раз подчеркнем, что важнейшая и первичная роль принадлежит именно звуковой стороне слова, ведь "каждое слово сперва все-таки звучит и лишь потом что-то означает. И с "доразумным" смыслом его звучания для нас, видимо, связано нечто трепетно-драгоценное" /Барлас В., 1986, с.229/. Возможно, это нечто определено тем, что ассоциативное осмысление звучания слова, как бы открывая нам первичную слитность и гармонию восприятия звука и смысла, оживляя давно забытые родственные связи слова, показывает самые истоки его возникновения, или, устанавливая новые связи с чужими словами, новые пересечения формы и содержания, открывает новые смыслы этого слова.

В целом отмеченная роль формальной стороны слова, возможность установления на основе звуковой общности семантической связи слов, то есть притягивание слов друг к другу по формально-семантическому принципу позволяет не согласиться с мнением В.М.Солнцева о том, что "звуковая сторона морфем и слов и ее особенности являются в принципе системонейтральными по отношению к образуемым им системам" и что "системообразующие свойства и морфем и слов <...> определяются их значениями, но не звучаниями" /Солнцев В.М., 1971, с.191/. Мы полагаем, что стремление языкового

сознания к преодолению разобщенности слов, согласованию их семантического и формального родства, стремление формы и содержания слова к взаимосоответствию свидетельствует не только о содержательной, но и о формальной системности языковых единиц, о том, что форма способна устанавливать системные отношения в лексике, точнее, один из видов системных отношений – вид ассоциативной, по Д.Н.Шмелеву, эпидигматической связи, основанной на взаимодействии формальной и семантической сторон слова /Шмелев Д.Н., 1973, с.190-195/. Формально-семантические (мотивационные) ассоциации, отражающие системообразующее действие формы, стремящейся к соответствию с содержанием через установление "родственных" отношений с другими словами, вероятно, можно рассматривать как проявление саморегулирующегося характера языковой системы (мотивационные ассоциации являются "и результатом действия системы на отдельное слово, и проявлением системообразующих свойств звуковой стороны слова" /Голев Н.Д., 1989, с.118/). Вместе с тем сама возможность мотивационного ассоциирования определяется наличием, действием ассоциативного механизма в речевой деятельности, следовательно, мотивационная системность, системообразующие способности мотивационных ассоциаций обусловлены речевой рефлексией носителей языка на форму слова. Тем не менее следует также отметить и обратное влияние системного развертывания ассоциаций на речевое/текстовое ассоциирование: система, присутствуя в сознании носителей языка как образец, основа мотивационного ассоциирования, обеспечивает регулярное проявление мотивационных ассоциаций в речи и тексте. Система как бы создает вероятностно-прогнозирующее поле МА-связей слова, то есть позволяет прогнозировать возможные МА-связи лексических единиц и направления их актуализации в речевой деятельности. Иными словами, система определяет МА-потенциал слов, их готовность участвовать в речевых мотивационно-деривационных процессах.

Как следует из вышесказанного, понятие МА-потенциала является соотносительным с понятием поля, представляющим собой один из возможных типов описания "реальной" системности языка, отражающей готовность языковых единиц к функционированию; полевое представление языковой системы выдвигает на передний план идею группировки, упорядоченного множества взаимодополнительных элементов языковой системы, непрерывности переходов между ними. Надо отметить, что концепция полевого подхода к исследованию системной организации языка является одной из наиболее популярных концепций в современной лингвистике, что доказывает существование многочисленных и разнообразных трактовок понятия поля /анализ ряда концепций поля см.: Кузнецова А.И., 1963; Кацнельсон С.Д., 1965; Щур Г.С., 1971; Залевская А.А., 1977; Бондарко А.В., 1984; Клименко А.П., 1990/. В зависимости от того, что положено в основу группировки

лингвистических элементов, обладающих инвариантными свойствами, - общность понятий, семантики, формы, функции...- выделяют понятийные, семантические, морфологические, функционально-семантические и др. поля. Однако, несмотря на наличие множества точек зрения, представляющих собой весьма значительные варианты теории поля, существует и то общее, что объединяет все варианты и дает возможность говорить о единых принципах полевого исследования системной организации языковых явлений. Данные принципы предусматривают распределение языковых явлений в "поле" на центр и периферию, а также наличие явлений переходного характера, образующих смежные области как между элементами одного поля, так и между разными полями, что обеспечивает в итоге непрерывность языкового пространства в целом. Ср.: "...каждая языковая сущность имеет свое типичное проявление – это центр поля, образуемый оптимальной концентрацией всех признаков, присущих данной категории. По направлению же к окраине, к периферии, самобытность этой категории уменьшается, какие-то из ее существенных признаков исчезают, зато появляются другие, более или менее случайные признаки. Если центр служит представителем поля в его противопоставлении другим полям, то на периферии происходит пересечение, взаимопроникновение полей, нейтрализация значений" /Норман Б.Ю., 1987, с.58/.

Таким образом, главное, что характерно для полевого представления языка, это насыщенность, интенсивность признаков в центре структуры поля и их ослабление, текучесть на его периферии. Заметим, что подобную иерархическую организацию имеют в языке и ассоциативные связи, в результате чего оказывается возможным при исследовании ассоциативных групп и при их интерпретации использовать понятие поля. Ассоциативное поле слова определяется в современной лингвистике как совокупность ассоциатов – реакций на слово-стимул /см. работы А.П.Клименко, А.А.Залевской/. В ассоциативном поле тоже различают ядро (слово-стимул и наиболее частотные, типичные, узуальные реакции на него) и периферию (наименее частотные, индивидуальные ассоциации). Отметим также, что ассоциативному полю лексической единицы постулируется семантическая основа организации, то есть ассоциативное поле представляют как открытое, иерархически упорядоченное множество лексических единиц, связанных со стимулом семантической общностью. Нам представляется, что языковая система располагает не только ассоциативно-семантическими, но и мотивационно-ассоциативными полями, объединяющими слова как по семантическим признакам, так и по звуковой общности: в основе каждого такого поля лежит определенный формально-семантический (мотивационный) инвариант, связывающий различные лексические единицы и обуславливающий их взаимодействие. Таким образом, в качестве МА-поля в настоящей работе рассматривается ассоциативное объединение

различных слов русского языка на основе их двустороннего – формально-семантического – единства. Мы полагаем, что использование полевого подхода при изучении МА-потенциала лексических единиц может быть весьма полезным, поскольку с помощью метода моделирования МА-поля языкового знака можно соответствующим образом отразить представления носителей языка о формально-семантической валентности этого знака, его возможные мотивационные интерпретации, динамику разнонаправленных тенденций его мотивационного функционирования. Структура поля, демонстрируя различную силу различных МА-связей (сила связей неодинакова и определяется частотой их актуализации), может прогнозировать их потенциальное развитие, изменение. Как мы уже отмечали, МА-связи, как и все другие языковые связи, подвержены определенным изменениям: притягивание/отталкивание слов в языковой системе по формально-семантическому принципу обуславливает возможность перегруппировки их связей, которые могут исчезать между одними словами, потерявшими формально-семантическое сходство, и, наоборот, возникать между другими, приобретшими формально-семантическую близость. Из этого следует, что между различными МА-полями не существует четких и неизменных границ и слова-ассоциаты могут переходить из одного поля в другое (а могут и входить сразу в несколько МА-полей, создавая так называемые "смежные области"), а также могут перемещаться и внутри поля, продвигаясь дальше или ближе к слову-стимулу. Таким образом происходит перегруппировка, перечленение, передвижение внутренних и внешних границ поля, что показывает системный характер языковых изменений. Однако надо отметить, что все передвижения связи между словами, их закономерности, могут быть установлены только при диахронном анализе системы языка. В синхронии же МА-поле представляет состояние языка в том его виде, в каком он существует для усредненной языковой личности. Тем не менее, определение тех или иных МА-связей как сильных, устойчивых, синхронно-релевантных или, наоборот, слабых, подвижных, нестабильных, нерегулярных, отражая реальную языковую данность, естественную, объективно существующую формально-семантическую системность лексики русского языка, вскрывает закономерности ее организации, прогнозирует пути и тенденции ее развития.

В целом можно сказать, что МА-поле, фиксируя формально-семантическую валентность слова, его "мотивационные ресурсы", демонстрирует МА-потенции слова, определяющие его готовность к участию в процессах мотивации/деривации, к мотивационному ассоциированию на уровне обыденной речевой деятельности. Мы предполагаем, что МА-потенциалом в той или иной мере обладает любое слово и, следовательно, готовность механизма речевой деятельности к мотивационному ассоциированию является постоянной, и проявляется она в речевой практике регулярно.

Однако, несомненно, разные слова обладают разной степенью готовности к мотивационному ассоциированию, мотивационно-ассоциативному функционированию: от наличия у слова высокочастотных, узуальных мотивационных ассоциаций, отражающих возможность произведения слова в морфодеривационном процессе, его принципиальную "выводимость", до утраты словом способности вызывать мотивационные ассоциации, утраты потенций конструирования на лексико-деривационном уровне, возможность извлечения слова из памяти только в "готовом" виде. Выявление и анализ этих и других форм реализации МА-потенциала и является, как было отмечено выше, задачей настоящего исследования.

Итак, в нашей работе мы исходим из идеи непрерывности мотивационно-ассоциативной деятельности, ее регулярности и массовости проявлений. Механизм мотивационного ассоциирования мы рассматриваем как необходимый компонент порождения и восприятия лексических единиц на лексико-деривационном уровне. Рассмотренные под этим углом зрения мотивационные ассоциации, связанные с фактами народной этимологии, языковой игры, поэтического словотворчества и другими подобными явлениями, предстают как "наиболее очевидные проявления глубинно-сущностных состояний языка/речи", которые "выходят" на поверхность "при наличии соответствующих каналов-"кратеров" /Голев Н.Д., 1996а, с.7/. Можно предположить, что определение таких каналов, то есть условий актуализации морфемно-мотивационного плана слова, покажет, что готовность языкового механизма к мотивационно-ассоциативной деятельности является постоянной и что данный вид деятельности характерен для каждого носителя языка. Видимо, актуализация морфемно-мотивационного плана слова зависит от таких коммуникативных ситуаций, которые делают необходимым обращение к анализу морфемных структур, их семантике. Вероятность актуализации морфемы в таких ситуациях – ситуациях потребности в мотивации – значительно возрастает. Однако, как мы полагаем, включение механизма мотивационного ассоциирования зависит не только и не столько от субъективного целеполагания и соответствующих условий актуализации морфемного плана слова, сколько от наличия мотивационных потенций в самой языковой системе, в самом словарном запасе языка, который и выступает носителем этих потенций, их объективной основой. Уместно в данном случае вспомнить глубокую идею В. фон Гумбольдта об активном характере словарного запаса: "Никоим образом нельзя рассматривать словарный запас языка как готовую, застывшую массу. Не говоря уже о постоянном процессе образования новых слов и словоформ, словарный запас, пока живет в речи народа, представляет собой развивающийся и вновь воспроизводящийся продукт словообразовательной потенции, прежде всего в той своей основе, которой язык обязан своей формой, затем при выучивании языка в детстве и, наконец, при повседневном речепотреблении", и далее – "словарный запас представляет

собой единое целое, поскольку его породила единая сила, и процесс этого порождения непрерывно продолжается" /Гумбольдт В., 1984, с.112/. Процесс такого рода, по мнению Н.Д. Голева, затрагивает не только новообразования, но и "готовые" (уже однажды созданные) производные слова, "поскольку ни словообразовательные потребности и потенции, ни механизмы и условия (позиции) их реализации не прекращают своего действия, а позиции производимости вновь и вновь продолжают возникать, в том числе и позиции, ранее приводящие к необходимости создания (или воссоздания) данного слова" /см.: Лингвистика на исходе XX века, 1995, т.1, с.128-129/. Если исходить из данной точки зрения, то следует признать, что все лексические единицы оказываются прямо или косвенно ("косвенная мотивированность" - термин К.А.Левковской, определяющий мотивированность исходного корневого слова словообразовательного ряда его производными /см.: Левковская К.А., 1962, с.116/) вовлеченными в процесс деривации-мотивации и, следовательно, каждое слово может оказаться в позиции мотиватора или мотивата.

Также следует признать и тот факт, что мотивационное функционирование лексических единиц русского языка является следствием, с одной стороны, активности носителя языка, а с другой стороны, - активности самой языковой системы. Вероятно, присутствие обоих детерминантов характерно для любого включения механизма реализации мотивационных потенций слова, однако соотношение и взаимодействие осознанного отношения к мотивации и непроизвольного ассоциирования как самоосуществляющегося процесса проявляется в разных позициях, разных условиях по-разному. Видимо, можно говорить о том, что в сфере естественной речевой деятельности языковая объективность преобладает и функционирование мотивации зависит в большей мере не от субъекта речи, который лишь реагирует на давление объективных законов языка, а от порождающих возможностей контекста и мотивационных потенций его компонентов – лексических единиц. Усиление же осознанности мотивационных отношений слов связано прежде всего с метаязыковой деятельностью, метаязыковыми размышлениями носителей языка о языковых особенностях любого рода, о форме и содержании языка как в отдельности, так и в их связи. Считается, что метаязыковые рефлексии о мотивационных процессах на уровне речевой деятельности проявляются крайне редко, что "метаязыковой материал создается в речи искусственно, путем моделирования" и речь носителя языка в метаязыковой ситуации направляется исследователем /см.: Наумов В.Г., 1983, с.66/. На наш взгляд, метаязыковые представления говорящих о своем языке являются необходимым компонентом структуры языкового сознания и проявляются не только в виде осознанного теоретического знания, но и на уровне практического владения языком, в процессе речи, в частности, в виде латентного контроля языковой правильности речевого высказывания. И так как языковое сознание

свойственно всем носителям языка независимо от их лингвистической подготовки ("...любой носитель языка в той или иной степени осознает структуру своего языка, нормы и правила его употребления, особенности его функционирования" /Белобородов А.А., 1987, с.133/), способность к мотивационным рефлексиям, актуализации их на уровне сознания обнаруживает каждый носитель языка, а не только лингвист-исследователь. Вместе с тем отметим, что метаязыковые суждения лингвиста отличаются по глубине осознания языкового материала от метаязыковых рефлексий нелингвиста, что исключает возможность механического перенесения продуктов метаязыковой деятельности лингвиста на описание закономерностей мотивационного ассоциирования усредненной языковой личности. В силу этого исследование лингвистом мотивационных ассоциаций лексических единиц русского языка путем интроспекции представляется нам субъективным и ненадежным. С другой стороны, непосредственное языковое чутье носителя языка, его собственное мнение о каком-либо языковом факте может быть таким же субъективным, как и мнение лингвиста. Ср.: "...сознательное сосредоточение внимания информанта на том или ином отрезке и бессознательное употребление его в речи соответствуют двум различным нейрофизиологическим и психологическим ситуациям; то, что воспроизводится как тождественное в одном случае, может оказаться нетождественным в другом, и наоборот" /Леонтьев А.А., 1965, с.65/. Бесспорно, одним из самых объективных и ценных способов сбора языкового материала является наблюдение мотивационных процессов в речевой деятельности носителя языка. Однако речевое общение происходит в ситуациях, которые трудно непосредственно наблюдать и еще труднее – воспроизвести повторно. К тому же в живой разговорной речи актуализируются обычно лишь те связи, которые являются необходимыми для коммуникации именно в данной ситуации. Как правило, на основе таких связей нельзя сформировать специфические знания о мотивационном функционировании лексических единиц русского языка. Все вышесказанное определяет необходимость создания специальных условий, стимулирующих направленность мышления на осознание и интерпретацию синхронно-релевантных формально-семантических связей слов. Такие условия могут быть созданы при проведении лингвистического эксперимента, под которым в современном языкознании понимается метод исследования языкового материала, включающий операции, заданные испытуемому лингвистом-исследователем. Назначение данного метода – "искусственно вызвать явление, подлежащее изучению, с тем чтобы, наблюдая за этим явлением, более глубоко и полно его познать" /Шахнарович А.М., 1974, с.129/. Отметим, что обращение к экспериментальному исследованию различных языковых явлений имеет богатую отечественную традицию, восходящую к И.А.Бодуэну де Куртене, но теоретическое обоснование экспериментального подхода и задачи использования

эксперимента как способа получения информации о функционировании системы живого языка в индивидуальной речевой деятельности его носителей эксплицитно были сформулированы Л.В.Щербой /см.: Щерба Л.В., 1974б/. Л.В.Щерба полагал, что исследователь языка должен изучать не только языковую систему, но и индивидуальную речевую деятельность, то есть язык в его функционировании в сознании говорящего, поэтому лингвистический эксперимент должен всегда иметь дело с языком, которым пользуется говорящий человек.

Данное требование в полной мере относится и к экспериментальным исследованиям в области мотивации, что обусловлено природой этого явления, существующего постольку, поскольку оно осознается носителями языка, в силу чего необходимым условием его исследования является обращение непосредственно к показаниям языкового сознания носителей языка. Конечно, известная доля субъективности при этом неизбежна, однако использование показаний ряда испытуемых повышает надежность экспериментальных данных, позволяет установить средние пределы индивидуальных различий, колебаний при определении мотивационных связей лексических единиц русского языка. Правда, выявление восприятия морфемно-мотивационной структуры слов, фиксация их мотивационных связей, актуальных для "обобщенного" типа носителя языка, вызывает определенные сложности из-за отсутствия в современной языковедческой науке разработанных методик изучения восприятия звуковой формы слова и их верификации на большом фактическом материале. Основная задача настоящего диссертационного сочинения – исследование МА-потенциала лексических единиц – делает необходимой разработку возможной методики выявления особенностей мотивационного функционирования лексических единиц, обобщение и анализ этих данных. Мы полагаем (учитывая все вышесказанное о влиянии "субъективного" фактора на достоверность экспериментальных данных), что задача лингвиста-экспериментатора состоит в максимальной объективизации показаний языкового сознания испытуемых, для чего эксперимент должен проводиться в условиях, максимально приближенных к естественным. Наиболее естественными условиями для изучения мотивационного ассоциирования нам представляются такие условия, в которых информанты отвечали бы не на прямой вопрос о родственных связях анализируемых лексических единиц (такой вопрос актуализировал бы теоретический уровень языковых рефлексий испытуемых), а определяли бы формально-семантические отношения слов, реагируя на "скрытый" вопрос – вопрос, поставленный в такой форме, которая, направляя языковое сознание в нужное русло, актуализировала бы интуитивные ощущения мотивационных связей. Вероятно, постановка эксперимента в таких условиях даст возможность создать косвенным, отраженным способом,

через посредство анализа ассоциативных ответов реципиентов модель мотивационной, формально-семантической системности лексики русского языка.

Итак, достоинство экспериментального изучения языкового материала заключается в том, что данный метод позволяет наблюдать изучаемое явление не только в естественных, но и в искусственных условиях, созданных лингвистом-исследователем. Для изучения мотивационного ассоциирования экспериментальный прием является наиболее эффективным, так как позволяет с наибольшей полнотой определить МА-потенциал слова, максимально расширяя круг его мотивационных связей. Эксперимент активизирует потенциальные ресурсы языка, преодолевает автоматизм речи, настраивает информантов на поиск мотивированности слова как первоисточника его смысла. В то время как в повседневной речевой практике обычное языковое сознание может воспринимать мотивированное слово автоматически, как целостную нерасчлененную единицу, "слышать" форму, но не актуализировать ее, не замечать внутренней связи сходно звучащих слов (такое незамечание, как мы уже отмечали, неверно объяснять незначительностью этой связи для ассоциативной памяти, оно обусловлено другими – коммуникативными – причинами: характером сообщаемой информации, целью высказывания и т.д.), эксперимент актуализирует данные отношения, воскрешает затемненные связи, помогает преодолеть семантическое различие сходно звучащих корней. Экспериментально функционирующая мотивация слова предполагает возможность расшифровки его мотивационного кода в сознании носителей языка. Заключение же в мотивационном коде информация об означаемом и означающем при опоре на разного рода лексические ассоциации (мотивационные и немотивационные) позволяет установить связь, сопряжение плана выражения и плана содержания слова, выявить осознание этого сопряжения языковой личностью. Отметим, что мотивационное ассоциирование отдельной языковой личности имеет индивидуальный характер, является актом индивидуального языкового творчества, тогда как эксперимент, проводимый со многими испытуемыми, на основе устойчивых мотивационных ассоциаций, повторяющихся в нескольких анкетах, выявляет объективный характер мотивации. Можно сказать, что экспериментальная актуализация мотивационного

ассоциирования – процесса, труднодоступного прямому наблюдению и измерению – дает возможность количественно оценить и сравнить полученные результаты. Набор количественных оценок, дополняя качественный подход к исследованию мотивации, характеризует как отдельное слово с точки зрения его МА-потенциала, так и всю лексическую систему в целом, отражает экспериментально верифицированную иерархию всего массива лексических единиц, привлекаемых в работе для анализа их мотивационного потенциала, подтверждает объективность и достоверность всего исследования. Таким

образом, использование экспериментального подхода к исследованию мотивационно-ассоциативного функционирования слов русского языка оказывается весьма полезным, поскольку анализ экспериментальных данных, анализ распределения ассоциативных реакций на заданное слово-стимул, обнаруживая различные типы связи между исходным словом и ассоциативными реакциями, в той или иной мере существенные для организации внутреннего лексикона носителей русского языка, выявляя формально-семантическую валентность исследуемого слова и типичные заполнители этой валентности, предоставляет возможность определения объективных закономерностей функционирования мотивационных отношений лексических единиц русского языка.

Несколько замечаний о последнем. Как показывает анализ лингвистической литературы, актуализация мотивационных отношений слов в функциональном плане обычно рассматривается с точки зрения назначения такой актуализации в речи. Наиболее часто в литературе отмечается информативная функция мотивации, функция объяснения, пояснения того или иного названия, функция стилистического разнообразия речи, создания ее эмоциональности, экспрессивности, образности /см.: Блинова О.И., 1976а, 1984; Янценецкая М.Н., 1979; Наумов В.Г., 1983/. Выделение этих функций соответствует распространенному пониманию функции как предназначения, цели. Однако чтобы реализовать какую-либо цель, языковые единицы должны обладать определенными потенциями, способностью к назначенному поведению, достижению этой цели. Поэтому в понятии "функция" могут быть выделены два аспекта - потенциальный и целевой. Идея различения функции как потенции и функции как достигнутой цели принадлежит А.В.Бондарко, определяющего функцию языковой единицы как "ее способность к выполнению определенного назначения, потенциал функционирования (в "свернутом виде"), и вместе с тем как "реализацию этой способности, то есть результат, цель функционирования" /Бондарко А.В., 1984, с.29/. Важно отметить, что, говоря о потенциале "в свернутом виде", автор имеет в виду не функционирование языковой единицы в полном объеме, а "комплекс основных тенденций, закономерностей и правил функционирования, входящих в характеристику потенций данной единицы и существенных для общей системы функций в данной подсистеме языковых единиц" /там же/. Таким образом, А.В.Бондарко открывает своего рода "формулу функционирования" единиц языка, включающую в себя системно значимые признаки данных единиц, проявляющиеся в реальном процессе функционирования их в речи.

Основываясь на вышеизложенном, мы связываем обсуждение вопроса о мотивационном функционировании лексических единиц не только с вопросом о назначении этого функционирования в речи, его цели (результате), но также и с вопросом о системных

закономерностях и правилах функционирования мотивированности лексических единиц, их способности к определенному мотивационному "поведению". Очевидно, что дифференциация различных аспектов функции не предполагает разрыва и противопоставления потенциальной способности слова к определенному мотивационному "поведению", самого этого поведения и его результата. Все это звенья одной цепи, составляющие единого мотивационного процесса. И с этой позиции мотивационные ассоциации могут быть рассмотрены, с одной стороны, как следствие и цель мотивационной деятельности, а с другой стороны, как среда, в которой осуществляется эта деятельность. Возможность такой интерпретации мотивационных ассоциаций имеет принципиальное значение для выяснения сущности мотивации как самодвижущегося языкового процесса. Однако, несмотря на единство и взаимообусловленность потенций и результатов функционирования, каждый из отмеченных аспектов функции имеет свою специфику. Специфика эта заключается в том, что функция как потенциал функционирования связана с системой языка, а функция как реализация этого потенциала – с речью. Ср.: "Функция также связана с языковой системой, но прежде всего с ее динамическим аспектом, то есть с закономерностями и правилами функционирования элементов системы языка. Отсюда - выход к речи, где функции раскрываются и реализуются как достигнутые цели", и далее - "живой процесс функционирования осуществляется в речи, однако правила и типы функционирования языковых единиц относятся к системе и норме языка, к языковому строю (представляя собой его активный, динамический компонент)" /Бондарко А.В., указ. работа, с.32-33/. В этой связи мотивационные процессы также могут быть рассмотрены как процессы развития слова в системе языка (словаре) или речи (тексте), как реализация мотивационного развития, возможность которого заложена в самом слове, в его готовности и стремлении к формальному и семантическому продолжению. Такую готовность мы и называем МА-потенциалом слова. Как подчеркивает А.В.Бондарко, в понятии "потенциал функционирования" важен обуславливающий фактор по отношению к самому процессу функционирования языковой единицы. Очевидно, что для речевой реализации мотивационных процессов важным обуславливающим фактором является способность слова быть источником мотивации других слов (быть в позиции мотиватора) или выступать объектом мотивации (быть в позиции мотивата). Как уже отмечалось, разные слова обладают разной степенью способности встать в позицию мотивата или мотиватора, следовательно, мотивированность имеет градуальные различия, может быть представлена в слове в большей или меньшей степени, влияющей в какой-то мере на возможность актуализации мотивационных отношений в условиях речевой деятельности. (Заметим, что под актуализацией в современном языкознании понимается "реализация потенциальных свойств

языковых элементов в речи, приспособление их к требованиям данной речевой ситуации" /Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976, с.18/). Основываясь на вышесказанном, следует признать, что возможные функциональные свойства мотивации слова не только обнаруживаются, но и зависят от системы лексических единиц, от места слова в этой системе, от его связей с другими словами. С другой стороны, создаются, возникают эти свойства в речевом функционировании слова. Ср.: "...первичной является текстовая актуальность слова, его активное участие в многообразных семантико-синтаксических позициях<...>. Результаты внутритекстового развития, пройдя этап узуализации, могут стать фактом словаря" /Явление вариативности в языке, 1997, с.95/. Текстовая актуализация мотивационных отношений определяется коммуникативной потребностью говорящего в опоре на предшествующие элементы при разворачивании текста, во включении известного, данного в новое, создаваемое. Можно сказать, что актуализация мотивационных отношений слов необходима говорящему для того, чтобы слушающий как можно более адекватно понял передаваемую информацию, ибо "главное в естественном речевом акте – возбудить, актуализировать у адресата представление о мыслимой ситуации через известные адресату элементы" /Голев Н.Д., 1989, с.15/. Таким образом, мотивационные сцепки в тексте выступают как опорные точки развития и понимания текста. Данная детерминация развития мотивационных процессов в тексте (речи) обуславливает тот факт, что слово, в актуальном состоянии, в процессе разворачивания текста, изменяясь в соответствии с семантико-синтаксическим развитием этого текста, накапливает в себе определенный мотивационный потенциал, определяющий способность этого слова быть в позиции производимости или служить источником производимости других слов. Следовательно, с одной стороны, актуализацию мотивационных процессов в речи можно рассматривать как проявление системообразующих функций мотивации, как реализацию в речи мотивационных потенций слова как элемента системы (система влияет на регулярное проявление мотивационных отношений в тексте и речи), с другой стороны, закономерным может быть и рассмотрение обратного направления детерминации (система обусловлена речевой рефлексией на форму и семантику слов). Думается, что актуализация мотивационных отношений является результатом баланса обоих детерминантов, между которыми нет однозначного взаимосоответствия. Все сказанное позволяет утверждать, что специфика мотивационного функционирования лексических единиц русского языка может быть выявлена лишь на основе опоры на функциональное и системное единство аспектов исследования. Связь и единство данных аспектов обусловлены самой сущностью языка, "невозможностью разорвать в реальной действительности языковую систему и ее функционирование" /Проблемы мотивированности..., 1976, с.101/, что определяет одну из специфических

особенностей слова – его системную и функциональную мотивированность. Эти категории тесно взаимосвязаны, поэтому, обращаясь к исследованию одной из них, неизбежно приходится обращаться и к изучению другой. Видимо, можно сказать, что системность является характерной чертой понятия функционирования, которое в свою очередь может быть охарактеризовано как сверхсложная система функционирующих единиц.

Нужно заметить, что выявление взаимосответствия и взаимодействия мотивации в тексте и словаре – предмет мотивологии будущего, в настоящей же работе на конкретном лексикографическом материале решается часть этой большой проблемы, а именно анализируются факторы, обуславливающие разнообразие мотивационных отношений в словаре, выявляется корреляция системных, "онтологических" характеристик слова (таких, как степень членимости и мотивированности) и силы его МА-потенциала. Мы полагаем, что, выявляя данную корреляцию, мы получим некоторую возможность судить о потенциале мотивационного функционирования слова в речи и его возможных обуславливающих факторах.

Итак, основываясь на вышеизложенном, теоретическую значимость настоящего лексикографического описания мотивационных ассоциаций мы видим в том, что данное описание моделирует фрагмент мотивационной, формально-семантической системы русского языка в аспекте ее потенциального функционирования. В этом аспекте мотивационная система языка предстает как некоторое пространство модельных возможностей, то есть возможных мотивационных отношений лексических единиц русского языка, а их актуализация – как актуализация соотношения значения и формы одного слова со значением и формой другого слова, причем первостепенным здесь представляется формальное отождествление, поскольку "функционирование разного рода смыслов возможно только через языковые формы" /Янценецкая М.Н., 1979, с.73/. То, что потенциальный аспект функционирования связан прежде всего с анализом формы языковой единицы, определяет выбор направления настоящего исследования – от формы к значению, то есть, исходя из определенной формы, должен быть выявлен потенциал ее функционирования, возможный спектр ее связей. Что касается значения слова, то необходимо отметить, что оно, безусловно, не является пассивным компонентом слова в установлении этих связей, однако, как мы полагаем, ведущая роль в установлении эпидигматических отношений в лексической системе языка принадлежит все же форме, точнее – форме, стремящейся к соответствию с содержанием через актуализацию формально-семантических связей с другими словами, воспринимаемыми как родственные. В связи с этим, а также в силу существования отмеченной выше корреляции системного и речевого развертывания мотивационных ассоциаций, корреляции способности формы к

систематизации в лексике и тексте, изучение системообразующего действия формы в словаре представляется нам актуальным.

В целом все вышесказанное делает актуальной задачу составления “Мотивационно-ассоциативного словаря”, имеющего цель представить особенности восприятия формы слова, определить МА-потенциал этого слова, закономерности и тенденции его мотивационного функционирования, наконец, построить всеобъемлющую шкалу мотивационных потенциалов всех лексических единиц, что позволит сравнивать любое слово с любым другим по степени мотивированности, по разнообразию форм мотивации и ее результатов. Вероятно, можно не сомневаться в том, что создаваемый словарь, отражая мотивационные связи слов в их потенциальной готовности к функционированию в речи, явится принципиально новым источником изучения языка и его функционирования.

Далее остановимся более подробно на принципах построения “Мотивационно-ассоциативного словаря”.

1.2. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ “МОТИВАЦИОННО-АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ”

Создаваемый словарь мотивационных ассоциаций лексических единиц русского языка является разновидностью, с одной стороны, ассоциативных, с другой стороны мотивационных словарей. Данное обстоятельство обуславливает необходимость определения общих и отличительных принципов построения указанных типов словарей, их предназначения и источниковедческих возможностей. Мы полагаем, что выявление отмеченных лексикографических особенностей будет способствовать выяснению сущности “Мотивационно-ассоциативного словаря” как нового источника изучения явления мотивации русских слов в ассоциативном аспекте.

Итак, рассмотрим принципы построения словарей ассоциативного типа. В настоящее время существует несколько ассоциативных словарей, цель которых – лексикографическое описание стереотипов, спонтанно формирующихся у носителей языка в процессе восприятия языкового материала. Все ассоциативные словари представляют собой результат ассоциативных экспериментов, возможность которых обусловлена самой коммуникативной сущностью языка, тем, что одно слово может оказаться раздражителем, вызывающим другое слово в качестве ответной реакции. Остановимся подробнее на двух ассоциативных словарях – “Словаре ассоциативных норм русского языка” и “Русском ассоциативном словаре”.

"Словарь ассоциативных норм русского языка" - первый ассоциативный словарь - был издан в 1977 году под редакцией А.А.Леонтьева. Ограничиваясь проблематикой закономерностей выбора той или иной реакции, научный коллектив под руководством А.А.Леонтьева исследовал постоянные, устойчивые связи 200 слов-стимулов, их типовых синтагматических и парадигматических партнеров. Цель данной работы – формирование базы для анализа закономерностей семантического родства слов (точнее, как утверждают авторы, субъективного переживания носителями языка степени их семантического родства), закономерностей совместной встречаемости слов в языке, а также закономерностей их совместной встречаемости в речи. Ср.: "В словаре отражаются субъективно наиболее частые семантические (парадигматические) связи слов, и, следовательно, ориентируясь на наиболее частые реакции, можно ясно представить себе место слова в "семантическом поле", степень его близости к другим словам и характер отношений между ними. В словаре отражаются также наиболее важные синтагматические связи слов и прежде всего – наиболее близкие для сознания носителя языка связные сочетания, например, фразеологизмы" /Словарь ассоциативных норм., 1977, с.4/. Структура "Словаря ассоциативных норм русского языка" типична для всех других ассоциативных словарей (существуют также украинский, белорусский, латышский ассоциативные словари): стимулы являются названиями статей, расположенных по алфавиту, причем количество стимулов редко превышает 200. Ассоциативная словарная статья также стандартна: указывается слово-стимул, а затем в последовательности от более частых к менее частым даются реакции-ответы. Кроме этого, фиксируется общее число испытуемых, давших ответ на данный стимул.

Несколько иной структурой и способом составления отличается от всех ассоциативных словарей "Русский ассоциативный словарь" (РАС), опубликованный в 1994 году. Количество стимулов в РАС (1277 слов) превышает количество стимулов в прежних ассоциативных словарях, причем, как подчеркивают составители данного словаря (Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова), стимульный ряд в 1277 слов почти равен количеству слов, используемых в среднем рядовым носителем языка. РАС состоит из прямого и обратного словарей. В первом объектом анализа является слово-стимул, во втором – слово-реакция. Словарная статья в прямом словаре близка к типовой: реакции расположены в порядке убывания их частотности. Словарная статья в обратном словаре строится принципиально иным образом, чем в существующих ассоциативных словарях: в состав статьи слова-реакции входят все те стимулы, которые вызвали его появление у носителей языка. Такая подача материала позволяет выявить практически все узуальные словосочетания русского языка, идя от стимула или от реакции, актуализировать ассоциативно-вербальную сеть. Отметим, что под ассоциативно-вербальной

сеть в современном языкознании понимают "совокупность лексем и связей между ними, которыми располагает "естественный говорящий", носитель языка" /Караулов Ю.Н., Коробова М.М., 1993, с.5/. Ассоциативно-вербальная сеть представляет язык в его предречевой готовности – не в виде текста или словарного, грамматического описания, а в виде попарно соединенных слов, которые служат материалом для построения предложений. РАС, таким образом, имеет большое значение для решения некоторых задач, связанных с изучением русского языка: он дает возможность исследовать семантические закономерности, закономерности социализации, установить новые типовые ассоциативные связи и индивидуальные семантические изменения, наиболее важные синтагматические отношения, наиболее привычные для носителя русского языка "модели двух слов"... Фиксируя доминантные для настоящего периода понятия и связи между отдельными словами и группами слов (типовые ассоциации), РАС предоставляет возможность лингвистического, психолингвистического, социолингвистического изучения механизмов языкотворческой деятельности, важнейшим элементом которой является ассоциативный стереотип. Опираясь на знание ассоциативных стереотипов, можно более адекватно описывать "устройство" языкового сознания ("РАС является моделью сознания человека" /Русский ассоциативный словарь, 1994, т.1, с.7/) и исследовать его функционирование.

Следует подчеркнуть, что РАС, изучая ассоциативные стереотипы, ориентируется на один тип ассоциативной деятельности, обычно определяемой как свободная: при свободном ассоциировании испытуемый называет любую ассоциацию, возникшую у него на слово-стимул. На основе свободного ассоциирования, выявляемого в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента, при котором фиксируется первый "пришедший в голову" ассоциативный ответ на слово-стимул (немедленная спонтанная лексическая реакция!), построены все существующие ассоциативные словари. Как правило, свободное ассоциирование осуществляется без включения механизма реакции на формальную сторону слова-стимула, в силу чего все работы по экспериментальному изучению ассоциаций лексических единиц русского языка выявляют прежде всего семантические ассоциации. Мы предполагаем, что процессы ассоциирования не ограничиваются лишь одной стратегией, актуализирующей восприятие семантической стороны языковых единиц. Вероятно, выявление ассоциаций, связанных с восприятием формальной стороны слов и ее способности воздействовать на семантический план и функционирование этих слов, должно основываться на стратегии формального и формально-семантического (мотивационного) ассоциирования. Однако свободный ассоциативный эксперимент не является адекватным методом выявления действия механизма мотивационного ассоциирования. Видимо, для актуализации мотивационно-ассоциативной деятельности в экспериментальных условиях

необходимо обращение к идеям так называемого "направленного" ассоциативного эксперимента, в котором "круг слов-ответов ограничивается самим экспериментальным заданием, специализируется" /Сахарный Л.В., 1980, с.21/. Иными словами, если свободный ассоциативный эксперимент не ограничивает информанта в выборе ответа, то при направленном ассоциировании деятельность носителя языка обуславливается инструкцией, создающей у него определенную установку, в соответствии с которой ассоциативный процесс приобретает направленный характер. Таким образом, необходимость установки является одним из центральных моментов проведения направленного эксперимента. Под установкой в современной психологии понимают "процесс возбуждения, напряжения, концентрации, активации психических возможностей личности во время перехода от бессознательного к осознаваемому", главная задача установки – "активизировать те области психической деятельности, которые в определенном психическом акте не актуализированы и не осознаны" /Мачавариани М.В., 1986, с.198/. Нам представляется, что при объяснении мотивационных процессов, осуществляемых при естественном функционировании языка, в конкретно-речевых условиях, нет необходимости говорить о большой роли установки на мотивационно-ассоциативную деятельность. Функционирование мотивации в речи – это прежде всего проявление саморегуляции языка, возникнуть мотивационные сцепки могут только под воздействием определенного коммуникативного задания, при наличии определенных синтаксических и семантических особенностей контекста. Однако в экспериментальных условиях изучения мотивационных отношений ввиду отсутствия необходимых речевых семантико-синтаксических позиций, обуславливающих актуализацию мотивации в естественном функционировании, установка приобретает принципиальное значение, так как именно она создает высокую внутреннюю активность, соответствующую направленность мышления, психологическую готовность носителей языка к реализации своей языковой способности, своих знаний о языке. Ср.: "Интеллектуальная активность испытуемых в ходе направленного ассоциативного эксперимента, когда установка дать определенный вид реакции требует целеустремленного осмысления исходного слова, должна быть более высокой, чем в процессе свободного ассоциирования" /Залевская А.А., 1977, с.36/. К этому можно добавить, что установка, практически исключая из ответов ненаправленные реакции, существенно сокращает разброс ассоциаций, создавая тем самым возможность для более глубокого проникновения в структуру изучаемых ассоциативных связей. Причем, что также важно, если для простого ассоциативного эксперимента признаются надежными данные, полученные от нескольких сот испытуемых, то методика направленного эксперимента позволяет за счет уменьшения числа случайных ассоциаций ограничиться значительно меньшим числом информантов (например, одной сотней).

Таким образом, мы полагаем, что методика экспериментального сбора материала для словаря мотивационных ассоциаций, направленного, в отличие от других ассоциативных словарей, на изучение механизмов восприятия материальной стороны слова, формирующей эпидигматику лексики, должна основываться на стратегии формально-семантического (мотивационного) ассоциирования. В мотивационном ассоциировании предъявлению стимулов должен предшествовать установочный текст, ориентирующий испытуемых на звуковую форму слова. Такая стратегия ассоциирования является новацией в практике составления ассоциативных словарей.

В целом рассмотрение ассоциативных словарей показало, что явление мотивации, мотивационные отношения слов русского языка не находят адекватного отражения в существующих ассоциативных словарях. Лексикографическая обработка мотивационных связей слов осуществляется в другом лексикографическом жанре – жанре мотивационного словаря.

Следует отметить, что жанр словаря, специально обслуживающего потребности мотивации, – новый жанр в лексикографической практике (его предшественниками можно считать морфемные, словообразовательные, этимологические словари, словари паронимов...). На сегодняшний день созданы и опубликованы два мотивационных словаря, отражающие различные стороны явления мотивации: это мотивационный толковый словарь и частотный мотивационный словарь. Частотный мотивационный словарь ("Частотный мотивационный словарь: Говоры Среднего Приобья") – словарь вторичный, созданный О.И.Блиновой на основе толкового мотивационного словаря. Его значение определяется тем, что в нем сконцентрированно представлены статистические характеристики мотивированных и немотивированных слов, отражающие их речевую актуализацию, точнее, частотность актуализации ими отношений лексической и структурной мотивации. Для нас наибольший интерес представляет мотивационный толковый словарь, воплощенный в лексикографическом издании "Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / Под ред. О.И.Блиновой. – Томск, 1982-1983гг." (далее – МДС). Назначение МДС – "представить в лексикографически обработанной форме мотивированные слова диалекта во всем разнообразии и сложности их мотивационных связей с другими словами, которые обнаруживает реальная речевая действительность" /Блинова О.И., 1984, с.164/. Иными словами, МДС должен представить актуализированные отношения мотивации, позволяющие осознать мотивированность слова – рациональность связи его звучания и значения. В состав МДС вошли в алфавитном порядке мотивированные и немотивированные слова среднеобского диалекта. Структура словарной статьи МДС включает:

1) мотивированное (полумотивированное) слово, его грамматическую характеристику, толкование его значения, по возможности привлекающее единицы, мотивирующие данное слово;

2) мотивирующие слова: лексические и структурные. Мотивирующие слова сопровождаются цифрами, отражающими количество зафиксированных случаев актуализации мотивационных отношений по данным источников МДС;

3) контексты, иллюстрирующие актуализацию мотивационных отношений мотивированного (полумотивированного) слова в речи. Авторы словаря отмечают, что "подавляющая часть метатекстов получена до начала работы над МДС, еще при сборе материала для среднеобского дифференциального словаря, и представляет собой показания языкового сознания носителей диалекта, данные по их инициативе" /Блинова О.И., 1984, с.173/. Иными словами, иллюстративный материал, предложенный в МДС, представляет собой отрывки естественной разговорной (диалектной) речи. Следовательно, можно сказать, что МДС построен на принципе взаимообусловленности системы языка (мотивационной, словообразовательной характеристики слова) и речи (его контекстного употребления, текстового развертывания мотивационных процессов).

Возможно, для получения более полного и точного представления о мотивационном функционировании слова в языковой системе, с одной стороны, и в речевой деятельности, с другой, для решения проблемы соотношения указанных типов мотивационного функционирования слова (функционирования как потенциала и функционирования как реализации этого потенциала) целесообразно создание двух видов мотивационных словарей – "системного/языкового" и "контекстного/речевого". Безусловно, необходим мотивационный словарь, построенный на материале всех мотивированных и полумотивированных слов литературного языка. Составление таких словарей – актуальная задача современной лексикографии. Однако, как мы полагаем, базой, основой для их создания, для изучения многих лексикологических и лексикографических проблем может служить "Мотивационный диалектный словарь", отразивший мотивационные отношения слов среднеобского диалекта и частоту их актуализации в речи. Информативные, источниковедческие возможности этого словаря обширны, и связаны они прежде всего с его большой фактической базой, предоставляющей возможность для многоаспектного изучения мотивационных отношений лексических единиц, для развития теории мотивации. МДС содержит ценный материал для уточнения статуса явления мотивации среди других лексических явлений, для определения влияния мотивированности слова на его семантику, образность, экспрессивность, для выявления действия различных лексических процессов, связанных с мотивированностью слова, - лексикализации ВФС, демотивации, ремотивации

(последнее позволит судить о соотношении тенденций к мотивированности и произвольности языкового знака, отражением которых являются указанные процессы). МДС выявил явление речевой полимотивации и явление варьирования ВФС, формы выражения этого явления, его динамику и масштабы... Отмеченные здесь возможности МДС не исчерпывают всех его информативных возможностей (подробнее об источниковедческих возможностях МДС см.: Блинова О.И., 1984, с.176-179; 1986), к тому же "некоторые из аспектов пока вряд ли предсказуемы"/Блинова О.И., 1984, с.180/. Однако уже сейчас можно сказать, что МДС представляет собой ценный источник для исследования явления мотивации слов как лингвистической универсалии, для разработки и решения многих вопросов мотивологии, лексикологии, дериватологии, этимологии... Тем не менее МДС "как новый тип словаря нуждается в дальнейшем осмыслении в качестве объекта теоретической лексикографии, в усовершенствовании принципов его организации, с чем будет связано повышение его источниковедческих возможностей" /Блинова О.И., 1986, с.128/. Сказанное может быть отнесено и к развитию жанра мотивационного словаря в целом. Мы связываем развитие этого жанра прежде всего с экспериментом, точнее, с направленным экспериментом, который, обнаруживая осознание носителями языка ассоциативности мотивированных слов, может явиться основой для мотивационного словаря, отражающего потенциальный аспект мотивационных функций. Мы полагаем, что данные такого словаря позволят верифицировать на функциональном уровне существующие структурно-семантические классификации слов по степени их мотивированности. Более того, экспериментальные данные позволят существенным образом детализировать эти классификации, градуировать "переходные" зоны между группами лексем, конкретизировать мотивационную характеристику слова, качество его синхронной мотивированности.

Нет сомнений в том, что роль лингвистического эксперимента в мотивологии, при изучении мотивационного потенциала слова, является основополагающей. Как отмечает О.И.Блинова, эксперимент, "призванный выявить осмысление носителями языка тех или иных языковых фактов, их характеристик, свойств, из приема вспомогательного превратился в один из основных приемов, инструментов познания языка..." /см.: Лексика, грамматика, текст..., 1995, с.3/. Данный факт нашел свое отражение в различных работах, исследующих явление мотивации слов /см. работы Н.Д.Голева, О.И.Блиновой, Е.В.Михалевой, И.В.Тубаловой и др./. На сегодняшний день разработано и апробировано несколько методик проведения лингвистического эксперимента, которые могут быть использованы при изучении различных аспектов явления мотивации слов, выявлены возможные ситуации, наиболее располагающие носителей языка к метаязыковой деятельности, направленной на осознание мотивационных отношений слов. Некоторые из этих ситуаций описаны в

диссертационном сочинении Е.В.Михалевой, исследующем явление лексикализации ВФС. Е.В.Михалева разрабатывает и "испытывает" 4 варианта вопросов, позволяющих собрать необходимый экспериментальный материал и углубить уровень мотивологического описания ВФ слова. Данные вопросы сформулированы следующим образом: 1) почему предмет назван так, а не иначе?, 2) почему мы так говорим?, 3) от какого слова или выражения образовано данное слово? и 4) с какими словами связано данное слово? /Михалева Е.В., 1994, с.66/. На основе этих вопросов собран, описан и обобщен широкий массив лексики: материал исследования составили 990 лексем, извлеченных, как указывает автор, методом сплошной выборки из МАС. К сожалению, автор не поясняет принципов определения "отказанного" материала (990 лексем не исчерпывают всех слов русского языка с лексикализованной ВФ). Но, как бы там ни было, в диссертационном сочинении Е.В.Михалевой, представляющем собой первый опыт экспериментального исследования мотивированности лексики, проанализирован в заданном (эпидигматическом) аспекте достаточно большой лексический материал, использование которого возможно при дальнейшем изучении явления мотивации слов. Большой интерес вызывает и разработанная исследователем методика оценки качества слабомотивированных слов, заключающаяся в подсчете количества ответов информантов разного типа: учитывающих и не учитывающих мотивационное значение слова. Эффективным представляется также способ определения коэффициента мотивированности, демотивированности и лексикализации слова, позволяющий передать динамику его мотивационного "развития", непрерывность действия мотивационных процессов. Безусловно, включение экспериментальных сведений о восприятии мотивированных (слабомотивированных) слов в их мотивологическое описание чрезвычайно важно для изучения функциональной значимости мотивации слов. Но, говоря о значимости и актуальности данного диссертационного сочинения, следует все же отметить и некоторые его спорные моменты, прежде всего касающиеся методики проведения эксперимента, точнее, установочных вопросов, играющих важную роль в ассоциативном эксперименте. Нам представляется, что указанные выше вопросы не однородны по своему характеру, так как они актуализируют различные области лингвистического и металингвистического знания. Например, вопрос "почему предмет назван так, а не иначе?" должен актуализировать этимологическое "чутье" испытуемых или их знания в этой области, вопрос же о синхронных связях слова ("с какими словами связано данное слово?") призван оценить способности информантов к синхронному ассоциированию, не предполагающему лингвистических знаний. Кроме того, ассоциативные ответы испытуемых ни в тексте диссертации, ни в словаре не дифференцируются по принадлежности к

отмеченным вопросам. Указанные обстоятельства, нарушая чистоту эксперимента, несколько уменьшают надежность полученных данных для изучения явления мотивации.

Учитывая это, мы при проведении ассоциативного эксперимента, направленного на определение мотивационного потенциала различных лексических единиц русского языка, использовали один установочный текст, ориентирующий информантов на восприятие звуковой формы слова. Этот текст был предъявлен испытуемым в следующей форме: *“Каждое слово вызывает определенные ассоциации с другими словами. Так, слово ВЗДЫМАТЬСЯ оказывается как бы связанным со словом ДЫМ, так как ВЗДЫМАТЬСЯ значит подниматься кверху, как ДЫМ; слово ВПОПЫХАХ ассоциируется с ПЫХТЕТЬ или ЗАПЫХАТЬСЯ, ибо ВПОПЫХАХ значит сгоряча, ПЫХТЯ, ЗАПЫХАВШИСЬ”*. Далее перед информантами ставился вопрос, связываются ли у них подобным образом предъявляемые для ассоциирования слова с какими-либо другими словами, и затем предлагалось записать то слово или несколько слов, которые первыми “пришли им в голову”. Мы полагаем, что, в отличие от вышеназванных установочных вопросов, направленных на актуальное осознание мотивированности слова, при котором “предмет осознания связан с целью деятельности, находится в поле внимания” /Ейгер Г.В., 1990, с.14/, установочный текст, содержащий примеры мотивационных отношений слов, в большей степени соотносится либо с сознательным контролем, при котором “предмет непосредственно не осознается, но может быть осознан”, либо с контролем бессознательным, при котором “предмет осознания соотносится с имеющимся в памяти эталоном без участия сознательного внимания” /там же/. Иными словами, установка, выбранная нами как первичная, в большей мере основывается на интуитивном ощущении мотивационных связей, она наиболее удалена от актуализации метаязыковых центров, но, тем не менее, свойственные ей элементы метаязыковости, аналогии преодолевают незамечание формальной стороны слова, подавляемой его семантической стороной, пробуждают природное “чутье” корня. Избранная ассоциативная стратегия, направляя языковое чувство к форме слова, основывается на стремлении человека связать между собой слова, принимая во внимание их внешнюю форму, построить языковой знак в соответствии с принципом мотивированности, исходя из синхронно-ассоциативных связей этого знака. Разумеется, при мотивационном ассоциировании чувство формы коррелирует с чувством смысловой общности слов, и последнее при установлении мотивационных отношений играет решающую роль. Однако первый шаг при осознании мотивированности слова заключается в соотнесении воспринятой звуковой формы слова с известными лексическими единицами, затем это формальное отождествление может дополниться отождествлением по смыслу. В том случае, если формальное отождествление воспринимаемого слова по каким-либо причинам не может быть дополнено семантическим

отождествлением, ассоциации будут чисто формальными; если же налицо смысловая связь между стимулом и реакциями, а ее формальное обоснование не выражено, ассоциации могут быть определены как семантические.

Возвращаясь к характеристике использованного нами установочного текста, отметим еще одну его особенность, связанную с тем, что предъявление мотивированного (слабомотивированного) слова предшествует в нем появлению его мотивирующего: последнее появляется после слова-стимула для его объяснения. Видимо, объяснительная функция установки обуславливает ретроспективное направление актуализации морфемно-мотивационного плана слова, при котором мотивированное слово выступает как объект анализа, как "неизвестное", которое должно быть сведено к известному, как "сложное", которое должно быть сведено к простому. Вместе с тем необходимо также отметить, что ретроспекция и анализ направлены не столько на определение исходного пункта развития слова, выявление его генетического плана, сколько на актуализацию тех синхронных связей морфемно-мотивационной структуры слова, которые как будто разъясняют его. При этом реальные факты происхождения слова могут не осознаваться (научная цель перед испытуемыми и не ставилась). Поэтому фиксация тех или иных ассоциативных связей слова как формально-семантических отнюдь не означает генетического родства этих слов. Некоторые формально-семантические ассоциации могут основываться на более или менее случайных сопоставлениях, вызванных простым созвучием лексических единиц. Обычно такие ассоциации являются результатом восприятия непонятного в своем морфемном составе слова, чья этимология может быть выявлена лишь в результате специального лингвистического исследования. Синхронные сближения такого слова с более понятными, привычными лексическими единицами позволяют носителям языка осмыслить его, оживить признак, лежащий в основе данного наименования, хотя этот процесс и идет по пути ложной (народной) этимологии. Надо сказать, что действия народной этимологии гораздо шире, чем иногда предполагается. Ср.: "Народная этимология представляет собой в языке явление патологическое; она выступает лишь в исключительных случаях и затрагивает лишь редкие слова, технические термины или заимствования из других языков, с трудом осваиваемые говорящими" /Соссюр Ф. де, 1977, с.211; см. также: Гельгардт Р.Р., 1956, с.41; Будагов Р.А., 1988, с.80; Вишнякова О.В., 1984, с.34/. Мы, вслед за Н.Д.Голевым, О.И.Блиновой и Т.А.Гридиной, рассматриваем народную этимологию как языковую закономерность, проявление естественной тенденции к построению языкового знака как гармонического целого, правильной структуры, отражающей соответствие смысла и формы: "Народная этимология – результат восприятия нарушенного равновесия между заключенным в слове содержанием и формой его выражения. <...> Народноэтимологические сближения,

основанные на случайном фонетическом сходстве слов, являются реакцией на “изоляцию” той или иной лексической единицы в системе мотивационных ассоциативных связей” /Гридина Т.А., 1989а, с.4-5/. Таким образом, народная этимология имеет системную направленность и отражает синхронные, актуальные для говорящих, МА-связи лексических единиц, сближаемых на основе случайного звукового сходства. Однако иногда такое сближение может соответствовать реальной общности происхождения слов, ибо “подлинные отношения производности и сближения, основанные на случайном языковом совпадении, не разделены в самом языке четкой границей” /Шмелев Д.Н., 1973, с.200/. Есть немало случаев, когда невозможно однозначно определить истинность или ложность мотивационных объяснений. Разумеется, такая неоднозначность характерна прежде всего для слов с “затемненной” этимологической структурой. Заметим, что слова, вошедшие в состав “Мотивационно-ассоциативного словаря”, не одинаковы в этимологическом отношении: этимология одних слов может быть выявлена только с помощью метода реконструкции древней структуры слова, с помощью определения индоевропейских соответствий, другие слова возникли сравнительно недавно и их этимологическая структура еще совершенно ясна носителям языка. Первый тип этимологии в современном языкознании определяют как “дальнюю” этимологию, второй соответственно как “ближнюю” /см. об этом: Откупщиков Ю.В., 1973, с.203-204/. Слова с “ближней” этимологией, как правило, обладают более или менее понятной морфемно-мотивационной структурой и способностью проявлять признак мотивированности. У большинства таких слов мотивированность сохраняется за счет словообразовательных связей с другими лексическими единицами вплоть до исходного слова, мотивирующего все словообразовательное гнездо. “Дальняя” этимология в некоторых случаях может отражать все еще живые ассоциативные связи между словами, но чаще не соответствует мотивационной системе, характерной для современного состояния языка, определяет только его прошлое. Составляя “Мотивационно-ассоциативный словарь”, мы исходили из принципа, что к формально-семантическим ассоциациям могут быть отнесены только современные, живые мотивационные связи между лексическими единицами, образующими МА-поле в силу их взаимодействия и взаимообусловленности. Сближения на этимологической основе, истинная этимология сама по себе не имеет для настоящего исследования значения, если она не ощущается носителями языка непосредственно или в результате размышления и анализа. Поэтому случаи, когда этимологические связи не обеспечиваются более общностью формы или смысла, трактовались нами как формальные или семантические ассоциации. Напротив, ложноэтимологические связи, если они актуальны для языковой личности, были приняты нами во внимание и отнесены к формально-семантическим ассоциациям, ибо такие связи в большей степени, чем утерянная настоящая

этимология, соответствуют данному, современному состоянию языка. Таким образом, формально-семантические ассоциации могут базироваться, во-первых, на сближении генетически родственных слов и, во-вторых, на сближении разнородственных слов. Прослеживая, на чем основывается механизм мотивационного ассоциирования, мы пришли к выводу, что во многих случаях мотивационные сближения являются следствием общности синхронных словообразовательных и этимологических связей; в некоторых случаях мотивационные ассоциации основываются на том, что слова, близкие по звучанию, осознаются как однокоренные. На периферии общего процесса объединения созвучных лексических единиц может происходить сближение слов, этимологически однокоренных, но в синхронии переживающих демотивацию. Тем не менее мы сочли возможным отнести к мотивационным ассоциациям те из них, которые, хотя и слабо связаны между собой в современном русском языке, еще окончательно не порвали родственные связи.

Итак, на основе описанной выше методики выявления мотивационных ассоциаций нами было собрано около 9000 слов-ассоциатов, представляющих собой реакции на 107 слов-стимулов. Собранный материал включен в состав “Мотивационно-ассоциативного словаря”, разрабатываемого научным коллективом под руководством Н.Д.Голева. На данном этапе работы “Мотивационно-ассоциативный словарь” содержит более 3000 слов, большинство из них – слова, обладающие потенциалом мотивационного функционирования (если для РАС важно было представить активный словарный фонд, в котором зафиксированы доминантные понятия и связи между ними, то для “Мотивационно-ассоциативного словаря” интересны были лексемы, способные к актуализации морфемно-мотивационного плана). Слова списка слов-стимулов занимают промежуточное положение между абсолютно мотивированными и немотивированными словами: в состав мотивационного словаря вошли слова с “затемненной” морфемной структурой, но содержащие в себе потенциал установления формально-семантической связи с другими словами. Составители словаря исходят из того, что каждое такое слово представляет собой эпидигматическую гипотезу, которая базируется на позитивных и неоднозначных рефлексиях на это слово. Регулярное включение в словарь абсолютно мотивированных и немотивированных слов, дающих на выходе противоположные по многим параметрам МА-поля, представляется непродуктивным, ибо, как было отмечено во Введении настоящей работы, первые тяготеют к однотипным ассоциативным реакциям, вторые систематически стимулируют отказы от ассоциаций. Вместе с тем включение в словарь некоторых высокомотивированных и немотивированных слов необходимо, ибо данные, полученные на их основе, целесообразно рассматривать в оппозиции с данными, выявленными на основе

лексических единиц с "затемненной" структурой (только на фоне взаимных соответствий могут быть сделаны убедительные обобщения).

Отмечая предварительно некоторые особенности исходного словника, необходимо также указать на то, что внутри него слова-стимулы не однородны по таким параметрам, как частотность, известность, экспрессивность, сфера употребления, происхождение, структура (простая/сложная)... Цель нашего исследования не предполагает анализа влияния данных параметров на характер мотивационных ассоциаций слов, хотя уже сейчас можно предположить, что они значимы на мотивационно-ассоциативном уровне. Однако типология указанных параметров – предмет специальных исследований, задачей же “Мотивационно-ассоциативного словаря” является определение силы мотивационного потенциала различных лексических единиц (коэффициента их функциональной мотивированности) на основе специально разработанной экспериментальной методики, выявляющей восприятие носителями русского языка формальной стороны слова.

Ассоциативный эксперимент проводился нами в виде теста, в устно-письменной форме, то есть информантам устно задавались вопросы и предлагалось ответить на них письменно. Нам представляется, что такая форма, обеспечивая непосредственную реакцию информанта, повышает надежность и объективность экспериментальных данных (при письменно-письменной форме "практически невозможно обеспечить непосредственную реакцию информанта, ответы становятся результатом длительных размышлений и глубокой интерпретации вопроса. <...> Информант, будучи наедине с анкетой, практически бесконтролен" /Львов Л.А., 1972, с.77/). Эксперимент проводился среди различных социальных и возрастных групп (в основном среди студентов различных вузов), а также и с единичными информантами. Социальная принадлежность испытуемых, их возраст, пол, образование, профессия, обстановка, в которой проводится эксперимент (официальная/неофициальная) и пр. факторы, как мы полагаем, могут оказывать некоторое влияние на характер результатов ассоциативного эксперимента (не случайно даже абсолютно мотивированные слова не дают полностью однозначных мотивационных ассоциаций). Тем не менее изучение отмеченных феноменов не является предметом лингвистики, поэтому указанные факторы не вошли в структуру эксперимента. Ассоциативная стратегия, избранная нами, направлена на решение чисто лингвистических задач: исследование формально-семантических сближений лексических единиц на основе их системно-функциональных мотивационных отношений (словообразовательных, этимологических), а также на основе чисто звукового сходства, уподобления по форме. Собранный с помощью указанной ассоциативной стратегии материал получил лексикографическую обработку и предстал в виде “Мотивационно-ассоциативного словаря”.

Словарная статья в “Мотивационно-ассоциативном словаре” строится следующим образом:

(1) Указывается заголовочное слово-стимул, выделенное шрифтом.

(2) Раскрывается значение слова-стимула (в словарной статье пункт 1). Так как слово вне контекста, в изолированной позиции, многозначно, в словарной статье отмечаются различные варианты его значения (однако, как мы полагаем, ассоциативные реакции обычно определяются одним главным значением, ибо "среди значений одного слова обычно доминирует только одно значение – главное значение слова, то есть наиболее частотное при употреблении данного слова в речи и потому первым приходящее на ум при рассмотрении изолированного слова" /Мыркин В.Я., 1994, с.43/). Толкование значения слова может содержать мотивирующие его единицы, если они связаны с выражением основных, актуальных сем этого значения.

(3) Объясняется "научная" этимология (пункт 2). Необходимость этимологической справки обусловлена следующим: мотивационные ассоциации, фиксирующие синхронно-функциональные, народноэтимологические связи, по форме не отличаются от мотивационных ассоциаций, отражающих генетические отношения слов. Поэтому определение характера мотивационных ассоциаций, их синхронно-диахронного статуса, констатация переосмысления мотивированности слова возможна только на основе сравнения МА-связей, выявленных в эксперименте, и исконных словопроизводственных отношений, сведения о которых могут дать этимологические словари. Заметим, что по различным лингво-историческим причинам этимологическая справка может содержать только лаконичную отсылку к соответствующему корню, а может представлять развернутую картину словообразовательного развития языковой единицы с указанием промежуточных звеньев такого развития. Отметим также, что часто в словарной статье дается одна этимология. Однако если относительно какого-либо слова существует несколько этимологических гипотез, то сообщаются они все.

(4) Рассмотрение результатов направленного ассоциативного эксперимента обнаруживает, что стимул связывается с ассоциатами определенными отношениями, "установление типов которых позволяет уточнить картину ассоциативного поля, а также картину организации всей лексики в систему" /Клименко А.П., 1974, с.48/. Не всегда полученные ассоциации поддаются однозначному толкованию, нередко они носят сугубо индивидуальный характер и с трудом интерпретируются. Тем не менее мы сочли возможным выделить следующие группы ассоциаций: мотивационные, формально-семантические (ФСА), формальные (ФА) и семантические ассоциации (СА).

Для формально-семантических ассоциаций характерно наличие формальной и семантической общности лексических единиц: формально-семантические ассоциации основываются на единстве (возможно, кажущемся) корневой морфемы стимула и реакции.

Для формальных ассоциаций характерно наличие формального (звукового) подобия слова-стимула и слова-ассоциата при отсутствии их смыслового сходства. Формальные ассоциации, как правило, являются результатом чисто внешней интерпретации слова: испытуемый пытается найти объяснение для неясного в мотивационном отношении слова, основываясь на полном или частичном сходстве в звуковом оформлении анализируемого слова с каким-либо другим словом. Такая связь не обязательно проясняет мотивированность слова, однако "в функционально-коммуникативном аспекте сопряжение лексических элементов по звуковому сходству никогда не является случайным и в перспективе текста обычно выполняет важную смысловую нагрузку" /Болотнова Н.С., 1994, с.53/.

Для семантических ассоциаций характерна более или менее явная семантическая близость слов при отсутствии их формального сходства или при слабо выраженном его характере. Семантические ассоциации могут быть вызваны, с одной стороны, утратой словом потенций функционирования на мотивационно-ассоциативном уровне, а с другой стороны, они могут быть результатом не-реализации экспериментальной установки, не-включения механизма морфемно-мотивационного анализа, невнимания субъекта, его низкой интеллектуальной активности, отсутствия целеустремленного осмысления мотивированности слова.

Как отмечает Д.Н.Шмелев, некоторые слова могут входить одновременно в несколько лексических парадигм /см.: Шмелев Д.Н., 1973, с.108-109/. Заметим, что и некоторые слова-ассоциаты могут оказываться единицами как бы двоякого подчинения. Например, отдельные слова по одинаковым начальным или конечным частям могут быть отнесены к формальным ассоциациям, а по смысловой общности – к ассоциациям семантическим. (Мы не ставили перед собой цели исследовать структурную мотивированность, созвучие аффиксальных частей слов, поэтому при наличии семантической мотивированности данные слова включались нами в группу семантических ассоциаций.) Особый интерес представляет и так называемое "скрытое созвучие" семантических ассоциаций, когда семантическая реакция дается не на само слово-стимул, а на его формально-семантический коррелят (например, ЗАЗНОБА > [ОЗНОБ] > МОРОЗ или ЗАВЗЯТЫЙ > [ВЗЯТЬ] > БРАТЬ). "Мотивационно-ассоциативный словарь" может способствовать изучению специфики таких семантических ассоциаций.

Итак, полученные в эксперименте ассоциации распределены по трем группам: ФСА, ФА и СА. В словарной статье указывается общее число реакций в каждой группе. Внутри

этих групп слова-реакции располагаются в порядке убывания их частотности. После каждой реакции стоит цифра, обозначающая число информантов, ответивших данным словом на стимул. Если имеется несколько слов-ассоциатов, встретившихся одно и то же количество раз, то они даются в алфавитном порядке.

(5) В конце статьи приводятся цифры, которые указывают на общее число испытуемых, анализирующих слово-стимул, и число испытуемых, оставивших данный стимул без ответа, то есть количество отказов от ассоциирования.

Приводим образец словарной статьи “Мотивационно-ассоциативного словаря” (целиком фрагмент словаря, составленный нами, дан в приложении):

ЗАПЫХАТЬСЯ

1. Начать дышать с трудом от быстрой ходьбы, бега, усталости.

2. Образовано от гл. ПЫХАТЬ 'тяжело дышать', отмеченного в словаре В.И.Даля /Даль В.И., т.3, с.548/, родственного ПЫХТЕТЬ, ВСПЫХНУТЬ, ПЫШНЫЙ, ПЫШКА, связано чередованием гласных с ПУХ, ПУХНУТЬ /см.: Преображенский, т.2, с.161; Фасмер, т.3, с.414, 421-422; Шанский, с.58/.

	<u>ФСА (58)</u>		<u>ФА (16)</u>		<u>СА (15)</u>
6	пыхтеть	47	пухнуть	4	задохнуться
3	пыхать	7	вспыхнуть	3	устать
1	впопыхах	2	пух	2	быстрый
1	запыхтеть	1	пышный	2	дышать
1	пых	1	запухать	1	еле дышать
1			запустить	1	напрягаться
1			пахать	1	трудно дышать

1	пухлый	1	тяжело
	пышка	1	

Отказов – 11

Всего - 100

Мы полагаем, что информативная значимость каждой части словарной статьи, а также их соотношение в целом характеризуют слово с точки зрения потенций его мотивационного функционирования, динамики его мотивационного развития. Выявляя в ассоциативных "выходах" особенности мотивационного "поведения" различных лексических единиц, мы получаем некоторую возможность судить о мотивационных процессах, действующих в русском языке, дать общий ориентир и перспективу актуализации мотивированности различных слов в условиях естественной речевой деятельности.

В целом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать, что проведение исследования мотивационных ассоциаций лексических единиц русского языка в лексикографическом аспекте поможет не только выявить мотивационный потенциал слова, расширить лексикографическую практику, но и предоставит возможность (фактическую базу) для многоаспектного изучения мотивационных ассоциаций. В настоящем диссертационном сочинении мотивационные ассоциации анализируются в двух возможных аспектах - синхронно-диахронном (глава II) и нормативно-вариативном (глава III). Выбранные аспекты представляются нам одними из наиболее важных для исследования функционирования мотивированности слова: синхронно-диахронный подход позволяет определить соотношение процесса мотивационного развития слова и его результата, увидеть динамику мотивационных связей лексических единиц русского языка, их глубину и многомерность. Нормативно-вариативный анализ мотивационных ассоциаций представляется полезным для уяснения синхронно-релевантных мотивационных связей, их актуальности и нормативности для носителей русского языка, с одной стороны, а также для обнаружения не реализованных мотивационной нормой потенций языкового знака, отклонений от МА-стереотипов как проявления функционально-динамической сущности мотивации, с другой. Мы полагаем, что рассмотрение формально-семантической динамики лексических единиц в синхронно-диахронном и нормативно-вариативном аспектах, выявляющее разнонаправленные тенденции мотивационного функционирования слова, его возможные мотивационные интерпретации, будет способствовать определению некоторых тенденций функционирования системы языка в целом как механизма порождения (конструирования) и употребления (актуализации) языкового знака в коммуникативном акте.

ВЫВОДЫ

1. Рассмотрение особенностей функционально-динамического моделирования лексической мотивации позволило нам прийти к выводу о необходимости и актуальности создания мотивационного словаря ассоциативного типа. В пользу создания такого словаря можно привести следующие основания. Мотивационно-ассоциативные связи слов, детерминируемые самим устройством языка, его сущностными свойствами, глубинной природой языкового единства формы и смысла, демонстрируют включение мотивационно-ассоциативного механизма в языковой/речевой деятельности, реальность функционирования лексической мотивации. Однако мотивационное ассоциирование, отражая сущностное начало языка, с одной стороны, ограничивается, с другой стороны, действием тенденции к немотивированности языкового знака, проявляющейся в стремлении слова к преодолению изоморфизма (основной характеристикой слова признается его идиоматичность). Отмеченная неоднозначная детерминация мотивационного ассоциирования обуславливает факультативность включения мотивационно-ассоциативного механизма в языковой/речевой сфере. Факультативность же включения данного механизма делает незаметным его постоянное действие, точнее, готовность к действию. Тем не менее проявления мотивационно-ассоциативной деятельности могут быть связаны с любым словом (как с новообразованием, так и с "готовым" словом, ибо воспроизведение "готового" слова не исключает его "творимости"), поскольку стремление формы и содержания к соответствию в силу своей универсальности проецируется на каждое слово, вследствие чего любое слово может обладать определенным потенциалом мотивационно-ассоциативного функционирования. Однако реализация этого потенциала у разных слов может проявляться по-разному, с разной силой, в разных формах. Создание "Мотивационно-ассоциативного словаря", фиксирующего синхронно-релевантные мотивационные отношения лексических единиц, позволит выявить тенденции реализации их мотивационных потенциалов, прогнозировать возможное мотивационное осмысление слов при их функционировании в языке/речи.

2. Ненаблюдаемость и факультативность проявления мотивационных ассоциаций затрудняют их лексикографическую фиксацию. Данное обстоятельство обуславливает необходимость экспериментального выявления потенциалов мотивационного функционирования лексических единиц. Отмеченная нами объективная неоднозначность мотивационного ассоциирования предполагает особую ассоциативную стратегию выведения ассоциаций, вызываемых формальным планом слова, на поверхность в экспериментальных условиях. Методика ассоциативного эксперимента, при которой слова начинают действовать как стимулы формально-семантических ассоциаций, предопределяет необходимость установки на мотивационно-ассоциативную деятельность, усиления направленности языкового мышления на осмысление формально-семантических связей слов. Нами была избрана установка (установочный текст, содержащий примеры мотивационных отношений слов), в определенной мере основывающаяся на интуитивном ощущении носителями языка мотивационных связей, актуализирующая наиболее "непроизвольное" мотивационное ассоциирование, что, как мы полагаем, повышает надежность и объективность данных мотивационно-ассоциативного эксперимента. Данная ассоциативная стратегия показала свою эффективность в представлении эпидигматики русского языка, ее релевантности для языковой личности. Ассоциативный эксперимент, проводимый нами среди различных социальных и возрастных групп, а также с единичными информантами, выявил, что мотивационные рефлексии характерны для любого носителя языка как необходимый компонент его языковой способности.

3. На основе разработанной методики экспериментального сбора материала выявлено 107 МА-полей, образуемых лексическими единицами русского языка разных типов, создан фрагмент "Мотивационно-ассоциативного словаря русских слов". "Мотивационно-ассоциативный словарь", определяя место слова в системе языка в соответствии с его мотивационно-ассоциативным потенциалом, фиксируя слово в совокупности его мотивационных связей, моделирует формально-семантическую (эпидигматическую) системность русских слов на основе их МА-полей, формирующихся за счет притягивания и противопоставления слов друг другу по формально-семантическому принципу. МА-поле отражает системообразующее действие значимой формы слова, стремящейся к соответствию со своим содержанием через установление родственных, формально-семантических отношений с другими словами. Мотивационная системность словаря, определяя возможные функциональные свойства лексической единицы как элемента системы, обуславливая актуализацию мотивационных отношений в речи/тексте как реализацию системных мотивационных потенциалов, коррелирует с речевой рефлексией на форму и семантику слова,

связанной с механизмами текстообразования, создающими эти потенции (мотивационные ассоциации в тексте являются естественным продолжением морфодеривационных текстовых процессов). Сказанное позволяет утверждать, что определение специфики мотивационного функционирования лексических единиц может быть выявлено лишь на основе опоры на функциональное и системное единство аспектов исследования.

4. Возможность выявления и анализа формально-семантических ассоциаций, определения силы мотивационного потенциала слова, его функциональной мотивационности составляет основное теоретическое значение “Мотивационно-ассоциативного словаря”. Мы полагаем, что лексикографическое описание и исследование больших массивов лексических единиц, разнообразных в мотивационном отношении, содержит, с одной стороны, предпосылки для перехода от выработки теоретических положений мотивологии к их практической верификации на экспериментальном материале. С другой стороны, анализ лексикографического материала представляет возможность выявления новых закономерностей мотивационного функционирования русской лексики, более глубокого изучения ее системного устройства в формально-семантическом аспекте. Следовательно, “Мотивационно-ассоциативный словарь” может быть использован как база для новых научных разработок и положений в сфере теоретического изучения явления мотивации.

Глава II

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННЫХ АССОЦИАЦИЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА (СИНХРОНИЯ / ДИАХРОНИЯ)

2.1. О ВОЗМОЖНОСТЯХ СИНХРОННО-ДИАХРОННОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА. ИСТОРИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРИРОДА СЛОВА

Понятия синхронной и диахронной лингвистики были разработаны и эксплицитно сформулированы Ф. де Соссюром /см.: Соссюр Ф. де, 1977, с.116/, определявшим синхронию как такое состояние языка, для которого характерны отношения, связывающие сосуществующие элементы языка (отношения сосуществования) и образующие систему, и

диахронию, для которой характерны отношения, связывающие элементы языка, следующие друг за другом во времени (отношения замещения) и потому системы не образующие и не воспринимаемые одним и тем же коллективным сознанием. В результате того, что антиномия между синхронией и диахронией предстает как антиномия между системой и изменением, синхронная лингвистика интерпретировалась Ф. де Соссюром как лингвистика статическая, а диахронная - как лингвистика динамическая. Данные определения привели Соссюра к тому, что противопоставление синхронии и диахронии представлялось ему как абсолютное и не терпящее компромисса. При этом Соссюр, стремясь утвердить синхронию и отличить ее от диахронии, говорит о приоритете синхронного анализа над диахронным, так как, по его мнению, только синхронная точка зрения дает возможность воспринимать язык как систему, абстрагируясь от развития языка, представляемого как цепь случайных и изолированных изменений.

Для многих представителей современной лингвистической мысли, в отличие от Ф. де Соссюра, характерен не разрыв и противопоставление синхронного и диахронного аспектов рассмотрения явлений языка, а их тесная связь и взаимообусловленность /см. работы В.В.Виноградова, В.В.Лопатина, И.С.Улуханова, В.И.Максимова/. Признавая, что чисто синхронное или диахронное описание языка имеет ряд преимуществ, авторы данных работ отмечают, что искусственное разграничение синхронии и диахронии и разрыв того, что в языке находится в неразрывной связи, нередко приводит к неправильным теоретическим построениям и неадекватному описанию языковой системы. Применение же синхронно-диахронного подхода "способствует более полному раскрытию особенностей системы современного языка, тенденций в ее развитии, выявлению и отграничению в ней активизирующихся и архаизирующихся структурных элементов, их соотношения. Такой подход по-иному освещает и само понятие синхронности, раскрывая его со стороны функциональной, а не абстрактно формальной" /Максимов В.И., 1977б, с.37/. При этом, синхронно-диахронным описанием, по мнению И.С.Улуханова, целесообразно считать "не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия и прежде всего того, в какой мере синхронные связи между существующими явлениями отражают процесс развития одного явления из другого" /Улуханов И.С., 1992а, с.5/ (выделено нами - О.П.). С этой целью каждая существующая синхронная связь должна получить диахронную интерпретацию. Применительно к "полумотивированным" словам, составляющим большую зону между мотивированными и немотивированными словами, должны быть представлены "диахронические причины ослабления или разрыва связи <...> между диахронически однокоренными, но синхронно слабо связанными словами" /там же/.

Следовательно, для выявления соответствия или несоответствия синхронных связей и диахронных преобразований, слово, его морфемно-мотивационная структура должна быть рассмотрена одновременно с синхронной и диахронной точек зрения. По всей вероятности, именно морфемно-мотивационная структура слова является тем компонентом слова, который олицетворяет неразрывность синхронных и диахронных связей в языковой системе, так как, с одной стороны, она несет в себе следы образования слова, отражает его диахронные связи, а с другой стороны, ставит данное слово в синхронную зависимость от других лексических единиц. Изучение и описание морфемно-мотивационной структуры слова, фиксирующее наличие или отсутствие соответствия синхронных связей и диахронных изменений, имеет большое значение: оно способствует более глубокому исследованию как синхронных, так и диахронных фактов языка.

В настоящем разделе исследования анализ мотивационных ассоциаций лексических единиц русского языка проводится в рамках синхронно-диахронного описания. Мы вслед за И.С.Улукхановым исходим из того, что диахронное и синхронное в языке не противопоставлены друг другу, а находятся в отношениях корреляции. Мы предполагаем, что исторические процессы во многом определяют восприятие синхронной структуры слова и проявляются в структуре ассоциативного поля данного слова. Выявление восприятия структуры слова, соотношения фактов истории языка и его современного состояния осуществляется нами с опорой на показания языкового сознания носителей языка, полученные в результате лингвистического эксперимента.

2.2. ДИАХРОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВЕ

Прежде чем перейти к анализу тех параметров ассоциативного поля слова, с которыми коррелируют факты языкового прошлого, отметим, что несоответствие исторической и современной структуры слова обусловлено тем, что структура слова не является раз и навсегда данной слову, а изменяется со временем. Ее изменение происходит вследствие воздействия целого ряда факторов, которые нередко приводят к частичной или полной деэтимологизации слова. Под деэтимологизацией в диссертации понимается "явление, при котором происходит утрата первоначальной мотивированности слова, опирающейся на его словообразовательные связи внутри этимологического гнезда" /Аркадьева Т.Г., 1990, с.4/. В результате деэтимологизации "однокоренные слова, в прошлом члены одной сознаваемой словообразовательной парадигмы, в современном языке

превращаются в этимоны" /там же/, что приводит к затемнению этимологического признака слова, его этимологической структуры. Процесс деэтимологизации имеет диахронный характер, в синхронии ему соответствует процесс демотивации - "утрата мотивированности слова в определенный период языка" /Блинова О.И., 1984, с.80/.

Теоретическим обоснованием демотивационного процесса является действие тенденции к произвольности языкового знака, способствующей, по мысли А.П.Журавлева /см.: Проблемы мотивированности..., 1976, с.20-23/, саморазвитию знаковой системы языка и тем самым прогрессу умственной деятельности, ибо вследствие действия этой тенденции знак связывается уже не с предметом, а с мышлением, на что указывал еще А.А.Потебня /см.: Потебня А.А., 1905, с.449, 454; 1976, с.536/, размышляя о развитии языка, совершающегося при посредстве затемнения представления в слове и возникновении в силу этого и в силу новых восприятий новых представлений. А.А.Потебня полагал, что в своих истоках слово связано с предметом, с объектом действительности, с сущностью называемого явления, но в зависимости от своего употребления слово может от него абстрагироваться, сделаться стереотипным, все больше и больше утрачивая свой "первообразный" смысл и приобретая новые оттенки и значения, служащие уже для выражения самых отвлеченных понятий, что вызвано к жизни активным развитием научного мышления и общественным прогрессом. Таким образом, забвение этимологии слова связано с изменением словарного состава языка, с развитием многозначности и многоплановости слова, с формированием обобщающего характера слова. "Всего этого язык не смог бы достигнуть, если бы каждое слово "закреплялось" за исходным значением, не изменялось, не порывало бы с первоначальными ассоциациями" /Будагов Р.А., 1988, с.85/.

Наряду с признанием того, что процесс демотивации обусловлен самостоятельной и целенаправленной тенденцией к произвольности, в лингвистической литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что демотивация не имеет активного характера и является следствием других языковых процессов: фонетических, морфологических, лексико-семантических, стилистических. В качестве производного процесса от формальных и семантических изменений слова рассматривают демотивацию Л.А.Булаховский, И.С.Торопцев, О.И.Блинова, Т.Г.Аркадьева, Ю.С.Маслов /см.: Аркадьева Т.Г., 1973, 1990; Булаховский Л.А., 1949; Торопцев И.С., 1964; Блинова О.И., 1984; Маслов Ю.С., 1987/.

Наиболее действенным фактором демотивации, как считают исследователи, "являются фонетические изменения, которые видоизменяют звуковые оболочки слов, уничтожая базу для фонетических сближений слова" /Блинова О.И., 1984, с.81/. Многие лексические единицы современного русского языка утратили мотивированность в силу действия таких фонетических процессов, имевших место в историческом прошлом русского

языка, как утрата количественных различий гласных, преобразование сочетаний гласных с плавными, палатализация согласных, падение редуцированных. Языковеды отмечают, что среди фонетических процессов, действующих постоянно и приводящих к нарушению мотивационных связей слов, оказываются ассимиляция, диссимиляция, утрата звуков, гаплоглия, метатеза и некоторые другие /Комлев Н.Г., 1969, с.9/. По данным, приводимым Т.Г.Аркадьевой, 57% рассмотренных случаев дают основание говорить, что толчком к разрушению этимологического гнезда и обособлению его членов является фонетическое расхождение корневой части этимологически связанных слов /см. по раб. Комлева Н.Г., 1969, с.11/.

Т.Г.Аркадьева также обращает внимание исследователей на то, что во многих случаях важнейшим обуславливающим фактором распада этимологических групп является выпадение из словарного состава современного русского языка исходного корневого слова словообразовательного гнезда, так как доминантное семантическое значение корня практически находится вне конкуренции по удельному весу с другими составляющими (утрачено, например, исходное корневое слово ХЫЖА у современного демотивированного ХИЖИНА) /Аркадьева Т.Г., 1973, с.13/.

Разрыв словообразовательных связей слов нередко вызывает опрощение морфемного состава слова, что, в свою очередь, влияет на доступность самообъяснения значения слова. Поэтому лингвисты говорят и о том, что демотивация слова определяется степенью употребительности тех словообразовательных средств, которые участвовали в создании этого слова. Так, фактором образования демотивантов является наличие в составе этимологических дериватов мертвого или непродуктивного для современной системы словообразования аффикса (например, суффикса -Н- в таких словах, как ВИНО, СУДНО, префикса ПА- в ПАТОКА, ср. ТЕЧЬ, СУ- в СУТОЛОКА, ср. ТОЛОЧЬ), утрата смысловой нагрузки суффикса, обуславливающая переосмысление семантики слова, десемантизация приставки, выпадение из цепи однокоренных слов "промежуточного" словообразовательного звена (например, утрата звена КОВАРЬ в цепи КОВАТЬ - КОВАРЬ - КОВАРНЫЙ) /Аркадьева Т.Г., 1973, с.13/. Исходное корневое слово может быть сохранено, но переосмыслено, что также приводит к разрушению словообразовательного ряда (например, БОГ - БОГАЧ - УБОГИЙ - УБОЖЕСТВО: исходное корневое слово БОГ имело значение 'богатство, достояние') /там же, с.15/.

Изменения в области мотивационных отношений возникают и вследствие воздействия функционально-стилистических факторов, действующих как по отношению к мотиватору, так и по отношению к мотивату. Функционально-стилистическое развитие слова предполагает изменение в его употребительности, стилистическое изменение слова, нередко

обусловленное закреплением его мотиватора в статусе диалектизма (например, диал. ВАРЕГА - ВАРЕЖКА), профессионализма (спец. ШПОН - ШПОНКА), архаизма или историзма (ср. ЯМЩИК от устар. ЯМА - 'перегонная станция'), закреплением мотивирующего в просторечье (простор. ПОРТЫ - ПОРТНОЙ), в книжном стиле (ПЕРСТ - ПЕРЧАТКА) /примеры из раб. Н.Д.Голева, 1980, с.58/.

Таким образом, различные закономерные и случайные фонетические и словообразовательные изменения в системе языка, разного рода семантические переосмысления слова (расширение или сужение его значения), нечеткость восприятия при переходе слов из одной социальной среды в другую, расхождение стилистических сфер употребления соответствующих слов обуславливают в структурно-формальном плане - опрощение или переразложение, а в структурно-семантическом - идиоматизацию и забвение ВФ этого слова, ограничивают возможность самообъяснения слова, что является признаком демотивации слова.

Вероятно, следует согласиться с тем, что демотивация зависит от изменений семантики или формы слова, но более позитивным нам представляется рассмотрение демотивации как процесса, имеющего коммуникативную основу. Определенным шагом от традиционного рассмотрения демотивации как явления, не имеющего активного характера, к признанию его самостоятельности и коммуникативной заданности, стала мысль Н.Д.Голева о том, что причиной демотивации является "потребность в отвлечении от мотивировочного признака, возникающая при его противоречии актуальному содержанию высказывания. <...> Предпосылкой для такого отвлечения является наличие в значении слова других признаков, способных актуализироваться в речи" /Голев Н.Д., 1989, с.99/. Что касается формальных и семантических изменений слова, то их, по мысли исследователя, трудно назвать собственно причиной демотивации, чаще всего они лишь условие, предпосылка ее. В свете вышесказанного "коммуникативную" интерпретацию можно дать следующему замечанию О.И.Блиновой: "Чем реже (меньше) актуализируются мотивационные отношения, тем больше возможностей для лексикализации его ВФ. Границей, пределом лексикализации ВФС является его демотивация" /Блинова О.И., 1984, с.88/, ибо причиной редкой актуализации мотивационных отношений также является "потребность в отвлечении от мотивировочного признака", если он расценивается языковым коллективом как неинформативный и неактуальный.

Таким образом, данное понимание демотивации предполагает наличие потребности в демотивации, которая возникает под воздействием определенного коммуникативного задания.

Мы полагаем, принимая во внимание изложенные выше концепции, что демотивацию следует представлять не только как следствие действия других языковых процессов, но и как реализацию динамической природы языка, его творческих потенций. По всей вероятности, изменение функционально-семантической характеристики слова, ослабление актуальности его мотивировочного признака, приводит к утрате тех представлений и ассоциаций, с которыми было связано возникновение этого слова, что, в свою очередь, усиливает условный характер имени и может привести к онтологическим изменениям слова. Поэтому, вероятно, традиционное рассмотрение демотивации как следствия других языковых процессов и коммуникативная интерпретация ее сущности не противопоставлены, а взаимосвязаны друг с другом, так как они исследуют один и тот же объект с разных сторон. В нашей работе анализ соотношения диахронных процессов и синхронных формально-семантических связей слов, отражающих синхронную структуру лексических единиц, проводится в синхронно-диахронном аспекте с учетом функционально-семантического, формального, стилистического развития слова. То есть, с одной стороны, анализируются формально-семантические отношения слов в контексте современной языковой системы, в то же время, обращение к истории развития рассматриваемых единиц признается нами необходимым фактором определения состояния мотивированности слова, степени (глубины) его деэтимологизации, причин ослабления или разрыва мотивационных связей, изменения восприятия структуры слова совокупным носителем русского языка.

2.3. СООТНОШЕНИЕ ДИАХРОННЫХ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ СЛОВА И СИНХРОННОГО ВОСПРИЯТИЯ ЕГО СТРУКТУРЫ

Как уже отмечалось, цель любого синхронно-диахронного описания заключается в выявлении соотношения фактов истории языка и его современного состояния. Задача настоящего раздела исследования состоит в определении того, как, в какой мере мотивационные ассоциации, являясь результатом восприятия морфемно-мотивационной структуры слова, коррелируют с диахронными изменениями этой структуры. Мы предполагаем, что выявление данной корреляции сделает возможным создание синхронной гипотезы о глубине деэтимологизации слова.

Для разработки методики создания указанной выше гипотезы представляется целесообразным использовать в качестве исходных две группы факторов, измеряющих глубину деэтимологизации лексической единицы, - условно назовем их "онтологическими" и "гносеологическими". К "онтологическим" факторам мы относим корреляцию диахронии и синхронии, обнаруживаемую в структуре ассоциативного поля слова, ибо, как мы полагаем,

взаимосвязь диахронного развития и синхронного восприятия слова, если она существует, должна проявиться в структуре его ассоциативного поля. В качестве "гносеологических" факторов, опираясь на которые мы можем определить степень деэтимологизации слова, нам представляется возможным использование элементов научной этимологии, данных этимологических словарей. Последнее обусловлено тем, что этимологические решения чаще всего представляют собой гипотезу и, следовательно, такие показатели как 1) модальность выдвигаемой гипотезы, понимаемая как оценка сообщаемого факта, и 2) количество этимологических толкований одного слова характеризуют это слово как абсолютно ясное или, напротив, проблематичное в плане принятия его этимологического решения, что также отражает глубину деэтимологизации слова.

В целом учет как "онтологических", так и "гносеологических" критериев усиливает возможность синхронного определения степени деэтимологизации слова, что в конечном итоге способствует выявлению того, в какой мере синхронное взаимодействие слова с другими словами на морфемно-мотивационном уровне отражает процесс его исторического развития.

2.3.1. ПРОЯВЛЕНИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ В АССОЦИАТИВНОМ ПОЛЕ СЛОВА. ПАРАМЕТРЫ ОПИСАНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

Данные ассоциативного эксперимента показывают, что описываемая стратегия ассоциирования фиксирует различные направления эпидигматической связи: ассоциативное поле слова предстает как своеобразный фрагмент лексической системности. Членение ассоциативного поля может осуществляться по разным основаниям, но с единым инвариантом, который мы определили как степень удаленности/приближенности к ядру ассоциативного поля - к слову-стимулу. Наиболее перспективными для выявления корреляции диахронии и синхронии нам представляются следующие параметры описания ассоциативного поля.

1. Соотношение формально-семантических, формальных и собственно семантических ассоциаций (ФСА, ФА и СА). Рассмотрение ассоциативного поля слова показывает, что стимул связывается с ассоциатами различными отношениями: формально-семантическими, формальными и неформальными (семантическими). Установление соотношения данных

типов связи позволяет уточнить картину ассоциативного поля слова как фрагмента лексической системы, а также определить мотивационный потенциал слова, его готовность выступать объектом мотивации или самому быть источником мотивации других слов. Коэффициент функциональной мотивационности слова (K_M) может быть определен по следующей формуле:

$$K_M = R_{\text{фса}} : R_{\text{всего}},$$

где $R_{\text{фса}}$ - количество формально-семантических реакций, зафиксированных в эксперименте, $R_{\text{всего}}$ - число всех ассоциативных реакций, полученных на заданный стимул. Мы предполагаем, что мотивационным потенциалом в той или иной мере обладает любое слово, но реализуется он у разных слов по-разному, и это во многом обусловлено их историческим развитием. Очевидно, что определение K_M каждого слова (K_M отражает восприятие синхронной структуры слова) позволит достаточно обоснованно описать лексику в этом аспекте.

2. Частотность выхода слова-ассоциата. Статистическая градация ответов является важной характеристикой ассоциативного поля, так как, разграничивая ядро и периферию поля, позволяет установить, что не все связи одинаковы: вероятно, наиболее частотные являются и наиболее существенными. А.П.Клименко в связи с этим отмечает, что "психолингвистические эксперименты, с одной стороны, способны доставить самые различные сведения о семантических связях между словами, которые существуют в сознании носителей языка, а с другой стороны, они способны дать сведения не в абсолюте, а в определенной зависимости от реальных значимостей этих связей /Клименко А.П., 1974, с.12-13/. Поэтому можно предположить, что частотность слова-ассоциата является показателем с и л ы данной ассоциации, характеризует ее как занимающую центральную или, напротив, периферийную позицию в ассоциативном поле.

"Наиболее частотные ассоциации готовы скорее всего всплыть в сознании говорящих и слушающих, именно они составляют ближайший ассоциативный ореол слова" /там же, с.24/. Также нам представляется, что ориентация на наиболее частотные мотивационные ассоциации помогает абстрагироваться от индивидуального и субъективного, свойственного конкретной языковой личности, и позволяет говорить об этих ассоциациях как об определенном стереотипе языкового сознания совокупного носителя русского языка (см. раздел 3.2. настоящей работы).

Вместе с тем нельзя совсем отказываться от рассмотрения менее частых, индивидуальных ассоциаций, так как они открывают новые возможности для изучения ассоциативных структур. Если повторяющиеся ответы нескольких испытуемых отражают объективно существующие в сознании носителей языка и в самом языке мотивационные связи между словами, то индивидуальные ответы, как бы ни были они своеобразны и ситуативны, говорят о возможности установления новых МА-связей, ибо ассоциативное поле, как и весь язык, находится в постоянном движении и развитии и возможность появления новых (единичных, индивидуальных, окказиональных...) ассоциаций является основой для изменения отношений мотивации. Особую роль в данном случае приобретает лингвистический эксперимент, так как именно он позволяет максимально расширить круг выявленных мотиваторов анализируемого слова-стимула, тем самым синтезируя общественный и индивидуальный характер мотивационных отношений.

3. "Пестрота" / "кучность" реакций. В ассоциативной статье сгруппированы разные ответы всех испытуемых на один и тот же стимул. Коэффициент "пестроты", разнообразия формально-семантических реакций (K_p) мы вычисляем по формуле:

$$K_p = R_{\text{разных фса}} : R_{\text{всего фса}},$$

где $R_{\text{разных фса}}$ - показатель, отражающий количество разных формально-семантических частот в статье, $R_{\text{всего фса}}$ - показатель всех формально-семантических реакций, которые распределяются по указанным частотным "формально-семантическим сгущениям". Мы полагаем, что K_p имеет определенную значимость, так как обнаруживает зависимость от степени информативности для языкового сознания говорящего коллектива морфемно-мотивационной формы слова. Д.Н.Шмелев отмечает, что "Прозрачная внутренняя форма слова обеспечивает ему достаточную смысловую определенность..." /Шмелев Д.Н.,1973, с.200/, следовательно, чем понятнее носителям языка внутреннее строение слова, чем больше соответствуют друг другу мотивационное и лексическое значения, тем меньше возникает затруднений в актуализации родственных связей этого слова, в определении его мотиватора; мотивировочный признак в данном случае оказывается актуальным для большинства испытуемых (например, 93% испытуемых связывают мотивационными отношениями слова ЗЕМЛЯ и ЗЕМЛЯНИКА, 89% - ЗИМА, РОДИТЬ и ЗИМОРОДОК). Но чем знак произвольнее, чем менее понятна его мотивация, тем большую значимость приобретает его формальная сторона, ибо именно через форму носители языка устанавливают мотивационные связи анализируемого слова с другими словами. В связи с этим уместно

привести высказывание Ш.Балли, характеризующее зависимость свойства мотивированности, очевидность и узнаваемость составляющих слово морфем от внешних отношений: "Чем мотивированнее обычный знак, тем больше сосредоточивается внимания на его внутреннем строении, вследствие чего уменьшается количество и значение внешних ассоциаций его "ассоциативного поля". И наоборот, чем произвольнее знак, тем многочисленнее отношения, которые он устанавливает за своими пределами для определения своего значения" /Балли Ш., 1961, с.53/. Последнее усиливает момент субъективного в мотивации и, следовательно, разнообразие мотивационных ассоциаций, так как в одном и том же слабомотивированном слове могут быть выделены самые разнообразные структуры. Ассоциации получают различную (4) локальную "прикрепленность". При этом часто семантическая близость слов устанавливается интуитивно, а так как семантические ассоциации у разных людей различны, это обуславливает большой разброс реакций, их "неодинаковость", "пестроту". Таким образом, происходит различная сегментация мотивационной формы и различное ее наполнение мотивационным значением. Иллюстрацией этому может служить установление разными информантами формально-семантических отношений между словом-стимулом КОЛОШМАТИТЬ, с одной стороны, и разнообразными реакциями на него, с другой, - КОЛОТИТЬ, КОЛ, ЛОМ, ЛОХМЫ, ЛОХМАТЫЙ, МОТАТЬ, ШМОТЬЯ и ШМАТ. Наиболее "кучными", как правило, являются те ассоциаты, которые более успешно семантизируются: КОЛОШМАТИТЬ - 'бить, КОЛОТИТЬ (43%)', ШМОТЬЯ (9%) - 'бить так, чтоб ШМОТЬЯ летели', ШМАТ (3%), ЛОХМАТЫЙ (2%), КОЛ (1%), ЛОМ (1%), МОТАТЬ (1%). Данные слова-ассоциаты, входящие в одно ассоциативное поле, различаются местом локализации формально-семантического сходства в структуре слова-стимула. Выделение различных точек такой локализации, разная сегментация корня также обусловлена мотивированностью слова, точнее, степенью его демотивации.

5. Количество отказов от ассоциирования. Коэффициент отказа от ассоциирования (K_o), определяющий количество "отрицательных" реакций, вычисляется по формуле:

$$K_o = R_{\text{отказов}} : R_{\text{всего}},$$

где $R_{\text{отказов}}$ - число испытуемых, которые оставили данный стимул без ответа. Данный показатель тесно связан с рассмотренными выше показателями частотности выхода слов-ассоциатов и разброса реакций: как правило, количество отказов от ассоциирования, так же как и "пестрота" / "кучность" реакций, находится в обратно пропорциональной зависимости от показателей частотности реакций: чем выше показатели частотности выхода слов-

ассоциатов, тем ниже K_p реакций, представленных в большинстве своем высокочастотными ассоциациями, и K_o . Низкий K_o указывает на информативность имени, определяющую высокую степень мотивированности знака, на понимание его морфемно-мотивационного строя, сознание живых семантических отношений между мотивационно связанными словами; высокий K_o характеризует слово, выявление мотивированности которого вызывает затруднения у современных носителей языка.

При анализе структурно-системной организации МА-поля слова необходимо также учитывать удаленность/приближенность слов-ассоциатов по форме и семантике к ядру этого поля, к слову-стимулу, то есть характер формальной и семантической мутации ассоциатов.

6. Формальная удаленность ассоциатов от слова-стимула. Формальная удаленность от ядра поля предполагает большую или меньшую мутацию звуковой оболочки слова. Формальная мутация может быть незначительной, не нарушающей формально-семантических отношений слов (ср. МУРАВЕЙ и МУРАШ); она может быть и существенной, нарушающей тождество морфемы, приводящей к разрыву формальных отношений мотивационно связанных слов (ср. ЖАР и ГОРЕТЬ).

7. Семантическая мутация ассоциатов по отношению к слову-стимулу. Семантическая мутация связана с расширением, сужением, каким-либо сдвигом значения в мотивирующем или мотивированном слове, с актуализацией/нейтрализацией определенных сем в словах-ассоциатах по сравнению со словом-стимулом (на первый план слова-ассоциата могут выдвигаться семы, которые не являются принадлежностью переднего плана слова-стимула, чьи доминирующие семы в этом случае нейтрализуются). Начальная степень семантической мутации сохраняет тождество лексемы, далее при увеличении мутации семантики это тождество нарушается. Общность семантики слов, входящих в одно МА-поле, может быть большей, меньшей (ср.: ВТОРОЙ, ВТОРОКЛАССНИК и ПОВТОРИТЬ; ПИТЬ, ПИВО И ПИР) или равной нулю. В последнем случае речь должна идти уже о формальных ассоциациях. Определяя степень семантического расстояния слов-ассоциатов и слова-стимула, мы будем исходить из следующей градации семантической общности слов: 1) полная выводимость значения одного слова из значения другого (БЕГАТЬ - БЕГ); 2) пересечение, частичное наложение значения одного слова на значение другого (ПИСАТЬ - ПИСАТЕЛЬ); 3) "соприкосновение" значений смежных понятий (АВОСЬ - АВОСЬКА).

Указанные выше параметры требуют обязательного сопоставления и объединения, с тем, чтобы рассматриваемым лексическим единицам найти соответствующее место в системе языка и определить механизм их мотивационного функционирования.

Итак, перечисленные качественные и количественные характеристики ассоциативного поля обнаруживают системы мотивационных связей, актуальных для

носителя современного русского языка, разграничивают ядро и периферию этой системы, измеряют степень близости между элементами системы, отражают динамику их связей. Мы полагаем, что, так как современное мотивационное функционирование слова, проявившееся в структуре ассоциативного поля, во многом обусловлено его историческим развитием, изменяющим слово и нередко приводящим к его полной или частичной деэтимологизации, "следы" этого развития могут быть обнаружены в структуре поля, коррелируя с отмеченными параметрами. Диахронное, таким образом, предстает как элемент синхронного, поэтому, исходя из структуры поля, учитывая соотношение его показателей, можно создавать синхронную гипотезу о глубине деэтимологизации слова.

2.3.2. ЭЛЕМЕНТЫ НАУЧНОЙ ЭТИМОЛОГИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ГЛУБИНЫ ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИИ СЛОВА

Выше уже отмечалось, что при анализе диахронных процессов и синхронных формально-семантических отношений слов необходимо обращение к истории развития рассматриваемых лексических единиц, так как "Без данных этимологии трудно, а иногда и невозможно разобраться в сложных семантических сдвигах, происходящих в словах в их историческом развитии. Обращаются к этимологии <...> особенно в тех случаях, когда речь идет о <...> морфемной структуре слова" /Введенская Л.А., Колесников Н.П., 1986, с.4/, ибо данные по истории слов могут быть использованы для познания и описания синхронной структуры слов. В нашем исследовании вопросы определения действительного происхождения слова как лингвистической единицы, выявление элементов его древнего значения, его первоначального строения решаются с опорой на факты научной этимологии, данные этимологических словарей А.Г.Преображенского, М.Фасмера, Н.М.Шанского, П.Я.Черных. В названных этимологических словарях не так много слов, "происхождение которых установлено абсолютно надежно" /Соссюр Ф. де, 1977, с.262/, что обусловлено рождением слова в глубокой древности и его изменением во времени. Этимологические решения, представленные в словарях, в значительной степени основываются на научной реконструкции пережитых словом изменений и почти всегда представляют собой гипотезу, так как "совокупность сведений, доступных исследователю при этимологизации какого-нибудь слова, даже в принципе не может быть исчерпывающей, поскольку не сохраняется свидетельств о точном времени появления слов, равно как не фиксируются все этапы их изменений" /Черных П.Я., 1994, т.1, с.4/. Следствие этого - множественность этимологических толкований одного слова, что, как мы считаем, является показателем

глубины деэтимологизации данного слова, ибо слова, морфемно-мотивационная структура которых ясна и не вызывает различных интерпретаций, как правило, имеет одну бесспорную, всеми признанную этимологию (БЕЛОК, ЗЕМЛЯНИКА). Относительно слов, "которые могут по-разному члениться на морфемы и соотноситься с разными производящими основами (ЕРШИТЬСЯ, ОБМИШУЛИТЬ)" /Введенская Л.А., Колесников Н.П., указ.раб., с.33/, может быть выдвинут ряд предположений, гипотез об их происхождении и генетических связях. Безусловно, чем выше степень деэтимологизации слова, тем более неоднозначны, проблематичны и противоречивы его этимологические гипотезы, тем труднее определение ранее существовавшего морфемного строения слова и его первоначальных словообразовательных связей.

Но не только множественность этимологических гипотез отражает глубину деэтимологизации слова. Не менее важна и сама степень уверенности автора в выдвигаемой гипотезе, характер модальности в ее оценке. В связи с этим особое внимание следует уделять предупредительным пометам, сопровождающим гипотетические этимологические решения. К таким пометам относятся следующие слова и словосочетания: ВЕРОЯТНО, ВЕРОЯТНЕЕ ВСЕГО, ОЧЕВИДНО, ПО-ВИДИМОМУ, НЕПРИЕМЛЕМЫ ПОПЫТКИ ПРОИЗВЕСТИ ИЗ...(большая степень уверенности), также МЕНЕЕ ВЕРОЯТНО, МОЖЕТ БЫТЬ, ЕДВА ЛИ РОДСТВЕННО, СОМНИТЕЛЬНО и - ТЕМНОЕ СЛОВО, ТРУДНОЕ СЛОВО, НЕЯСНО, ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕЯСНО (меньшая степень уверенности). По мнению Л.А.Введенской и Н.П.Колесникова, данные пометы "свидетельствуют о том, что приводимая этимология слова столь же верна, сколь и ошибочна" /Введенская Л.А., Колесников Н.П., 1986, с.9/. Учитывая это, можно говорить, что такие пометы также характеризуют восприятие морфемно-мотивационной структуры слова, степень его деэтимологизации и поэтому также могут представлять интерес при рассмотрении слова как исторически изменяющегося структурного целого.

2.3.3. СООТНОШЕНИЕ СИНХРОННОГО И ДИАХРОННОГО АСПЕКТОВ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННЫХ АССОЦИАЦИЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ “МОТИВАЦИОННО-АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ”

Рассмотрим корреляцию исторических процессов развития слова и его синхронного восприятия, синхронных ФС-связей на примере слов ЗЕМЛЯНИКА, ЗАКУСКА,

ЗАМАШКА, ЗАКЛЯТЫЙ, ЗАКАДЫЧНЫЙ, ЗАБУБЕННЫЙ, ЗАУСЕНЕЦ, ЗАБУЛДЫГА, ЗАХОЛУСТЬЕ, ЗАКОРКИ, характеризующихся различной степенью прозрачности их внутреннего строения, различной степенью мотивированности. Выявление указанной корреляции проводится в синхронно-диахронном аспекте с учетом существующего множества гипотез различных этимологов о происхождении этих слов и их исконно-родственных связях, а также степени уверенности данных авторов в выдвигаемых гипотезах, с одной стороны, и соотношения параметров ассоциативного поля, определяемых современным функционированием слова, с другой.

ЗЕМЛЯНИКА

Как уже было отмечено, слово ЗЕМЛЯНИКА в этимологических словарях М.Фасмера, Н.М.Шанского, П.Я.Черных получило единое этимологическое решение, которое можно рассматривать как абсолютно надежное, бесспорное, истинное. По Н.М.Шанскому, слово ЗЕМЛЯНИКА образовано с помощью суффикса -ИК (ср. ГОЛУБИКА, ЧЕРНИКА, КОСТЯНИКА) на основе словосочетания ЗЕМЛЯНАЯ ЯГОДА. Исследователи утверждают, что такое название дано по низкой подвеске ягод: "спелые ягоды земляники лежат на земле" /Фасмер, т.2, с.93/, "ягоды стелются по земле, жмутся к ней и поэтому являются как бы более "земляными", чем другие ягоды" /Черных, т.1, с.323-324/.

Данная лексема в процессе употребления не меняла значительно своего значения, фонетического облика, сферы функционирования, морфемной структуры. Основываясь на этимологии этого слова, можно утверждать, что его морфемно-мотивационная структура, характерная для настоящего времени, не отличается серьезно от его первоначальной структуры. Слово ЗЕМЛЯНИКА и сегодня 93% испытуемых осознается как родственное словам ЗЕМЛЯ, ЗЕМЛЯНОЙ. Понятность морфемно-мотивационной структуры этого слова носителям современного языка определяет преобладание ФСА над ФА и СА. K_m данного слова - 0,93; причем ФСА слова ЗЕМЛЯНИКА представлены одной высокочастотной ассоциацией, занимающей центральную позицию в ассоциативном поле слова (ЗЕМЛЯ - 89%), а также двумя повторяющимися реакциями: ЗЕМЛЯНАЯ ЯГОДА (2%) и ЗЕМЛЯНКА (2%). Поэтому K_p реакций у этого слова невелик - 0,03; K_o также минимальный - 0,01. Актуальность мотивационной структуры слова для испытуемых обуславливает одинаковую локальную "прикрепленность" ассоциаций, выделение одного корня ЗЕМЛ'- в словах-ассоциатах и в слове-стимуле. Формальная мутация ассоциатов незначительная, не нарушающая тождество морфемы. Семантическая мутация ассоциатов также сохраняет

тождество корня: семантическую общность слов ЗЕМЛЯНИКА и ЗЕМЛЯНАЯ (ягода) можно рассматривать как полную выводимость значения одного слова (ЗЕМЛЯНИКА) из значения другого слова/словосочетания (ЗЕМЛЯНАЯ ЯГОДА). Слово-ассоциат ЗЕМЛЯ актуализирует только одну сему слова-стимула 'земля, почва' и представляет собой вторую ступень семантической близости - пересечение, частичное наложение значения одного слова на значение другого. Общность семантики слов ЗЕМЛЯНИКА и ЗЕМЛЯНКА может быть квалифицирована как третья ступень градации семантической общности: "соприкосновение" значений смежных понятий. Ассоциации ЗЕМЛЯНКА и ЗЕМЛЯНАЯ ЯГОДА - низкочастотные, находящиеся на периферии ассоциативного поля.

Таким образом, ассоциативное поле слова ЗЕМЛЯНИКА имеет довольно четкую структуру с большим коэффициентом мотивационности, с небольшим разбросом высокочастотных реакций, с незначительной формальной и семантической мутацией ассоциатов.

ЗАКУСКА

Этимологи считают, что это слово входит в этимологическое гнездо с исходным корневым словом КУСАТЬ. "ЗАКУСКА образовано суффиксальным способом от гл. ЗАКУСИТЬ 'заесть' (ср. бытовавшее в XVIII в. сущ. ЗАЕДКА - от ЗАЕСТЬ), являющегося производным от гл. КУСИТИ при помощи приставки ЗА-" /Шанский, с.41/. Данное слово связано родственными отношениями со словами КУС, КУСОК, КУСАТЬ, УКУСИТЬ, ЗАКУСИТЬ /Фасмер, т.2, с.431/ и КУСОЧЕК, ПРИКУСКА, ПОКУСАТЬ, РАСКУСАТЬ и др. /Преображенский, т.1, с.419-420/. Эти исходно-родственные связи актуальны и для современных носителей русского языка, что подтверждает наш эксперимент, зафиксировавший 84% однокоренных формально-семантических реакций. $K_p = 0,09$. Высокочастотные ассоциации - ЗАКУСИТЬ (41%), КУСАТЬ (20%), КУС (9%), КУСОК (9%). K_o - невысокий - 0,07. Формальная и семантическая мутация ассоциатов не выводит их за пределы этимолого-семантического поля словообразовательного гнезда. Общность семантики слов, входящих в МА-поле слова ЗАКУСКА, охватывает все выделенные нами градации семантического расстояния: 1) полная выводимость значения одного слова из значения другого (ЗАКУСИТЬ, ЗАКУСОН - ЗАКУСКА); 2) частичное наложение значения

одного слова на значение другого (ПРИКУСКА - ЗАКУСКА); 3) "соприкосновение" значений смежных понятий (КУСАТЬ, КУСНУТЬ, ЗАКУСАТЬ, КУСАЧКИ, КУС, КУСОК). Испытуемые без труда выделяют корень КУС- в слове ЗАКУСКА и его родственниках КУСАТЬ, ЗАКУСАТЬ и др., но в иерархии семного состава лексемы ЗАКУСКА признак 'кусать, откусить' не является детерминирующим. Тем не менее большой процент появления слов с данной семантической спецификацией свидетельствует о том, что в генетическом аспекте, в динамике словаря данные лексические единицы представляют реальное единство, отражают живые этимологические связи.

Самая частотная ассоциация (ЗАКУСИТЬ - 41%) совпадает с синхронной словообразовательной мотивацией, что позволяет говорить о ее значимости и информативности для языковой личности.

Итак, ясная этимология данной лексемы коррелирует с относительно четкой структурой ассоциативного поля, в которой значительно преобладают ФСА (K_m данного слова 0,84), представленные однокоренными словами (корень КУС-), среди которых три высокочастотных ассоциации и шесть ответов с частотой 1.

ЗАМАШКА

М.Фасмер производит данное слово из ЗА- и МАХАТЬ. Н.М.Шанский, рассматривая семантическое развитие лексемы ЗАМАШКА, утверждает, что это слово возникло лексико-семантическим способом словообразования на базе сущ. ЗАМАШКА, обозначающего действие по глаголу ЗАМАХНУТЬСЯ. В конце XVIII - начале XIX вв. слово ЗАМАШКА употреблялось преимущественно во мн.ч. и имело значение 'смелость, размах, широта; хватка, приемы, уловки'. Сейчас значение 'смелость, размах' устарело и сохранилось только значение 'обычай, повадка', что способствовало ослаблению семантической соотнесенности слов ЗАМАШКА и ЗАМАХНУТЬСЯ. В настоящее время в лексическом значении слова ЗАМАШКА и в его форме можно отметить элемент условности, усиливающий идиоматичность слова. Носители языка еще понимают, какой признак лег в основу наименования, но слово часто уже употребляется как языковой штамп, то есть без учета этимологического значения, без опоры на мотивировочный признак. Тем не менее системные отношения, сдерживая утрату семантической мотивированности, поддерживают ясность морфемно-мотивационной формы слова: K_m данной лексемы достаточно высок - 0,79. K_p , напротив, небольшой - 0,06. Самая сильная ассоциация - МАХАТЬ (70%).

Словообразовательная мотивация - ЗАМАХНУТЬСЯ - представлена 6%. Всего 3% ФСА приходится на единичные ответы. Ко выше, чем у ранее проанализированных слов (ЗЕМЛЯНИКА - 0,01; ЗАКУСКА - 0,07) - 0,09, что, по-видимому, объясняется более слабой семантической мотивацией слова ЗАМАШКА. ЗАМАШКА - 'манера действовать, повадка'. МАХАТЬ - 'делать взмахи, движения по воздуху чем-нибудь'. ЗАМАХНУТЬСЯ - 1)'размахнувшись, поднять руку (для нанесения удара)'; 2) 'намереваться сделать какое-нибудь большое и трудное дело, задумать получить что-нибудь'. Информанты связывают значение слова ЗАМАШКА со вторым ЛСВ слова ЗАМАХНУТЬСЯ и опосредованно - со словом МАХАТЬ, ср. следующий метатекст, полученный в результате дополнительного опроса информантов: *"ЗАМАШКА - это привычка, например, бывают барские замашки, когда человек замахивается на то, что ему не дано, а он хочет получить это"*.

ЗАКЛЯТЫЙ

Данное слово все этимологи с большой степенью уверенности связывают со словами КЛЯСТЬ, КЛЯТВА, ПРОКЛЯТИЕ, ЗАКЛЯТИЕ... Наш эксперимент показал, что эти этимологические связи значимы и для современного языка: 85% ФСА связаны с актуализацией родственных отношений внутри этимологического гнезда с исходным корневым словом КЛЯСТЬ. Наиболее частотные из этих ассоциаций те, которые успешнее семантизируются, полнее объясняют значение слова-стимула: КЛЯТВА - 42% (ЗАКЛЯТЫЙ враг - 'тот, с которым дали КЛЯТВУ бороться всегда'); КЛЯСТЬ - 27% (ЗАКЛЯТЫЙ - 'тот, кого КЛЯНУТ, ПРОКЛИНАЮТ, осуждают'); ПРОКЛЯТЫЙ - 8% (ЗАКЛЯТЫЙ - 'ненавистный, ПРОКЛЯТЫЙ'); ПРОКЛИНАТЬ - 2%. Выше уже отмечалось, что эксперимент, проводимый нами, как правило, связан с актуализацией ретроспективного направления мотивации, при которой слово-стимул выступает как объект анализа, как мотиват, для которого необходимо найти мотиватор. При этом мотиват в отличие от своего мотиватора в представлении средней языковой личности должен обладать определенными формальными и семантическими признаками вторичности, производности. Данное обстоятельство объясняет, почему при одинаковой семантической соотнесенности со словом-стимулом ассоциатов КЛЯСТЬ и ПРОКЛИНАТЬ, первое имеет высокий процент выражения (формально проще), а второе - низкий (нет признаков формальной производности). Семантическая близость стимула и ассоциатов КЛЯТВА, КЛЯСТЬ, ПРОКЛИНАТЬ представляет собой частичное совпадение, наложение значений этих слов.

Другие повторяющиеся реакции - ПРОКЛЯТЫЙ и КЛЯТЫЙ (4%) - являются словообразовательными синонимами слову ЗАКЛЯТЫЙ.

Итак, одинаковая локальная "прикрепленность" ассоциаций (корень КЛ'-), высокий K_m (0,85), низкие K_o (0,07) и K_p (0,08), небольшой процент единичных ответов (всего 2%); незначительная, не нарушающая мотивационной связанности, формально-семантическая мутация ассоциатов - данные параметры ассоциативного поля слова ЗАКЛЯТЫЙ соотносятся с ясностью для языковой личности морфемно-мотивационной формы данного слова и его этимологической структуры.

ЗАУСЕНЕЦ

В этимологическом отношении слово недостаточно ясное. Существуют две гипотезы относительно его происхождения. М.Фасмер отмечает, что большинство ученых обычно толкуют это слово как производное от ЗА- и УС, однако Горяев связывает слово ЗАУСЕНЕЦ с древнерусс. УСНИ 'кожа' /см. об этой гипотезе в словаре Фасмера, т.2, с.83/). А.Г.Преображенский считает, что данная этимология возможна, но в народной этимологии слово относится к УС, следовательно, ЗА-УС-ЕН-ЬЦЬ. По мнению Н.М.Шанского, сущ. ЗАУСЕНЕЦ представляет собой суффиксальное образование (суффикс -ЕЦ-) от страд.причастия несохранившегося глагола ЗАУСИТЬ 'заострить, задрать' (ср. диал. ЗАУСЕНОК, ЗАУСЕНКА 'острый край грани, кромка тесаного камня'), который является префиксально-суффиксальным образованием от УС. Трактовка слова ЗАУСЕНЕЦ как производного от УСНА - 'кожа' признается Шанским по фонетическим и словообразовательным причинам менее вероятной.

Данные гипотезы о происхождении слова ЗАУСЕНЕЦ в этимологических словарях сопровождаются следующими предупредительными пометами: ВЕРОЯТНО, ВОЗМОЖНО, МОЖЕТ БЫТЬ, МЕНЕЕ ВЕРОЯТНО. Эти пометы, как и наличие нескольких этимологических толкований, говорят о затемненности морфемно-мотивационной структуры слова, его частичной деэтимологизации.

Слово ЗАУСЕНЕЦ в настоящее время является семантически слабомотивированным, но сохранившим членимость на морфемы. Данное обстоятельство (недостаточная ясность мотивационного значения, малая информативность мотивировочного признака) нашло отражение в структуре ассоциативного поля этого слова. По сравнению с ранее рассмотренными словами-стимулами, чья мотивационная форма и значение были понятны носителям русского языка, слово ЗАУСЕНЕЦ вызвало большее количество отказов (K_o -

0,20) и меньший процент ФСА (47%). Но несмотря на то, что в данной лексеме наметилось некоторое несоответствие формального и семантического планов, окончательно семантическая соотнесенность слов ЗАУСЕНЕЦ и УС "не забывается", а только ослабляется, ибо память о ней сохраняется в морфемной структуре слова. Это объясняет довольно высокий процент появления ассоциации УС(ы) - 32%. Причем информанты, сближая по форме слова УС и ЗАУСЕНЕЦ, пытаются найти и семантическое основание этой связи, ср. следующие языковые рефлексии участников эксперимента: "*ЗАУСЕНЕЦ - что-то острое, мешающее, торчащее, топорщится как УС*" или "*ЗАУСЕНЕЦ - задравшаяся как УСИК кожа на пальце возле ногтя*". Семантическая мутация мотивата ЗАУСЕНЕЦ в таком случае значительная; представляет собой третью ступень смыслового расстояния между родственными словами - "соприкосновение" смежных понятий. Однако в эксперименте зафиксированы и такие ассоциации, которые, основываясь на морфемной членимости мотивата, не объясняют его семантической связи с мотиватором: ЗАУСЕНЕЦ - ЗА УСАМИ (7%) и ЗА УС (5%), что также характеризует слово ЗАУСЕНЕЦ как уже подвергшееся частичной деэтимологизации. Заметим по поводу последних ассоциатов, что, хотя в этих словах корень выделяется, но не семантизируется, мы отнесли их к ФСА, а не к ФА, так как, по нашему мнению, они не являются только формальными, основанными на сходном звучании, как ассоциации ГУСЕНИЦА, СЕНИ, У СЕНИ.

Таким образом, недостаточная ясность происхождения данного слова, несколько этимологических гипотез, возможная утрата исторического производящего (по Горяеву, сущ. УСНИ ; по Шанскому, гл. ЗАУСИТЬ), затемнение семантической мотивированности коррелируют с понижением K_m (0,47), повышением K_o , появлением ФСА с ослабленной семантической связанностью со стимулом. С другой стороны, сохранившаяся членимость слова определяет небольшой разброс реакций (K_p - 0,11), выделение одной точки локализации ассоциаций, одного корня (УС-). Следовательно, исходя из структуры поля, можно сделать вывод, что слово ЗАУСЕНЕЦ подверглось процессу деэтимологизации и в настоящее время находится на одной из точек своего движения от мотивированности к полной деэтимологизации, на этапе формализации мотивационных отношений.

ЗАКАДЫЧНЫЙ

Это слово в процессе употребления, в диахронном разрезе, сохранило свой фонетический облик, свою форму в неизменном виде. Морфемное строение, характерное для

слова в настоящее время, существенно не отличается от первоначального, свойственного слову в момент его появления.

Однако в своей истории слово претерпело значительные семантические изменения, которые привели к утрате данным словом смысловой связи с генетически родственными словами. Как отмечает Н.М.Шанский, прил. ЗАКАДЫЧНЫЙ было образовано путем суффиксации предложно-падежной формы ЗА КАДЫК на базе ныне устаревшего фразеологического оборота ЗАЛИТЬ ЗА КАДЫК 'напиться водки'. Таким образом, первоначальное значение слова ЗАКАДЫЧНЫЙ (друг, приятель) - 'собутыльник', значение 'искренний, душевный' является вторичным, возникшим позднее. В настоящее время образ, положенный в основу наименования, затемнен, степень понятности, "прозрачности" его с этимологической точки зрения для языкового сознания говорящих небольшая.

Тем не менее слово все же сохранило следы своей прежней производимости: составной характер этого слова, отдельность морфем ощущается совершенно четко и сегодня. 70% испытуемых выделили в слове ЗАКАДЫЧНЫЙ корень КАДЫК- и приставку ЗА-, хотя объяснить в полной мере связь семантики корня с семантикой слова многие затруднились. В связи с этим интересен тот факт, что и в этимологических словарях А.Г.Преображенского и М.Фасмера слово ЗАКАДЫЧНЫЙ трактуется без объяснения семантической связи производного и производящего, дается лишь сообщение, что ЗАКАДЫЧНЫЙ относится к сущ. КАДЫК и сравнивается с прил. ЗАДУШЕВНЫЙ.

Легкость выделения значимых частей в слове ЗАКАДЫЧНЫЙ обуславливает высокий процент появления реакций, актуализирующих корневую часть слова. То, что составной характер слова в прошлом осознается носителями языка и сейчас, ощущается как абсолютно нестертый, приводит к тому, что некоторые информанты догадываются о происхождении этого слова: *"ЗАКАДЫЧНЫЙ друг - друг, с которым пьянствуют вместе, закладывают ЗА КАДЫК"*. Следовательно, то обстоятельство, что данное слово не изменило свою внешнюю форму настолько, чтобы окончательно порвать с историческим производящим, определяет процент появления ФСА, актуализацию корня КАДЫК-, небольшой разброс реакций ($K_p - 0,02$), невысокий $K_o (0,10)$. С другой стороны, смысловые изменения, происшедшие в слове ЗАКАДЫЧНЫЙ, затемнение его ВФ, семантического происхождения приводят к тому, что, несмотря на четкую членимость этого слова, его K_m ниже, чем у слов с сильной семантической мотивированностью (ср. K_m слова ЗЕМЛЯНИКА - 0,93).

Данные показатели характеризуют слово ЗАКАДЫЧНЫЙ как находящееся в состоянии перехода из мотивированного знака в немотивированный. Современная форма этого слова фиксирует один из этапов процесса его постепенной деэтимологизации.

ЗАБУБЕННЫЙ

В словарной статье отмечается, что относительно данного слова существует несколько одинаково приемлемых и вероятных этимологических решений. Рассмотрим более подробно каждое из них.

Обычно слово ЗАБУБЕННЫЙ считают производным от БУБЕН 'лоскут материи в форме бубнового карточного туза, нашиваемый на одежду каторжника' по типу ЗАПЯТНАННЫЙ.

В Кратком этимологическом словаре слово объясняется как образование по аналогии с ЗАКАДЫЧНЫЙ от сущ. БУБЕН 'промотавшийся бедняк', возникшего лексико-семантическим путем на базе БУБЕН 'вид барабана'.

Н.М.Шанский предполагает, что данное слово возникло на базе страд. причастия прош.времени от гл. ЗАБУБЕНИТЬ 'начать бить, колотить', образованного от БУБЕНИТЬ 'бить, колотить', производного от БУБЕН 'вид барабана'. Семантика слова, по мысли Н.М.Шанского, развивалась следующим образом: 'забитый' > 'одинокий, бездомный' > 'пропавший'.

М.Фасмер объясняет появление данного слова влиянием сущ. БУБНЫ 'музыкальный инструмент'. ЗАБУБЕННОЕ пьянство - первоначально 'пирушка с музыкой', затем - 'буйное пьянство'.

П.Я.Черных считает, что ЗАБУБЕННЫЙ получилось из ЗАБОБОННЫЙ от ЗАБОБОНЫ, которое известно в русском языке с самого начала XVIII в. (ср. ЗАБОБОНЫ - 'вздор', 'враки', 'вздорные слухи' /Даль, т.1, с.494,496/). Происхождение слова ЗАБОБОНЫ в славянских языках не совсем ясно (польские языковеды возводят его к ст.-польск. bobo - 'дитя'...). Слово ЗАБУБЕННЫЙ, как предполагает П.Я.Черных, является гибридом, базой которого можно считать производное от ЗАБОБОН(ы) прил. ЗАБОБОННЫЙ - 'суеверный', 'падкий на слухи', откуда далее - 'сеющий, распускающий слухи', 'трезвонящий'(по деревне, по городу). Потом произошло скрещение слова ЗАБОБОННЫЙ со словами от корня БУБ-

Данный ряд авторских объяснений имеет предварительный характер и сопровождается такими пометами, как СЛОВО ОБЫЧНО ОБЪЯСНЯЕТСЯ, МОЖНО ПРЕДПОЛОЖИТЬ (у Н.М.Шанского), МОЖНО ПОЛАГАТЬ, ПО-ВИДИМОМУ, МОЖНО СЧИТАТЬ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕ СОВСЕМ ЯСНО (у П.Я.Черных). Вероятно, гипотетический характер этимологий обусловлен тем, что данное слово в своем историческом развитии пережило определенные семантические изменения, связанные с

архаизацией некоторых значений мотивирующего БУБЕН ('лоскут материи, нашиваемый на одежду каторжника' или, ср. у В.И.Даля /Даль, т.1, с.119/ 'голыш', 'человек, все промотавший', ярсл. БУБЕНЬ - 'прихлебатель', 'тунеядец', 'тучный лентяй'), возможным изменением диахронного словообразовательного разреза - ввиду выпадения из современного русского литературного языка гл. БУБЕНИТЬ 'бить, колотить' - или изменением формы под влиянием другого созвучного слова (из ЗАБОБОННЫЙ по сближению со словом БУБЕН)...

Определение мотивационной соотнесенности слова ЗАБУБЕННЫЙ в настоящее время также носит неоднозначный характер. 38% информантов полагают, что ЗАБУБЕННЫЙ произведено от БУБЕН 'музыкальный инструмент' (БУБЕН - 31%, БУБЕНЦЫ - 2%, БУБЕНЧИКИ - 2% и др.): *"ЗАБУБЕННЫЙ - отчаянный, разгульный, любящий вечеринки с музыкой, то есть как бы с БУБЕНОМ, БУБЕНЦАМИ"*. 32% испытуемых включают слово ЗАБУБЕННЫЙ в другое словообразовательное гнездо, объединяющее слова БУБНЫ - 22%, БУБИ - 5%, БУБНОВЫЙ - 4% и др.: *"ЗАБУБЕННЫЙ, наверное, тот, кто любит азартные карточные игры; король БУБЕН, возможно, меченый"*.

Различные направления мотивационного ассоциирования в синхронии также определяются затемненностью, неясностью морфемно-мотивационной структуры. Но так как основа данного слова все же сохранила свою членимость и ее производность ощущается большинством реципиентов (ср. ЗАКАДЫЧНЫЙ), слово ЗАБУБЕННЫЙ вызвало высокий процент ФСА (70%) при небольших K_p и K_o (0,13 и 0,18 соответственно). Причем, как уже было замечено, самые высокочастотные ассоциации - БУБЕН и БУБНЫ, а остальные реакции - их однокоренные слова. То обстоятельство, что все морфемы в данном слове чувствуются совершенно четко, определило минимальный характер формальных мутаций ассоциатов. Однако же семантическое расстояние между словом-стимулом и ассоциатами достаточно велико (третья ступень смысловой общности слов - "соприкосновение" смежных понятий); данный факт объясняется семантическими изменениями, происшедшими в слове, неясностью его происхождения, сложностью установления связи между значением слова и значением входящих в него морфем.

В целом, отталкиваясь от любой из предложенных этимологий, следует признать, что семантический разрыв между производящим и производным, развитие нового значения в производном слове приводит к понижению степени "прозрачности" морфемно-мотивационной структуры слова, что находит отражение в его ассоциативном поле.

ЗАБУЛДЫГА

Слово ЗАБУЛДЫГА, как и рассмотренное выше слово ЗАБУБЕННЫЙ, не имеет единого и бесспорного этимологического решения. Определяя ранее существовавшее морфемное строение этого слова и его родственные генетические связи, А.Г.Преображенский представляет как наиболее вероятное возникновение ЗАБУЛДЫГА из ЗАБЛУДЫГА. Эту гипотезу принимает и П.Я.Черных. Отмечая, что происхождение слова не вполне ясно, данный автор признает, что скорее всего ЗАБУЛДЫГА произведено из ЗАБЛУДЫГА по образцу многочисленных существительных на -ЫГА: ЯРЫГА, СКВАЛЫГА и т.п. Изменению БЛУ > БУЛ, по мнению П.Я.Черных, могло способствовать влияние таких слов, как БУРЛАК, БУТЫЛКА, БУЛЬКАТЬ и др.

Точка зрения А.Г.Преображенского, которую разделяет П.Я.Черных, Н.М.Шанскому представляется по семантико-словообразовательным причинам неверной. Как маловероятную оценивает данную версию и М.Фасмер. Н.М.Шанский и М.Фасмер считают, что слово ЗАБУЛДЫГА нельзя отрывать от БУЛДЫГА 'дубина, булава; гуляка, пьяница', производного от несохранившегося сущ. БУЛДА (ср. ДЫЛДА, ХАЛДА), как предполагает Шанский, деривата от также утраченного БУЛА 'шишковидная дубина, шишка, ком' (ср. БУЛАВА). Возможно, от этого же слова образовалось БУЛЫГА 'дикий камень, глыба, валун' и БУЛЫЖНИК.

Выпадение из словарного состава современного русского языка исходного корневого слова БУЛА и его производных БУЛДА и БУЛДЫГА привело к частичной деэтимологизации слова ЗАБУЛДЫГА, к утрате данным словом ФС-связи с этимологически родственными словами БУЛАВА и БУЛЫЖНИК. Исчезновение мотиватора резко ограничило возможность самообъяснения слова, затруднило выявление его членимости и мотивационной характеристики. Однако неверно было бы утверждать, что прежняя членимость слова ЗАБУЛДЫГА в настоящее время совершенно не ощущается и рядовым носителем современного русского языка оно воспринимается как слово с непроизводной основой, ибо, несмотря на то, что в данном слове корень не ясен и трудно выделим, следы прошлой производности все же сохраняются в структуре слова, в возможности вычленения приставки ЗА- и суффикса -ЫГА-.

Пытаясь определить эту производность, обнаружить ФС-связи слова ЗАБУЛДЫГА, имеющего значение 'спившийся, беспутный человек', одна часть информантов сближает данное слово со словом БУТЫЛКА (и его родственниками - БУТЫЛЬ, ПОЛБУТЫЛКИ, СОБУТЫЛЬНИК), ср.: *"ЗАБУЛДЫГА - потому, что пьяница, пропойца, алкаш, БУТЫЛКУ любит"* или *"спившийся человек, все променяет на БУТЫЛКУ, вот это ЗАБУЛДЫГА"*. На эти ассоциации приходится 21% всех ответных реакций. Ассоциации другой части информантов подтверждают актуальность для носителей современного русского языка

этимологической гипотезы А.Г.Преображенского и П.Я.Черных, так как эти испытуемые при объяснении мотивации слова ЗАБУЛДЫГА опираются на близкое в звуковом отношении слово БЛУДИТЬ, а также ЗАБЛУДИТЬСЯ, БЛУД, БЛУДЕНЬ, БЛУДЛИВЫЙ, БЛУДНЫЙ, ЗАБЛУДШИЙ, актуализируя, по данным дополнительного опроса, как мотивацию глаголом БЛУДИТЬ₁ со значением 'бродить в поисках дороги, скитаться, странствовать' (*"ЗАБУЛДЫГА значит ЗАБЛУДШИЙ человек, который сбился с дороги, с правильного пути, ЗАБЛУДИЛСЯ, пропащий человек"*), так и мотивацию глаголом БЛУДИТЬ₂ со значением 'то же, что распутничать' (например, *"ЗАБУЛДЫГА - это, наверное, БЛУДЛИВЫЙ человек, которому хочется только напиться и БЛУДИТЬ, распутничать"*). Данные ассоциации составляют 11% от общего количества ответов. Самой частотной ФСА, зафиксированной в эксперименте, является БУТЫЛКА (16%), что говорит о значимости этой ассоциации и характеризует ее как наиболее информативную, наиболее точно объясняющую семантику слова-стимула.

Но, несмотря на то, что в ассоциативном поле слова ЗАБУЛДЫГА присутствуют формально-семантические сближения, следует отметить, что их общее количество не так уж велико и K_m этого слова по сравнению с другими словами, обладающими сильной семантической мотивированностью и/или четкой формальной членимостью, достаточно низок (0,36). Данный факт обусловлен непонятностью семантики корня слова ЗАБУЛДЫГА, неясностью его словообразовательной структуры. Этим же могут быть объяснены и такие показатели, как высокий K_o (0,24) и большой разброс формально-семантических реакций (K_p - 0,44), значительная формальная (БУЛД / БЛУД / БУТЫЛ) и семантическая (общность семантики слов ЗАБУЛДЫГА - БЛУДИТЬ - БУТЫЛКА можно отнести только к третьей степени семантической близости) мутация.

С другой стороны, возможность выделения ЗА- и -ЫГА- определяет фиксацию реципиентами единой точки локализации ассоциаций - корня БУЛД-, что подтверждается и такими окказиональными словообразовательными реакциями, как БУЛДА (1%), БУЛДЫГА (1%), БУЛДЫЖНИК (1%), БУЛДЫГАТЬСЯ (1%). Последние ассоциации могут быть рассмотрены как формально-семантические, иллюстрирующие окказиональное словообразование, так и как формальные, ибо семантика корня не ясна и значение данных слов не понятно.

Основываясь на выявленных параметрах ассоциативного поля слова ЗАБУЛДЫГА, можно сделать вывод, что понижение степени "прозрачности" структуры слова, когда уже не все его морфемы чувствуются совершенно четко и значение не всех морфем известно носителям языка, способствует превращению этого слова в немотивированный знак. Но так как слово ЗАБУЛДЫГА еще не изменило свою форму настолько, чтобы восприниматься как

чистый корень, окончательно оно еще не деэтимологизировалось, хотя, конечно же, глубина деэтимологизации у этого слова больше, чем, например, у слова ЗАКАДЫЧНЫЙ, значение всех выделяющихся морфем которого известно.

ЗАХОЛУСТЬЕ

Относительно происхождения слова ЗАХОЛУСТЬЕ также нет единого мнения. В этимологическом отношении оно всеми исследователями оценивается как темное, неясное. Наиболее вероятным М.Фасмеру и Н.М.Шанскому представляется соотнесение слова ЗАХОЛУСТЬЕ с сущ. ХАЛУГА 'тын, изгородь'. В таком случае ЗАХОЛУСТЬЕ является суффиксальным образованием от предложно-падежной формы ЗА ХАЛУГОЙ. Но тогда, как отмечает Фасмер, ожидалось бы ЗАХОЛУЖЬЕ. А.Г.Преображенский предполагает, что -СТ- могло появиться под влиянием ХОЛОСТОЙ, вследствие затемнения этимологии. Однако Фасмеру влияние слова ХОЛОСТОЙ кажется невероятным (хотя наш словарь подтверждает реальность связи слов ЗАХОЛУСТЬЕ и ХОЛОСТОЙ для говорящего коллектива). Н.М.Шанский считает, что первоначальное ЗАХОЛУЖЬЕ изменилось в ЗАХОЛУСЬЕ (ср. ЗАЛЕСЬЕ), а затем в ЗАХОЛУСТЬЕ. К сожалению, само слово ХАЛУГА, как возможный мотиватор лексемы ЗАХОЛУСТЬЕ, не относится к числу слов с ясной этимологией (ср. у М.Фасмера - старослав. ХАЛ ГА 'изгородь' и словен. haloga 'кустарник', 'морская трава'; у П.Я.Черных - древнерусс. ХАЛУГА 'улица', 'заулок' и с.-хорв. ХАЛУГА 'сорная трава', 'бурьян'). Данный факт также не способствует прояснению происхождения слова ЗАХОЛУСТЬЕ.

Существуют и другие гипотезы относительно этимологии этого слова, например, Соболевский сравнивает ЗАХОЛУСТЬЕ с ХОЛОП, ХОЛУЙ; Трубачев - с ХОЛУДИНА, ХЛУД /см. об этом в словаре Фасмера, т.2, с.83-84/. Но и эти версии признаются этимологами как неубедительные.

Таким образом, слово ЗАХОЛУСТЬЕ до сих пор не получило удовлетворительного объяснения. Этимологическое поле слова характеризуется множеством гипотез, небольшой степенью уверенности авторов в их истинности.

Ассоциативное поле слова также отличается "размытостью" своих границ. Ко очень высок - 0,39. Из 100 возможных ответов был получен 61: ФСА составляют всего 21%, СА - 24%, ФА - 16%. 17 ассоциативных реакций из общего количества полученных приходятся на единичные ответы. Самые высокочастотные ассоциации - семантические: ДЫРА - 9%, ГЛУШЬ - 8%; формально-семантические: ХОЛОСТОЙ - 8%, ХАЛУПА - 6%. Вероятно,

низкий K_m (0,21) обусловлен тем, что реальное значение слова не соответствует значению его частей. Кроме того разложить данное слово на составляющие вообще довольно сложно; многие испытуемые, как показал эксперимент, воспринимают основу слова ЗАХОЛУСТЬЕ как непроемкую, на что, возможно, повлиял связанный характер корня, встречающийся только в двух словах: ЗАХОЛУСТЬЕ и ЗАХОЛУСТНЫЙ. Все же другая часть информантов выделяет в слове ЗАХОЛУСТЬЕ префикс ЗА- и суффикс -j- по типу ЗАРЕЧЬЕ, ЗАЛЕСЬЕ (ср. две единичные реакции - ХОЛУСТЬ и ХОЛУСТЬЕ). Однако оставшийся корень, примыкающий к этим аффиксам, не ясен и потому трудно выделим. Пытаясь выявить значение корня, обнаружить родственные связи слова, его мотивацию, информанты сближают данное слово с прил. ХОЛОСТОЙ: "ЗАХОЛУСТЬЕ - это как бы ХОЛОСТОЕ, то есть пустое место"; сущ. ХАЛУПА: "ЗАХОЛУСТЬЕ - провинция, глухое место, все дома там - ХАЛУПЫ, отсюда и ЗАХОЛУСТЬЕ"; ХЛАМ (3%): "ЗАХОЛУСТЬЕ, наверное, потому так называется, что там много ХЛАМА". Данные метатексты позволяют отнести такие ассоциации, как ХОЛОСТОЙ, ХАЛУПА, ХЛАМ к ассоциациям формально-семантического типа. Однако о формальном тождестве их корневых морфем говорить сложно. Смысловая общность этих слов также небольшая, характер семантической мутации ассоциатов мы можем квалифицировать только как "соприкосновение" значений смежных понятий.

Итак, у носителей языка вследствие затемненного морфемного состава лексемы ЗАХОЛУСТЬЕ развиваются новые представления о мотивационных связях данного слова, вероятнее всего, отличные от первоначальных.

ЗАКОРКИ

Данное слово также не имеет единой этимологии.

В Кратком этимологическом словаре относительно происхождения ЗАКОРКИ выдвигаются две гипотезы. Согласно первой, ЗАКОРКИ образовалось из ЗАКУКОРКИ; последнее, в свою очередь, было образовано от диал. КУКОРКИ, диминутива к КУКРЫ 'заплечье', родственного КУКИШ (КУКИШ < КУКА 'кулак'). Согласно второй версии, слово ЗАКОРКИ представляет собой приставочное образование от исчезнувшего КОРКИ 'плечи, спина', этимологически связанного с КОРЧИТЬСЯ.

Н.М.Шанский отмечает, что слово ЗАКОРКИ встречается в формах ЗАКОРТКИ (у Лескова) и ЗАКОРТОЧКИ (у Даля). С учетом этих форм Н.М.Шанскому кажется допустимым предположение, что исходной формой является ЗАКОРТКИ (ЗАКОРКИ),

которая, по всей вероятности, представляет редериват от ЗАКОРТОЧКИ, префиксального производного от КОРТОЧКИ.

Происхождение слова КОРТОЧКИ также неясно. Н.М.Шанский считает вероятным образование этого слова от основы КОРТ- с тем же корнем, но с перегласовкой, что и в слове КОРОТКИЙ. М.Фасмер сравнивает КОРТОЧКИ с лат. *curvus* 'кривой', сюда же относит и КОРНУТЬ.

Наш эксперимент зафиксировал сближения слова ЗАКОРКИ со словами, рассматриваемыми исследователями в качестве его этимологических родственников: КОРТОЧКИ - 3%, КОРОТКО - 1%, ПРИКОРНУТЬ - 1%. Однако семантическая связь между данными словами в синхронии информантами уже не устанавливается. Формальное и семантическое развитие слова привело к тому, что оно так разошлось с родственными словами (например, с такими как КУКИШ или КОРЧИТЬСЯ, КОРТОЧКИ), что в настоящее время они уже не воспринимаются как однокоренные. Уход из языка слов, родственных ЗАКОРКИ (КУКРЫ, КОРКИ в значении 'плечи, спина', ЗАКОРТКИ), территориальная ограниченность мотиватора (диал. КУКОРКИ), снижающая степень его активности, - данные обстоятельства явились условиями для опрощения слова, затемнения значения его составных частей. В силу этимологической рефлексии на слово некоторые испытуемые еще выделяют в этом слове префикс ЗА-, суффикс -К- и корень КОР-, сближая его с корнем КОР- со значением 'твердый, отвердевший верхний слой чего-нибудь'. Однако соотношение значений этих морфем со значением слова в целом без этимологического анализа выявлено уже быть не может. К тому же, как показало рассмотрение семантических ассоциаций, значение слова ЗАКОРКИ известно не всем информантам. Это следует из того, что СА составляют всего 7%, причем половина из них трудно объяснимы (реакция ЦЕДРА скорее всего является ассоциацией на слово КОРКА, а не на ЗАКОРКИ, а такие реакции как ДАЛЕКО, УГОЛ ДОМА вообще не поддаются однозначному толкованию).

Незнание лексического значения слова, так же как и отсутствие в языке слов, связанных с анализируемым словом по форме и семантике, затрудняют актуализацию МА-связей слова, понижают потенциал его мотивационности, обуславливают высокий процент отрицательных ответов (K_0 - 0,43), объясняют превалирование в ассоциативном поле данного слова формальных ассоциаций. Самой сильной ассоциацией в ассоциативном поле слова ЗАКОРКИ является формальная ассоциация КОРКА(и) - 33%, сюда же КОРА - 3%. Остальные ассоциации (помимо отмеченной выше реакции КОРТОЧКИ - 3%) - единичные, имеющие более или менее случайный, индивидуальный характер и потому находящиеся на периферии поля. Так как в настоящее время информанты не связывают по смыслу слова ЗАКОРКИ и КОРТОЧКИ, ПРИКОРНУТЬ, ЗАКОРЧИТЬ, КОРОТКО, мы отнесли их к ФА, а

не к ФСА, поэтому K_m у этого слова по сравнению с ранее проанализированными самый минимальный ($K_m = 0$).

Таким образом, ассоциативное поле слова ЗАКОРКИ не фиксирует его исконно родственных связей, ибо они не сохранены языковой памятью. Следовательно, данное слово можно рассматривать как полностью деэтимологизированное.

* * * * *

Итак, анализ ассоциативных полей слов позволяет по-новому подойти к проблеме выявления корреляции современного функционирования языка и фактов его истории, к проблеме определения того, в какой мере синхронные связи между словами отражают процесс развития этих слов. Новизна такого подхода связана с попытками выявления глубины деэтимологизации слова исходя из структуры его ассоциативного поля, с одной стороны, и учитывая существующее множество этимологических гипотез и степень уверенности в них различных авторов, с другой (хотя, справедливости ради, надо отметить, что не всегда демотивированное в синхронии слово в этимологическом отношении является неоднозначным, поэтому так называемый "гносеологический" фактор определения деэтимологизированности слова имеет не абсолютный, а относительный характер).

Основываясь на указанных показателях, мы сочли возможным выделить три зоны слов: недеэтимологизированные, деэтимологизированные и самая большая зона - частично деэтимологизированные слова.

В качестве примеров (анализ параметров описания МА-полей всех исследуемых слов см. в Таблице 1 Приложения II) недеэтимологизированных лексических единиц можно указать слова ЗЕМЛЯНИКА, ЗАКЛЯТЫЙ, ЗАКУСКА, ЗАМАШКА. Ассоциативные поля этих лексем характеризуются высокими коэффициентами мотивационности и низкими коэффициентами разброса реакций и отказа от ассоциирования. Формальная мутация ассоциатов этих слов незначительная, не нарушающая тождество их корневых морфем. Общность семантики ассоциатов и слов-стимулов представлена всеми отмеченными типами семантической близости слов.

Данные параметры ассоциативных полей слов ЗЕМЛЯНИКА, ЗАКЛЯТЫЙ, ЗАКУСКА и ЗАМАШКА обусловлены тем, что эти слова характеризуются значимостью для носителей современного русского языка их ВФ, их мотивировочного признака. Мотивационная форма и мотивационное значение этих слов находятся в гармонии друг с другом, связь их звучания и значения понятна, объяснима, мотивирована.

Некоторое уменьшение K_m и соответственно увеличение K_p и K_o слова ЗАМАШКА по сравнению со словом ЗЕМЛЯНИКА связано с усилением идиоматичности слова, формированием в его значении и форме элементов условности. Однако идиоматичность слов, хотя и несколько уменьшает коэффициент их мотивационности, отнюдь не предрешает утрату ими мотивированности.

Примером абсолютно немотивированного наименования, пережившего процесс деэтимологизации, может служить лексема ЗАКОРКИ. Ассоциативное поле этого слова не содержит мотивационных ассоциаций, коэффициент его мотивационности равен нулю. Все ассоциации, полученные в ходе эксперимента, или основываются на сходстве со звучанием данного слова, или являются реакциями на его значение. Максимально высокий K_o (0,43) также свидетельствует в пользу того, что слово ЗАКОРКИ в современной языковой системе является деэтимологизированным, так как он говорит о больших трудностях, с которыми столкнулись испытуемые, пытаясь актуализировать мотивационные отношения данного слова. Эти трудности обусловлены отсутствием в современном русском литературном языке слов, родственных ЗАКОРКИ, а также незнанием некоторой части информантов значения анализируемого слова, так как, естественно, что, не зная значения ЗАКОРКИ, испытуемому сложно установить его мотивацию (возникновение народноэтимологической связи - отдельный вопрос). Несмотря на то, что основа этого слова сохранила следы былой производимости (в его структуре возможно вычленение префикса ЗА- и суффикса -К-), производящее этого слова неизвестно современным носителям русского языка, и поэтому слово ЗАКОРКИ большинством информантов признается как непроизводное. Таким образом, ассоциативное поле слова ЗАКОРКИ свидетельствует о полной утрате словом мотивационных отношений с другими словами, о том, что слово находится на последнем, заключительном этапе деэтимологизации.

Между этими двумя полюсами, представленными деэтимологизированными и недеэтимологизированными словами, существует большая группа слов, характеризующихся частичной деэтимологизацией. В этой группе слов можно наметить, на наш взгляд, два основных типа:

1. Слова этого типа отличаются тем, что сохраняют в своем составе элементы, легко вычленимые при делении слова на составляющие. В эту группу мы включили такие слова, как ЗАКАДЫЧНЫЙ, ЗАБУБЕННЫЙ, возможно, ЗАУСЕНЕЦ. Составной характер этих слов четко осознается и в настоящее время. Испытуемые выделяют в этих словах корни КАДЫК-, БУБЕН-, УС-, префикс ЗА-, суффиксы -Н- и -ЕЦ-. Тем не менее информанты испытывают определенные трудности, пытаясь связать значение этих вычленимых морфем со значением слов в целом. Семантическая соотнесенность слов с их производящими на современном

этапе ослаблена, хотя окончательно она не забывается, ибо память о былой производимости сохранена в морфемно-мотивационной структуре данных слов. Это определяет достаточно высокий K_m анализируемых слов и довольно низкий K_p . Количество отрицательных ответов в этой группе слов больше, нежели у слов с сильной мотивированностью. Данное положение связано с тем, что одно и то же частично деэтимологизированное, условно членимое слово может по-разному трактоваться различными носителями языка в зависимости от их языковой компетенции - оно может оцениваться и как мотивированное, и как немотивированное. Видимо, отказы от ассоциирования вызваны восприятием данных слов как немотивированных, деэтимологизированных единиц.

Обращает на себя внимание низкий для этой группы K_p у слова ЗАКАДЫЧНЫЙ (0,02). Вероятно, это может быть объяснено тем, что в русском языке не много слов, являющихся родственными слову КАДЫК. С другой стороны, высокая частотность выхода КАДЫК обусловлена тем, что корень КАДЫК- в ЗАКАДЫЧНЫЙ чувствуется в своей отдельности совершенно четко. Такая структура слова, при которой исходно составной характер является абсолютно нестертым, влияет на локальную "прикрепленность" ассоциаций. Поэтому в слове ЗАКАДЫЧНЫЙ, как и в словах ЗАБУБЕННЫЙ, ЗАУСЕНЕЦ, все информанты выделили одну точку локализации ассоциатов, один корень. С этим связана и незначительная формальная мутация этого корня в словах-ассоциатах. Семантическая мутация (в ассоциативных полях данных слов зафиксирована только третья ступень семантической близости слов) определяется ослабленностью смысловой соотнесенности этих слов и их корневых морфем.

2. Слова второго типа характеризуются тем, что при осознаваемых аффиксах корни этих слов не ясны и трудно выделимы. К этой группе мы отнесли такие слова, как ЗАБУЛДЫГА и ЗАХОЛУСТЬЕ. Членимость этих слов рядовым носителем русского языка еще ощущается, но без этимологического анализа разложить данные слова на составляющие, вычленив корень и определить его семантику довольно трудно, а подчас и невозможно. Слова типа ЗАБУЛДЫГА и ЗАХОЛУСТЬЕ находятся в состоянии перехода к полной деэтимологизации, коэффициент их мотивационности небольшой, зато K_o и K_p по сравнению с соответствующими показателями ассоциативного поля недеэтимологизированного слова ЗЕМЛЯНИКА резко возросли. Неузнаваемость корневых морфем данных слов, неочевидность их выделения влияет на доступность самообъяснения значений этих слов (первая и вторая степени семантической общности у слов с трудно вычленимым корнем и их ассоциатами довольно редки, но все же, если они устанавливаются, то, как правило, между словами, связанными отношениями синхронной словообразовательной мотивации).

Неясность корня обусловила и характер формальной мутации ассоциатов, которая выражается не в отдельных фонетических изменениях, не меняющих принципиально структуры слова, а в сближении корневой части анализируемого слова с другим словом, которое, по мнению носителей языка, может прояснить морфемно-мотивационную структуру непонятого слова, сделать все его части значимыми, мотивированными. Не всегда данные сближения восстанавливают утраченные этимологические связи, часто они опираются лишь на случайное совпадение в звучании слов. Однако самыми частотными среди них являются именно те, которые более успешно семантизируются.

Выделение двух типов частично деэтимологизированных слов носит условный характер, поскольку между ними существует множество переходных случаев. В качестве примера можно рассматривать слово ЗАУСЕНЕЦ, так как в этом слове при выделении префикса ЗА-, суффикса -ЕЦ- и корня УС- остается сегмент -ЕН-, не имеющий значения, что дает возможность рассматривать его как наращение. Но также возможным оказывается после вычленения ЗА- и -ЕЦ- выделение корня УСЕН-, что затемняет структуру слова и значение его составляющих. Видимо, это определяет и K_m данного слова, который ниже, чем у слов первого типа, но выше, чем у слов второго типа.

	Слово-стимул	K_m	K_p	K_o	Семантическая общность стимула и ассоциатов (1,2,3 степени)	Локальная "прикрепленность" ассоциаций. Формальная мутация
Недеетимологизир слова	ЗЕМЛЯНИКА	0,93	0,03	0,01	1,2,3	ЗЕМЛ-
	ЗАКЛЯТЫЙ	0,85	0,08	0,07	1,2	КЛЯТ-/КЛЯС-/КЛИН-
	ЗАКУСКА	0,84	0,09	0,07	1,2,3	КУС-
	ЗАМАШКА	0,79	0,06	0,09	2,3	МАШ-/МАХ-
Частично деетимологизированные	ЗАКАДЫЧНЫЙ	0,70	0,02	0,10	3	КАДЫК-
	ЗАБУБЕННЫЙ	0,70	0,13	0,18	3	БУБЕН-/БУБН-/БУБ-
	ЗАУСЕНЕЦ	0,47	0,11	0,20	3	УС-
	ЗАБУЛДЫГА	0,36	0,44	0,24	3	БУЛД-/БУТЫЛ-/БЛУД-
	ЗАХОЛУСТЬЕ	0,21	0,33	0,39	1,3	ХОЛУСТ-/ХОЛОСТ-/ХАЛУП-/ХЛАМ-
Де-этим	ЗАКОРКИ	-	-	0,43	-	-

Таким образом, как показал анализ, исходя из структуры ассоциативного поля слова, основываясь на характеристиках его мотивационного потенциала, можно выявить корреляцию диахронного и синхронного, объективно обнаруживаемую в структуре ассоциативного поля, определить глубину деетимологизации этого слова, ибо, как мы установили, все, что в синхронной мотивации обладает градуальным характером, имеет диахронную основу. Данное обстоятельство может быть объяснено тем, что в слове соединены черты "единицы современной, сущей и единицы, своими корнями уходящей в историю, причем бывшее, ушедшее оставляют в слове свой живой и неизгладимый след" /Шведова Н.Ю., 1984, с.7/. Иными словами, синхронные связи слов составляют в современном языке систему, которая во многом обусловлена этимологическими отношениями и не может быть понята в отрыве от них.

ВЫВОДЫ

Проанализированный языковой материал, полученный в результате проведения лингвистического эксперимента, позволяет сделать следующие выводы.

1. Данные лингвистического эксперимента подтверждают гипотезу о диалектической взаимосвязи исторического развития слова и его синхронного состояния. Диалектическое единство синхронии и диахронии проявляется в том, что, с одной стороны, синхрония является одним из этапов исторического процесса и описание синхронного состояния языка представляет собой момент его истории, с другой стороны, не подлежит сомнению то обстоятельство, что синхронная система языка обусловлена диахронными фактами. Ср. замечание Э.Косериу, сделанное по этому поводу: "Язык функционирует синхронно, а создается диахронно. Однако эти термины не антиномичны и не противоречивы, поскольку создание осуществляется для функционирования" /Косериу Э., 1963, с.335/. Можно сказать, что диахрония формирует синхронию и в этом отношении может быть рассмотрена как элемент синхронии, ибо факты истории языка обуславливают современное функционирование языковых единиц. Языковые единицы, или единицы текста, по мнению Л.Н.Мурзина, "одновременно и носители нового, и хранители старого. Они одновременно и принадлежат истории, и не принадлежат ей, являясь воплощением данного состояния языка" /см.: Дери́вация и история..., 1987, с.6/. Это же можно сказать и о слове, так как каждое слово, с одной стороны, уникально само по себе, но с другой стороны, в его состав входят морфемы, употреблявшиеся ранее и в других словах. Поэтому в слове, которое создается или осмысливается в данный момент, отражена его история и в то же время выражена его современность.

2. Анализ состояния мотивированности лексических единиц показал, что чем сильнее слово изменило свое значение и фонетический облик, характер и сферу функционирования, чем значительнее отличается морфемно-мотивационное строение, характерное для слова в

настоящее время, от первоначального, свойственного слову в момент его появления, чем больше слово расходится со своими этимологическими родственниками, тем выше степень его деэтимологизации. Глубину деэтимологизации слова как исторически изменяющегося структурного целого можно установить исходя из структуры ассоциативного поля этого слова, так как историческое развитие слова, изменение его морфемно-мотивационной формы влияют на формально-семантические отношения слова и проявляются в структуре его ассоциативного поля. В частности, такие показатели ассоциативного поля, как K_m , K_o , K_r , частотность выхода слова, локальная "прикрепленность" ассоциаций, формальная и семантическая мутация ассоциатов обусловлены "прозрачностью" или "затемненностью" структуры слова для языковой личности, что во многом определяется формально-семантическим развитием слова. Учитывая соотношение этих параметров ассоциативного поля, можно создать синхронную гипотезу о глубине деэтимологизации слова.

3. Показателем деэтимологизации слова является множественность его этимологических толкований, а также степень уверенности авторов в выдвигаемых гипотезах, характер модальности в их оценках. Существование нескольких вероятных решений относительно происхождения какого-либо слова, его исконного, возможно, ныне забытого, значения, его генетических связей, свидетельствует о том, что в настоящее время морфемно-мотивационная структура этого слова неясна и допускает варианты, что образ, положенный в основу наименования, возникшего в глубокой древности, сейчас затемнен и слово вызывает различные представления, обладающие объяснительной силой. Относительно таких слов выдвигается ряд этимологий, носящих условный, предположительный, гипотетический характер. Как правило, такие этимологии сопровождаются словами НЕЯСНО, СОМНИТЕЛЬНО, ТРУДНОЕ СЛОВО, ТЕМНОЕ СЛОВО и т.п., выражающими неуверенность автора в своей гипотезе, проблематичность его этимологического решения и, следовательно, отражающими глубину деэтимологизации слова.

4. Проведенный нами лингвистический эксперимент и факты научной этимологии позволяют сделать следующее заключение: чем более нечетко этимологическое поле слова (по количеству гипотез, по характеру модальности в их оценке), тем более нечетко его ассоциативное поле (большой разброс реакций, значительная формальная и семантическая мутация ассоциатов, высокий процент отрицательных ответов и др.).

Глава III

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННЫХ АССОЦИАЦИЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА (НОРМАТИВНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ)

3.1. ПОНЯТИЕ "ЯЗЫКОВАЯ НОРМА" В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ

Понятие "языковой нормы" в современной лингвистике получило теоретическое обоснование и широкое распространение при изучении различных вопросов общего языкознания, культуры речи, теории коммуникации, истории языков. В русской лингвистической традиции теорию нормы разрабатывали Л.В.Щерба, А.А.Леонтьев, Р.Р.Гельгардт, Ф.П.Филин, Г.О.Винокур, К.С.Горбачевич, В.А.Ицкович и др. Языковая норма трактуется данными языковедами как неотъемлемый атрибут языка, как относительно стабильный и унифицированный комплекс языковых средств и правил их употребления, вошедший в массовый речевой обиход.

Норма, с одной стороны, рассматривается как собственно лингвистическая категория, характеризующая устойчивые реализации языковой системы; с другой стороны, норма также может быть рассмотрена и в социальном аспекте, ибо норма проявляется в отборе, фиксации языковых явлений, их оценке ("правильно" - "неправильно"), сознательно культивируемой обществом.

В современной лингвистике вопрос о природе нормы не имеет однозначного решения. Существуют разные точки зрения, отличие которых заключается именно в предпочтении одной из сторон нормы в качестве преобладающей: норма - это объективное явление, отражающее внутренние свойства языка, которые не зависят от общественной оценки, или норма - это закон, управляющий узусом, некое установление, которое предписывает определенные правила употребления языковых единиц и их оценку. В современной русистике есть сторонники и той и другой точек зрения. Некоторые ученые склонны рассматривать понятие "языковой нормы" как условное общественное установление. Ср.: "Языковая норма - кодекс правил, регламентирующих словоупотребление", "...правильным, соответствующим норме признается то, что не режет слух нормализатора..." /Петрищева Е.Ф., 1967, с.34, 36/; "В основе нормы речи лежит этический принцип. Сам факт различения того, что выходит за пределы нормы, является неправильным, представляет собой мнение общества о допустимом и недопустимом. Этический принцип позволяет

отделить то, что одобряется и охраняется обществом, от того, что осуждается и против чего борется общество" /Ломтев Т.П., 1961, с.65/; норма обнаруживает "...производность от целенаправленной деятельности человека" /Звегинцев В.А., 1962, с.157/. С другой стороны, широкое распространение получили представления о языковой норме как о норме, обладающей объективным характером, зависящей от системы языка и его узуса. Ср.: "Норма - это объективно существующие в данное время в данном языковом коллективе значения слов, их фонетическая структура, модели словообразования и словоизменения, модели синтаксических единиц..." /Ицкович В.А., 1968, с.5/; "Языковая норма вырабатывается не наукой, а опытом самой говорящей и пишущей среды" /Винокур Г.О., 1967, с.13/.

Как видно, термин "норма" чаще всего употребляют в двух разных значениях: 1) определение "норма есть общепринятое употребление" основывается на объективной данности нормы (норма существует в самом языке); 2) определение "норма - это правила употребления" исходит из того, что норма является чем-то внешним по отношению к языку, тем, что устанавливается грамматиками (то есть норма не содержится в самом языке).

Наконец, некоторые исследователи не дифференцируют данные различия и, объединяя их, трактуют норму как общепринятое и рекомендованное употребление. Ср.: "...на вопрос, норма - это узус или закон, - может быть лишь один ответ: и узус, и закон. Природа нормы двусторонняя" /Горбачевич К.С., 1971, с.15/; "Нормы языка не остаются неизменными. Их смена не является только результатом стихийного употребления языка, они, конечно, и не предписываются языку извне" / Шмелев Д.Н., цит. по раб.: Горбачевич К.С., 1971, 15/.

Но, несмотря на различное понимание языковой нормы, все исследователи обычно отмечают следующие ее признаки: устойчивость (стабильность), общераспространенность нормы, привычность функционирования языкового факта (узус), традиционность. Устойчивость нормы является объективно существующей чертой языка, так как наличие и сохранение языковых норм - необходимое условие общественной коммуникации.

Однако норма - это не только стабильная и унифицированная совокупность языковых средств, но еще и значительно дифференцированная языковая сущность, предполагающая сохранение целого ряда вариантов, как модификации нормы или отклонения от нее. В сущности, само наличие вариантов и обуславливает проблему языковой нормы, порождает трудности в ее определении. Таким образом, устойчивость нормы относительна, она основывается на обобщении массового в единичном. Современная теория языковой нормы не принимает догматического представления о незыблемости нормы. Как отмечал Л.В.Щерба, настаивавший на необходимости разработки активной и динамичной грамматики, "в нормативной грамматике язык зачастую обычно представлялся в окаменелом

виде. Это отвечает наивному обывательскому представлению: язык изменялся до нас и будет изменяться в дальнейшем, но сейчас он неизменен" /Щерба Л.В., 1958, с.15/. Исследователи современного русского языка подчеркивают, что языковая норма не претендует на всеобщее и безраздельное господство, не допускающее отступлений от принятых канонов. Норма языка - не статическое понятие: норма отражает поступательное развитие языка, его динамику, постоянное движение, и это не позволяет ей предстать в виде неизменного типового образца. Другими словами, то, что язык находится в постоянном движении, обуславливает объективный и неизбежный процесс смены норм. Ср.: "Непрерывность языковых изменений означает, что в языке постоянно появляется нечто новое, противоречащее современной норме. Среди таких фактов есть, конечно, и случайные, не соответствующие системе языка, - они остаются единичными казусами за пределами литературного языка, - но есть и такие явления, в которых проявляются нереализованные возможности системы языка. Среди фактов второго рода встречаются такие, которые так и не достигают своего развития в языке, но нередко именно здесь начинают пробиваться и ростки новой нормы. В языке постоянно существует противоречие между нормой - тем, что закреплено как обязательное общим употреблением, и тенденцией - тем, что начинает появляться и распространяться..." /Ицкович В.А., 1968, с.56/. Такой подход к норме представляется весьма заманчивым, так как обеспечивает органичную связь нормы с динамичной языковой системой, языковой эволюцией, учитывает объективные, не зависящие от индивидуальной воли, тенденции развития языка. Данное понимание нормы предполагает ее рассмотрение не только как языкового стандарта, но и как языкового процесса.

Эволюция нормы означает замену одной нормы другою. Рамки, в которых возможно данное изменение, определяется языковой системой. Таким образом, "система" и "норма" оказываются коррелятивными понятиями: система является основой нормы, в норме реализуются некоторые возможности системы. Данная трактовка взаимоотношений системы и нормы принадлежит Э.Косериу: система языка, по его мнению, представляет собой потенциальные возможности данного языка, а норма, в противоположность системе, - это уже реализованная возможность языка. Ср.: "Система есть система возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути в речи, понятной данному коллективу... Система охватывает идеальные формы реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности", норма же "соответствует не тому, что "можно сказать", а тому, что уже сказано" /Косериу Э., 1963, с.174-175/; система - "техника, позволяющая выйти за пределы уже реализованного", а норма - это "совокупность уже реализованных форм и моделей, которые надлежит употреблять как

таковые" /там же, с.335/. В соответствии с этой точкой зрения любое изменение нормы должно рассматриваться как "реализация определенной возможности, уже заложенной в самой системе" /Горбачевич К.С., 1971, с.16/.

Вместе с тем в современной науке получают распространение и такие взгляды, согласно которым понятие "норма" является более широким, чем понятие "система", ибо часто норма, по мысли сторонников этой идеи, вбирает в себя то, что выходит за рамки системы, ср., например, следующее высказывание: "Норма шире системы. Первая допускает такие явления, которые не укладываются во вторую, но могут широко бытовать в языке" /Будагов Р.А., 1965, с.4/, например, "...особенности живого подвижного словообразования и словоупотребления обычно не вмещаются в прокрустово ложе узко понятой системы языка" /там же, с.35/. Однако, как мы полагаем, корректнее "поменять" в данном случае систему и норму "местами", "ибо в основе любых новаций, наблюдаемых в речи, лежат правила, система языка" /Мурзин Л.Н., 1996, с.14/ и реализация нормы обусловлена языковой деятельностью, которая, как и сам язык, является системной; в языке нет таких явлений, которые, войдя в массовый речевой обиход, так или иначе не затронули бы общей системной организации языка. Поэтому мы, вслед за Э.Косериу и его последователями, определяем норму языка как систему реально существующих в данное время в данном языке явлений, а систему языка как систему его возможностей. Функционирование нормы мы рассматриваем как функционирование языковой системы в ее относительном равновесии и устойчивости; изменение, нарушение нормы - как следствие развития системы языка, реализацию динамичной природы языка, пребывающего в постоянном движении.

Итак, рассмотрев существующие в современной русистике взгляды на языковую норму, следует отметить, что признание большинством лингвистов нормативности языкового факта основывается на соответствии данного факта системе языка и на наличии массовой и регулярной его воспроизводимости в процессе коммуникации. Разногласия же проявляются в предпочтении одних признаков нормы другим; такое положение обусловлено самой природой нормы, которая включает в себе такие антиномии, как стабильность и непрерывное изменение, отражение узуса и действие закона, имманентное, то есть не зависимое от сознательного вмешательства, развитие нормы, подчиненное внутренним законам развития языковой системы, и авторитет литературных традиций и нормативных регламентаций.

До сих пор мы говорили о самых общих свойствах языковой нормы. Однако эти свойства по-разному проявляются в различных языковых сферах. Цель настоящего раздела исследования заключается в рассмотрении явления нормы и ее специфики на уровне

мотивационных ассоциаций. Необходимость данного исследования определяется его теоретической значимостью: мотивационно-ассоциативная норма (МА-норма), то есть мотивационно-ассоциативный стереотип (МА-стереотип) - важнейший элемент языкотворческой деятельности, но формирование таких стереотипов не описано в лингвистике в достаточной мере. Имеющаяся научная литература в области генезиса языковых стереотипов исследует прежде всего модели использования единиц языка по тем типам, которые спонтанно формируются у носителей языка в процессе восприятия лингвистических единиц, прежде всего их семантической стороны (см. работы А.А.Леонтьева, Ю.Н.Караулова, А.П.Клименко и др. авторов по экспериментальному изучению ассоциативных норм). Нас же интересует восприятие формальной стороны слова и ее способность воздействовать на план содержания при формировании МА-норм. Таким образом, разработка проблемы образования и функционирования МА-нормы имеет определенное значение при изучении деятельностного аспекта эпидигматики лексики. В дальнейшем изложении предполагается выявить специфику ассоциативной нормы на мотивационном уровне, выработать методiku ее определения, исследовать особенности слов-стимулов, дающих основу для возникновения МА-стереотипов, изучить причины и типы варьирования МА-нормы.

3.2. МА-НОРМА, ДИНАМИКА ЕЕ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Понятие "МА-норма", предназначенное для анализа мотивации в функциональном аспекте, до последнего времени не разрабатывалось. Вместе с тем известно, что любая деятельность "связана с нормами и правилами, подведением рассматриваемых объектов под образцы и стандарты" /Ивин А.А., 1987, с.31/, мотивационно-ассоциативная - в том числе. Понятие "норма" применительно к данному виду деятельности несет в себе известную функциональную нагрузку, и эта нагрузка связана прежде всего с противопоставлением одной мотивационной нормы другой, одного стереотипа другому. Функционирование МА-нормы заключается в создании узуальных стереотипов восприятия и интерпретации словесного знака, его мотивационной структуры, актуализации системных параметров такой интерпретации. МА-норма выступает как ассоциативный стереотип восприятия знака, допуская в то же время различные подходы к интерпретации его мотивированности. Учитывая сказанное, мы определяем МА-норму как ассоциативный стереотип, отражающий восприятие морфемно-мотивационной структуры слова и проявляющийся в относительно

стабильном воспроизведении формально-семантических реакций на это слово, что выявляет его значимость в системе языка и характер мотивационного функционирования. Наличие МА-нормы, при таком понимании, предстает как объективно существующее, необходимое для эффективного общения условие адекватного восприятия и употребления слова. Однако мотивационный потенциал слова не исчерпывается понятием МА-стереотипа; МА-норма - это только лишь наиболее стабильная его зона, ядро МА-поля слова, периферию составляют мотивационные интерпретации, не получившие значения нормы в силу их единичности и сохранения творческого характера, но соответствующие внутренней системе языка и, возможно, активным тенденциям ее развития. Вероятно, можно провести параллель между соотношением ядра и периферии ассоциативного поля, с одной стороны, и соотношением "ближайшего" (по А.А.Потебне), то есть общеизвестного, значения слова и "дальнейшего", то есть индивидуального, значения, вызывающего многообразные и специфические ассоциации. Действительно, мотивационное значение, составляющее эксплицированный компонент его лексического значения, определяется на основе нормативного ассоциативного осмысления слова, а значит МА-стереотип может выступать как часть "ближайшего" значения, при этом термин "ближайшее" понимается нами не в диахронном плане, а в плане синхронной мотивационной структуры слова.

Таким образом, в МА-норме, как и в любой другой языковой норме, осуществляется лишь часть возможностей, предоставляемых языковой системой; за пределами МА-нормы остается область МА-связей, не получивших нормативного признания, но, как правило, отражающих тенденции к иному мотивационному функционированию. И если данные тенденции окажутся не случайными, а соответствующими живым языковым связям, они в конечном счете победят и произойдет смена МА-нормы. Следовательно, изменение, динамика МА-нормы - объективный процесс мотивационного развития слова, обусловленный динамичной природой языка, открытым, незамкнутым характером языковой системы, ее подвижностью, изменчивостью, связанной с уходом старого и появлением нового в самой жизни: " В соответствии с развитием языка и потребностями общественной практики перестраиваются существующие нормы, появляются новые, включаются и исключаются языковые единицы, а также меняется отношение к языковым фактам по разным аспектам оценочной функции; меняются также <...> семантические и формальные связи внутри языковой системы" /Ейгер Г.В., 1990, с.41/. Тем не менее МА-норма по своему предназначению отражает синхронное, одномоментное состояние языка. Поэтому основой МА-нормы как явления динамического является система языка на определенном синхронном срезе как явление статическое, сиюминутное. Таким образом, МА-норма связана с языковой системой, находящейся в колеблющемся равновесии, то есть с ее статическим аспектом,

однако фактор изменчивости нормы отражает динамический аспект синхронной семантики, так как МА-норма имеет определенную семантическую и прагматическую значимость.

Основываясь на вышесказанном, мы полагаем, что изучение МА-норм русского языка и их эволюции - необходимое звено в определении основных тенденций развития языка, мотивационного функционирования лексических единиц; анализ МА-норм позволит в значительной мере объективировать различные оценки спорных вопросов современной мотивологии, что весьма существенно для решения некоторых задач нормативной лексикографии. Отметим, что обычно ассоциативные словари не относят к лексикографическим справочникам нормирующего типа. Ю.Н.Караулов в предисловии к "Русскому ассоциативному словарю" указывает на то, что ассоциативный словарь есть словарь дескриптивный, то есть описательный /см.: Русский ассоциативный словарь, 1994, т.1, с.5/, что известный ассоциативный словарь под редакцией А.А.Леонтьева назван "словарем норм" в медицинско-психологическом, а не в собственно языковом смысле /там же, с.215/. Мы полагаем, что "Мотивационно-ассоциативный словарь" воплощает в себе единство дескриптивного и нормативного подходов, так как, составляя его, мы стремились не только систематизировать мотивационные связи определенных лексических единиц, но и создать базу для определения коллективных МА-норм русского языка, что, возможно, внесет свой вклад в развитие теории мотивации. На наш взгляд, словарь мотивационных ассоциаций, отразивший мотивационные отношения лексических единиц и частоту их актуализации, может служить собранием МА-норм русского языка, с другой стороны, этот словарь дает возможность выявить зародыши эволюционных изменений в мотивации слов. Иными словами, "Мотивационно-ассоциативный словарь" можно рассматривать как модель эпидигматической системы русского языка.

Следует указать, что, хотя мы и определили мотивационный словарь как словарь нормативный, он качественно отличается от других словарей нормирующего/предписывающего типа. Главное отличие заключается в специфической природе МА-нормы: под МА-нормой мы понимаем не традиционный узуальный стереотип, предписывающий как лучше и правильнее использовать языковые единицы, МА-норма для нас - это существующие МА-связи, актуальные для большинства носителей русского языка. Таким образом, МА-норма, в отличие от таких понятий, как кодифицированная норма литературного языка, норма правописания, стилистическая норма и т.п., фиксирует не то, "как надо", а то, "как сложилось". МА-нормы - объективно существующие нормы языка, не зависящие от общественного установления и рекомендаций словарей, им не присуща идея долженствования. МА-нормы, в отличие от общей языковой нормы, обладают значительно меньшей регламентацией и четкостью границ, отступление от этих норм не считается

ошибкой, так как не означает выхода за пределы возможностей, предоставляемых языковой системой. Иначе, нарушение МА-норм - следствие актуализации того, что реально существует в языке, или того, что в нем может быть. Можно сказать, что формирование МА-норм, с одной стороны, подчинено внутренним законам развития языковой системы; но с другой стороны, определенную роль при оформлении этих норм играет сознательная установка носителей языка на "правильность" наименования. Интуитивные представления о правильном и неправильном существуют в любой языковой среде. Применительно к понятию "норма" данные представления являются оценочными, несут в себе важное оценочное содержание. "В нормативном аспекте языковые единицы оцениваются как соответствующие норме или отклоняющиеся от нее" /Ейгер Г.В., 1990, с.30/. Нормативная функция мотивационно-ассоциативной деятельности проявляется: а) в выборе определенных мотивационных форм, б) в их оценке - лексические единицы оцениваются как "правильные"/"неправильные" с точки зрения их мотивированности: "правильные" наименования располагают возможностью актуализировать информацию об обозначаемом при обращении к их мотивации, "неправильные" не могут объяснить свой мотивационный код. Нередко конструкции, не объясняющие формальной и семантической связи между мотивирующим и мотивированным словами, оцениваются как "непонятные" и "ошибочные", как отступления от нормы, узуса (*"Почему ЗАВТРАК назвали ЗАВТРАКОМ? Непонятно, не могу объяснить, ведь ЗАВТРАКАЮТ не обязательно ЗАВТРА..."*).

МА-норма конструирует мотивационно-ассоциативную структуру слова и позволяет судить о степени актуальности для носителей русского языка его различных мотивационных интерпретаций. Поэтому на основе МА-нормы, ее оценки, отступлений от нормы можно предсказать пути развития мотивированности слова, ее возможные изменения, - положительные или отрицательные, - предопределяемые оценками носителей языка мотивационного потенциала лексической единицы.

МА-норма, как и любой языковой элемент, одновременно обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Через МА-норму выражаются взгляды на язык, на его отдельные элементы, их связи; в то же время в этих связях запечатлевается и экстралингвистическая информация, характеризующая взаимосвязь предметов и явлений жизни человека, ибо "любое осознаваемое сходство на уровне формального языкового выражения становится знаком внутренней связи денотатов" /Толстой Н.И., 1995, с.328/. В этом аспекте понятие "МА-нормы" коррелирует с понятием "языковой картины мира", как совокупности значений единиц языка, выражающих представления человека об объективной действительности, ибо МА-норма фиксирует доминантные для данного периода времени мотивационные связи между словами, тем

самым формируя представление о фрагменте "языковой картины мира". Иными словами, МА-норма отражает не только фрагмент формально-семантических отношений между словами, но и фрагмент взаимосвязанных явлений, образов, мотивов, предметно-логических отношений объективной действительности. Следовательно, МА-норма зависит как от системы языка, определяющей характер лингвистического представления внелингвистических объектов, так и от связей окружающего мира, и "ни один из этих кардинальных факторов, обуславливающий содержание языковых знаков, не может быть представлен как доминирующий по отношению к другому" /Литвин Ф.А., 1984, с.12/. Однако возможны "дополнительные" (по Н.Борну) описания слова, ориентированные на разные стороны его содержания, на исследования соотношения слова с действительностью, с одной стороны, и на выяснение качеств, вытекающих из его системных свойств, с другой /о сущности идей Борна см. в раб. Илларионова С.В., 1968, с.145/. Цель настоящей работы заключается в изучении внутренних, имманентных свойств слова, относительно независимых от внелингвистической реальности. Нас интересует МА-норма как новый способ репрезентации языковых мотивационных связей, мотивационно-ценностной ориентации коллективной языковой личности. Мы полагаем, что появление МА-норм - следствие тенденции языка к бережливости, экономии языковых средств, к однообразию выражения значений; МА-норма соответствует основному закону коммуникации: "одно звучание - одно значение, разные звучания - разные значения" /Ахманова О.С., 1957, с.192/. Вместе с тем, вопреки действию тенденции к однозначному и прямолинейному соотношению между знаком и референтом, для языка характерна и определенная системная избыточность. Ср.: "Язык вовсе не есть такое целое, в ком нет ничего лишнего" /Потебня А.А., 1941, с.149/. Язык как функциональная система отличается высокой степенью вариативности своих единиц, их реализаций, что делает его функционирование гибким и эффективным. Вариативность предстает как сущностное свойство языковой системы во всех ее звеньях. Каким образом данное свойство языка проявляется на уровне мотивационных отношений? Ответ на этот вопрос позволит придать анализу МА-норм русского языка объективный и прогнозирующий характер, ибо "перспективная норма может быть установлена лишь в результате функционально-динамического изучения ее вариантов, причин их возникновения и условий взаимодействия" /Горбачевич К.С., 1978, с.4-5/.

3.3. ЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ И МА-НОРМА

Как уже было отмечено, явление вариативности (вариантности) признается сегодня важнейшим свойством языковой системы. В современной лингвистике вариативность рассматривается, во-первых, как объективное следствие языковой эволюции, для которой характерно наличие стадии сосуществования старого и нового качества: "В процессе смены норм существует период сосуществования норм, период, когда в одной и той же форме языка на равных правах употребляется как одно, старое, так и другое, новое, слово, форма, конструкция" /Ицкович В.А., 1968, с.48/. Вариативность при этом предстает как модификация выражения какой-либо языковой сущности, как отклонение от нормы: то, что видоизменяется, понимается как некий эталон, норма, а разновидности или отклонения от нормы - как ее варианты. При таком понимании варианты возникают и конкурируют друг с другом лишь в определенный период времени, вследствие чего варьирование рассматривается не как постоянное свойство конкретной языковой единицы, а как свойство языка в целом. Для другой интерпретации, напротив, характерно понимание вариативности как способа существования и функционирования всех единиц языка и языковой системы в синхронии: "Все единицы языка вариативны, то есть представлены в виде множества вариантов. Вариантное строение единиц языка обусловлено присущим им свойством "экземплярности". Каждая единица языка существует в виде множества экземпляров, оставаясь при этом сама собой, подобно тому как одна и та же книга может быть размножена в бесчисленном количестве экземпляров" /Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с.81/. Другими словами, вариант - конкретный экземпляр языковой единицы - есть форма ее реального бытия. В вариативности единиц языка проявляется вариантно-инвариантное устройство всей языковой системы; подобное устройство представляет собой варианты реализации инвариантной сущности.

Какое содержание вкладывается исследователями в термины "инвариантность", "инвариант" и "вариант"? В общем виде под инвариантностью в современной науке понимается свойство тех или иных объектов оставаться неизменными при изменении внешних условий, а под инвариантом - абстрактную сущность, в которой проявляется то общее, что на данном временном этапе характеризует какую-либо группу языковых единиц. Данные единицы, составляющие группу, по отношению к которой может быть выведен инвариант, называются вариантами. Варианты воплощают в себе как абсолютное, общее, так и относительное, индивидуальное, отдельное качество, характеризующее только данный вариант. Благодаря наличию важных общих черт и отсутствию существенных различий, варианты представляют собой проявление одной и той же сущности. Инвариантность, - абстрактное, собирательное понятие, - выражает относительную устойчивость и определенность всей группы в целом. Таким образом, понятия "инвариант" и "вариант",

составляя оппозицию, не могут существовать друг без друга, ибо инвариант - это абстрактное обозначение одной и той же сущности, а варианты - разные проявления одной и той же сущности. Как видно, принципы теории вариантности/инвариантности представляют собой интересный пример единства изменчивости и постоянства, так как выражают требование сохранения неизменности, с одной стороны, относительно некоторого преобразования, с другой. Ср.: "Сама идея вариативности предполагает изменчивость, модификацию чего-либо при сохранении сущностных свойств этого "чего-либо", остающегося "самим собой". Следовательно, вариативность - это не просто изменчивость, но такая изменчивость, или модификация, которая не ведет к появлению новой сущности" /Солнцев В.М., 1984, с.32/. Возможные изменения этой сущности в результате изменений некоторых взаимодействий нарушают ту самую определенность и устойчивость вариантов, которая зафиксирована в категории инварианта. В результате возможным становится переход отдельных вариантов к новой качественной определенности - новому инварианту: "Конкретные объекты-варианты, хотя и являются проявлением одной и той же сущности, имеют отдельное существование и относительно-самостоятельное взаимодействие с окружающей средой. Это создает предпосылки приобретения некоторыми объектами-вариантами таких свойств, которые "отрывают" их от того класса (вариативного ряда), в который они входят, и превращает их в новые сущности. А это уже "необратимое" изменение, а не варьирование "одной и той же сущности". Тем самым в самом явлении варьирования заложена возможность изменения и развития" /там же, с.33/.

Вариативность в языке проявляется очень широко: существуют акцентологические, фонетические варианты, варианты грамматических форм, морфологические и словообразовательные варианты, синтаксические варианты и др. Однако отношения вариативности имеют определенную специфику в пределах каждого уровня. Так, исследователи языка отмечают, что на фонемном уровне, образуемом односторонними единицами (аллофонами), инварианты и варианты выводятся на основе звуковых и функциональных свойств языковых единиц (односторонние единицы имеют только звучание и функцию), точнее, на основе неизменности их функциональных свойств и видоизменении их материальных физических свойств. На уровнях двусторонних единиц (морфемном, лексическом) звучание, напротив, признается нерелевантным для определения вариативности/инвариантности, так как функцию единицы связывают не с ее материальной стороной, а со значением. Для вывода инварианта существенными считаются функциональные свойства единицы и ее значение, определяющие эти свойства, варианты же отличаются друг от друга только звуковым варьированием /см.: Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с.81/. Изложенное понимание терминов "вариант" и

"инвариант" ориентируется лишь на смысловое и функциональное тождество. Мы полагаем, что для создания эффективной теории вариативности слова следует учитывать как его материальную, так и содержательную стороны. Иными словами, выделение вариантов слова предполагает как тождественность содержания, так и тождественность формы.

В данном разделе исследования, ориентированном на решение некоторых задач, связанных с развитием и функционированием МА-нормы, объектом наблюдений служат мотивационные варианты слова, изучение конкуренции которых позволит объективировать соображения относительно их нормативной ценности и спрогнозировать характер развития данной МА-нормы в будущем.

Итак, в чем проявляется варьирование слова на мотивационном уровне, каков характер реализации этого явления? Связь явления мотивации и явления варьирования слова, его ВФ, впервые рассматривалась О.И.Блиновой /см.: Блинова О.И., 1984, с.117-128/ в связи с использованием в толковании значений слов разных однокоренных лексем, например, объясняя смысл и мотивацию слова ЧЕРНИКА, диалектоносители использовали слова ЧЕРНЫЙ, ЧЕРНЕТЬ, ЧЕРНИТЬ, СЧЕРНА, ЧЕРНЕНЬКИЙ и т.п. О.И.Блинова указывает и на то, что варьирование ВФС может быть вызвано мотивацией различными ЛСВ одного слова, например, ГЛУХОЙ '1) лишенный слуха и 2) заросший, дикий' > ГЛУХАРЬ '1) ГЛУХАЯ птица и 2) птица, обитающая в ГЛУХИХ местах', или мотивацией разнокорневыми единицами, ср. МОХОВИКИ: 1) 'на них как МОХ растет' и 2) 'моховики МОХНАТЕНЬКИ, желты'. Подобное варьирование ВФС О.И.Блинова представляет как следствие его полимотивации, в результате которой видоизменяется его мотивационная форма или мотивационное значение, а иногда и то и другое одновременно: "Множественность лексической и/или структурной мотивации одного и того же слова оказывает воздействие на слагаемые ВФС - его мотивационную форму и мотивационное значение, вызывая варьирование ВФ при отсутствии варьирования самой лексической единицы. Полимотивация слова, осуществляемая в пределах речевого высказывания, приводит к разной сегментации мотивационной формы и разному наполнению мотивационного значения" /Блинова О.И., 1984, с.120/. Данные идеи автора выражают признание реальности материальной стороны слова при его варьировании. При таком подходе становится очевидным, что тождество мотивационных вариантов слова основывается на сохранении формально-семантического единства, представленного единством корневой морфемы. Действительно, ассоциации, полученные в ходе нашего эксперимента, свидетельствуют о значимости формы слова, оказывающей системообразующее действие на другие слова через установление с ними мотивационных отношений, что говорит о релевантности ФС-связей для языка. Поэтому стремление формы слова к соответствию с содержанием рассматривается нами как важный

фактор формирования МА-норм, природа которых является двусторонней, причем семантическая сторона (мотивационное содержание) определяется формальным планом слова как относительно самостоятельной сущностью.

Итак, фактором, определяющим тождество мотивационных вариантов слова, мы признаем формально-семантическое единство данных вариантов, относя к ним любые слова, осмысленные через призму эпидигматического измерения и воспринятые как родственные. То, что любые слова могут быть описаны с точки зрения взаимосответствия формы и содержания, предполагает рассмотрение явления вариативности мотивации слов в функциональном аспекте, определяющем потенциальную способность каждого слова к варьированию (функция = потенция), выявляющем закономерности проявления вариативности и основных тенденций ее развития, характеризующих потенциал функциональной мотивационности слова, его нормативность, ибо вариативность представляет собой активный, динамичный компонент нормы. Учитывая сказанное, мы полагаем, что специфика мотивационного варьирования может быть выявлена лишь на основе принципиального единства формально-семантического (онтологического, системного) и функционального аспектов описания вариативности МА-нормы. Целесообразность двустороннего подхода к явлению вариативности обусловлена уникальной природой языка, у которого "сущностное и функциональное слиты воедино, так как он <язык> представляет собой важнейшее средство общения и непосредственную действительность мысли" /Слюсарева Н.А., 1981, с.249/. При этом функциональный аспект не противопоставляется системному, формально-семантическому; напротив, описание системных отношений языковых единиц является необходимым звеном функционального анализа, так как функциональные свойства единицы определяются ее местом в системе языка, ее ФС-связями с другими словами. Из этого следует, что функциональное описание должно строиться на основе опоры на систему языка, объединяющую различные элементы, ибо именно система определяет потенциал, ориентированный на функционирование.

Функциональный анализ мотивационной вариативности базируется на понятии МА-поля. Термин МА-поле, как уже отмечалось, выдвигает на передний план идею системной организации упорядоченного множества лексических единиц, взаимодействующих на формально-семантической основе. МА-поле представляет собой двустороннее (формально-семантическое) единство, охватывающее различные, вполне конкретные, лексические единицы со всеми их индивидуальными особенностями формы и семантики. Однако в основе каждого МА-поля лежит определенный инвариант, представляющий собой то, что объединяет эти разнородные элементы и обуславливает их взаимодействие. Данный инвариант характеризует ту самую относительную устойчивость и определенность

множества мотивационно связанных слов, которая является основой для проявления вариативности мотивации этих слов. Вместе с тем некоторые ученые склонны считать, что применение термина "инвариант" находит свое оправдание только в фонологии и синтаксисе, а на уровне лексики "...понятие "инвариант" превращается в безжизненную и надуманную схему", так как "употребление терминов современной лингвистики "аллофон" и "алломорф" для обозначения разных репрезентативов одной и той же фонемы или морфемы опирается обычно на строгие закономерности позиционных условий, чего нет при реализации вариантов слова" /Горбачевич К.С., 1978, с.33/. Принятое в настоящей работе понимание термина "инвариант" связано с выделением общих свойств вариантного ряда; для нас инвариант есть результат объединения общих, объективных свойств разных конкретных единиц. Сам инвариант не существует в виде реальной единицы языка, это не представитель группы взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц, не слово-стимул; инвариант мы определяем как степень приближенности/удаленности ассоциатов к слову-стимулу. Таким образом, инвариант - это понятие, отображающее общие свойства отдельных единиц, в нашем случае - общие формально-семантические свойства мотивационно связанных слов. Конкретные лексические единицы, вступающие в мотивационные отношения друг с другом и составляющие МА-поле, являются мотивационными вариантами. При таком понимании употребление терминов "вариант" и "инвариант" на уровне мотивационных ассоциаций представляется целесообразным, а следовательно, правильным, так как вариантно-инвариантные отношения, сформированные в строгом единстве значения и формы, выявляются в самом системном строении МА-поля слова как более или менее упорядоченной иерархии мотивационно-ассоциативных ценностей.

Поскольку исследование вариативности проводится нами в функциональном аспекте, предполагается обращение к языковому сознанию носителя языка, к его ощущениям и оценкам нормативности языковых явлений. Однако очевидно, что интуиция носителя языка (информанта или самого лингвиста-исследователя) в очень малой степени является объективной. Следовательно, она не может служить надежным источником определения нормативности и вариативности языковых фактов. Мы полагаем, что максимальная объективизация данных языкового сознания возможна только при проведении лингвистического эксперимента с большим количеством испытуемых, эксперимента, актуализирующего различные образно-мотивационные потенции слова. Ср.: "Естественным путем преодоления индивидуального <...> является привлечение к эксперименту большого числа испытуемых. В таком случае индивидуальные особенности каждого из них как бы погашаются, как погашаются волны при наложении друг на друга, и возникает некоторая усредненная статистическая коллективная система языка" /Клименко А.П., 1969, с.15/. Таким

образом, значимость эксперимента для исследования мотивационных ассоциаций неоспорима: эксперимент позволяет обобщить частный случай исследования, определить индивидуальность или узуальность ассоциаций, постоянность или вариативность МА-нормы. Эксперимент позволяет сопрягать личное и всеобщее, субъективное и объективное. Другими словами, результаты эксперимента представляют собой относительно независимые от субъекта собственные характеристики объекта. Тем самым эксперимент помогает перейти от обработки непосредственных ощущений носителей языка к объективной реальности языка, создать систему эмпирических величин, характеризующих язык. Эксперимент дает возможность количественно оценить полученные результаты, то есть выразить качественное многообразие мотивационных связей на языке математических отношений. Статистическая обработка непосредственных ощущений, выявленных в ходе эксперимента, тесно связана с проблемой выделения мотивационных вариантов: каждый вариант обладает некоторой количественной характеристикой, причем данная числовая мера варианта не является абсолютно неизменной - ее величина может изменяться, эволюционировать, поэтому цифровые показатели словарной статьи не должны приниматься за окончательную, жестко зафиксированную оценку нормативности того или иного варианта. Тем не менее статистические отношения между языковыми единицами на момент исследования весьма значимы, так как сопоставление количественных характеристик вариантов определяет степень актуальности мотивационного варианта, что является важным при установлении синхронной МА-нормы. К тому же набор количественных мер мотивационных вариантов является специфичным для каждого слова-стимула и это, характеризуя восприятие его мотивированности, позволяет выделить данное слово из ряда других слов и определить степень его мотивированности.

Итак, основными методами исследования мотивационной вариативности являются метод функционального анализа вариативности (закономерностей ее проявления), метод лингвистического эксперимента, а также метод сопоставительного анализа вариативных пар в их ФС-связях. Применение данных методов анализа предполагает выявление внутрисистемных причин варьирования, определение его характера, установление продуктивных вариантов. Но для более полного изучения и квалификации вариантов недостаточно только проведения анализа вариантов в строго синхронной плоскости, так как "в любой синхронно рассматриваемой части языковой системы сосуществуют элементы прошлого, настоящего и будущего" /Горбачевич К.С., 1978, с.5/ и вариативность, являясь способом существования и функционирования мотивированности в синхронии, в то же время представляет собой историческое явление языка, результат сосуществования в определенном периоде времени старых и новых элементов, поэтому рассмотрение

актуальных фактов варьирования не исключает диахронного анализа вариантных пар, а точнее, требует синхронно-диахронной интерпретации нормативности мотивационных вариантов слова с учетом его ретроспективы и перспективы.

Прежде чем мы приступим к выявлению места вариантных и невариантных мотивационных ассоциаций и их соотношения, определим формы проявления вариативности. Теоретически такая дифференциация существенна для анализа сложного комплекса мотивационных связей и постижения механизма восприятия формальной стороны слова и ее способности воздействовать на план содержания и функционирования этого слова. По-видимому, можно выделить по крайней мере три направления в определении мотивационных вариантов в зависимости от того, какого рода приемы изучения использованы для анализа вариативности слова. Первое направление связано с маркировкой вариантов слова по отношению к МА-норме, данные варианты можно условно обозначить как нормативные/ненормативные или узуальные/окказиональные. Второе направление предполагает рассмотрение мотивационных вариантов с точки зрения принадлежности их к одному словообразовательному гнезду, наличия собственно словообразовательных рефлексов мотивации и актуализации отношений лексической мотивации (варьирование в пределах словообразовательного гнезда). Выделение третьего типа вариантов обусловлено возможностью синхронно-диахронной интерпретации морфемно-мотивационной структуры слова. По временной шкале, по отношению к генетической субстанции можно разделить все мотивационные варианты на гомогенные и гетерогенные. Нам представляется, что подобная дифференциация мотивационных ассоциаций, показывая их неоднородность, во многих случаях сложность разграничения мотивационных вариантов, их связи и взаимодействие, способствует более глубокому анализу системы языка, и в частности, эпидигматики лексики, формируемой материальной стороной слова. В силу указанной значимости данной квалификации вариантов остановимся далее более подробно на рассмотрении выделенных типов варьирования МА-нормы.

3.3.1. УЗУАЛЬНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ МОТИВАЦИОННЫЕ ВАРИАНТЫ СЛОВА

В рамках деятельностного подхода к слову как коммуникативной единице целесообразно рассматривать мотивационно-ассоциативное функционирование слова с точки зрения выражения им типовых ассоциаций, соотносящихся с важными для большинства носителей языка направлениями мотивационного ассоциирования, обеспечивающих коммуникативные возможности слова, а также ассоциаций уникального, нестандартного характера, отражающих неповторимость индивидуального восприятия слова, его МА-осмысления. Мы полагаем, что рассмотрение соотношения индивидуального и коллективного в мотивационном ассоциировании необходимо для получения адекватного представления о мотивационном функционировании слова и тенденциях его развития, ибо типовые, стандартные ассоциации, как правило, определяют закономерности социализации и нормативности восприятия, а индивидуальные изменения в ассоциативном осмыслении слова, в свою очередь, могут привести к установлению новых типов мотивационно-ассоциативных отношений. В связи со сказанным речь далее пойдет о проблеме соотношения объективно существующего слова в языке и субъективного, авторского начала в его понимании и использовании, соотношения языкового стереотипа, языкового стандарта и отклонения от него.

В сущности, каждое слово для любой языковой личности всегда единично, индивидуально и субъективно, так как "при всей социальной предопределенности отражение действительности каждым отдельным человеком носит личностный характер <...>. Поэтому в языковых единицах отражается личностное отношение человека к явлениям действительности" /Ейгер Г.В., 1990, с.26/. Однако в ассоциативной структуре слова может быть выделена ядерная, инвариантная зона общих, типичных ассоциаций, анализ которых указывает путь к пониманию объективной природы слова. Такой неустойчивый баланс между объективным и субъективным в слове предопределяет возможность мотивационного варьирования слова, проявляющегося в его способности к реализации некоего общего инварианта морфемно-мотивационной структуры слова, и индивидуальной, ситуативной и субъективной для каждой интерпретации мотивированности слова. Таким образом, мотивационная вариантность слова предстает как узел сложных и изменяющихся отношений между субъективным и объективным, между частным и общим, а условием варьирования является сохранение формально-семантического тождества слова.

Объективная и субъективная неоднозначность мотивационного ассоциирования предполагает обращение к экспериментальному исследованию узуральности/оказиональности мотивационно-ассоциативного восприятия слова. Еще раз отметим значимость эксперимента как источника изучения характера ассоциирования: именно с помощью экспериментальных данных "...можно определить, является ли

мотивационное значение индивидуальным (при единичности фиксаций) или узуальным (при регулярно получаемых показаниях), постоянным или вариативным..." /Блинова О.И., 1989, с.125/. Экспериментальная стратегия, избранная для сбора материала "Мотивационно-ассоциативного словаря", как мы уже говорили, основывается на интуитивном ощущении мотивационных связей, актуализации непровольного мотивационного ассоциирования, что подчас усложняет картину выхода ассоциаций, делает ее пестрой и трудно объяснимой. Тем не менее данная стратегия, связанная с исследованием творческого характера языка и творческой языковой способности его носителя, обеспечивает максимально полное раскрытие мотивационного потенциала слова. В ассоциативной статье стимула отражено живое мотивационное функционирование слова в форме осмысления его среднестатистическим носителем языка. В качестве иллюстрации наиболее многочисленных, типичных ответов приведем некоторые из них (первая цифра в скобках указывает на общее число испытуемых, актуализировавших ФС-связи анализируемых стимулов, вторая цифра фиксирует наиболее стандартные ассоциации, вызванные данными стимулами): ЗЕМЛЯНИКА [93] - ЗЕМЛЯ [89]; ЗАРУЧИТЬСЯ [83] - РУКА [67]; ЗАВТРАК [79] - ЗАВТРА [75]; ЗАКОРЮЧКА [79] - КРЮЧОК [56]; ЗАМАШКА [79] - МАХАТЬ [70]; ЗАПОВЕДНИК [79] - ВЕДАТЬ [44]; ЗЯБЛИК [79] - ЗЯБНУТЬ [65]; ЗАТЫЛОК [78] - ТЫЛ [55]; ЗАПАДНЯ [77] - ПАДАТЬ [55]; ЗАКОРЕНЕЛЫЙ [74] - КОРЕНЬ [51]; ЗАМОРОЧИТЬ [74] - МОРОКА [48]; ЗАГВОЗДКА [72] - ГВОЗДЬ [58]; ЗАМЕРЕТЬ [71] - МЕРТВЫЙ [45]; ЗОЛОТУХА [71] - ЗОЛОТО [43]; ЗУБРИТЬ [71] - ЗУБ [61]; ЗАМША [68] - МОХ [43]; ЗАБИЯКА [66] - БИТЬ [33], ЗАПИНАТЬСЯ [63] - ПИНАТЬ [51]; ЗЕЛЬЕ [61] - ЗЕЛЕНЫЙ [39]; ЗАПЫХАТЬСЯ [58] - ПЫХТЕТЬ [47]; ЗАПЯСТЬЕ [52] - ПЯТЬ [40]; ЗАМУХРЫШКА [48] - МУХА [40]; ЗАУСЕНЕЦ [47] - УС [32]; ЗАКРОМА [46] - КРОМКА [31]; ЗАЯДЛЫЙ [41] - ЯД [38]; ЗАБУЛДЫГА [36] - БУТЫЛКА [16]; ЗАГОГУЛИНА [32] - ЗАГНУТЬ [22]; ЗАКУТОК [32] - КУТАТЬ [18].

Вместе с тем в словаре нашли свое отражение и субъективные, окказиональные интерпретации слова, свойственные языковому сознанию конкретного индивидуума. Поэтому, наряду с типичными мотивационными ассоциациями, в словарных статьях немало и сугубо индивидуальных ассоциаций, фиксирующих нестандартные связи стимула и реакций. Единичные ассоциаты, то есть ответы, каждый из которых был дан на стимул только одним информантов, можно обнаружить практически в каждой статье ассоциативного словаря. Вот несколько примеров: ЗИМОРОДОК - РОДИНКА; ЗАВАЛИНКА - ВАЛЕНКИ; ЗАТРЕЩИНА - ТРЕЩОТКА; ЗАКОРЮЧКА - КОРЯГА; ЗАМЕРЕТЬ - ЗАМОРЫШ; ЗАУШАТЕЛЬСТВО - НАУШНИК; ЗАПИНАТЬСЯ - РАСПЯТИЕ; ЗАСКОРУЗЛЫЙ - КОРЯВЫЙ; ЗАКАВЫКА - ОКОВЫ; ЗАБРАЛО - БОРТ;

ЗАКРОМА - УКРОМНЫЙ; ЗАРАЗА - РЕЗАТЬ. Однако если помимо данных ассоциатов в эксперименте зафиксировано наличие однокоренных им слов, то, по-видимому, учитывая поддержку - формальную и семантическую - этих родственников, названные ассоциаты уже не могут претендовать на статус окказионального МА-осмысления слова. Вероятно, подлинно окказиональными, уникальными могут быть только такие мотивационные ассоциации, которые открывают в слове совершенно новые его "истоки" (подчас маловероятные), устанавливают нетипичные, неузуальные ассоциативные связи, способствующие нестандартному осмыслению содержательной стороны данных лексических единиц, передающие субъективное значение звучащей формы слов, их индивидуально-авторское восприятие (см., например, ЗАГОГУЛИНА - УГОЛ).

В целом все вышесказанное позволяет рассматривать ассоциативную статью как модель знаний носителей русского языка о мотивационных связях данного слова, представленных в виде МА-поля, а МА-поле - как некоторое пространство мотивационно-ассоциативных возможностей. Таким образом, эксперимент служит способом верификации модели языкового стандарта, с одной стороны, и отклонения от него, с другой.

Итак, мотивационное ассоциирование имеет два типа проявления: стандартное и уникальное. В современной лингвистике под стандартными ассоциациями понимаются типичные, частотные, закрепленные в узусе и языковом сознании коммуникантов ассоциации, характеризующиеся регулярностью и определенной степенью вероятности их совместной встречаемости. Уникальные же ассоциации рассматриваются как ассоциации, отражающие неповторимость авторского восприятия слова, они не закреплены в узусе и в сознании носителей языка, они не типичны и не регулярны. Критерием узуальности или уникальности языковых ассоциаций является фиксация их вербальных маркеров в различных словарях (толковых, словообразовательных и др.), отражающих коллективный языковой опыт /см. об этом в раб. Болотновой Н.С., 1994, с.32/.

В нашем случае к стандартным мотивационным ассоциациям мы отнесли те, которые явились типичными, общими для большинства информантов, давших положительные мотивационные реакции на заданные стимулы. Такие мотивационные ассоциации обычно отражают сильную ФС-связь между стимулом и ассоциатом и опираются на узус, то есть являются закрепленными в сознании средней языковой личности. Нестандартные мотивационные ассоциации - оригинальны, уникальны и индивидуализированы, они не имеют регулярной повторяемости, стереотипности, речевой традиции. Критерием дифференциации анализируемых вариантов ассоциаций служит, во-первых, показатель частотных "сгущений", то есть частота актуализаций мотивационных связей слов, зафиксированная в "Мотивационно-ассоциативном словаре" и, во-вторых, степень

"поддержки" варианта однокоренными словами (отсутствие последней подтверждает уникальность ассоциаций).

С помощью показателя частотных "сгущений" в ассоциативном поле измеряется расстояние между стимулами и ассоциатами. При этом те из них считаются более типичными, на которые приходится большее количество ответов. Данные ассоциаты в ассоциативном ряду находятся ближе к слову-стимулу, чем другие, единичные реакции, и это характеризует их как наиболее важные, наиболее привычные для носителей русского языка. Иными словами, "Мотивационно-ассоциативный словарь" как бы указывает пределы, границы нормативного ассоциирования, ибо "чем чаще употребляется лексическая единица, тем она нормативнее" /Мурзин Л.Н., 1989, с.7/, следовательно, чем регулярнее и однороднее ассоциации, тем ближе они к норме. Нормативность ассоциаций, таким образом, определяется повторяющимся характером ответов испытуемых, что, видимо, отражает объективность существующих в сознании носителей языка и в самом языке МА-связей между словами. Вероятно, имеет смысл говорить о том, что в данном случае языковое сознание как бы реагирует на действие объективных законов языка, проявляющееся в типичных выходах мотивационно-ассоциативного эксперимента. Отметим, что такие реакции, отражая восприятие и оценку мотивированности слова, свойственную массовому сознанию, соотносятся с инвариантной зоной, а уникальные, индивидуализированные ассоциации - с зоной варьирования МА-поля слова-стимула, хотя границы между инвариантностью и стандартностью, с одной стороны, и между вариативностью и окказиональностью, с другой, часто бывают в достаточной степени различны. Однако также необходимо отметить, что "сознание общества" складывается из большого числа "единичных сознаний" отдельных членов общества. Поэтому индивидуальное мотивационное осмысление слова коррелирует не только с периферийной, но и с ядерной зоной МА-поля и проявляется как в уникальных, так и в типовых мотивационных ассоциациях.

В аспекте значимости названные варианты ассоциаций являются важнейшими элементами языкотворческой деятельности: стереотипные ассоциации служат базой для осуществления коммуникативного процесса, для производства и воспроизводства речи, окказиональные же ассоциации, как проявление творческого характера языкового сознания, связаны с активизацией суггестивного использования языка. Анализируя реакции окказионального характера, следует отметить, что при их квалификации важно различать такие, которые соответствуют системе языка и динамике ее развития, но еще не стали языковой нормой, и такие, которые являются случайными, установившимися под влиянием каких-то несущественных обстоятельств. Возможность появления последних связана с тем, что всякие ассоциации могут быть ситуативными, так как, во-первых, каждый информант

передает свое видение объекта, зависящее от его субъективного опыта, от уровня его интеллекта, объема представлений, эмоциональных знаний, способности к словотворчеству и т.д. Во-вторых, активность мыслительной деятельности испытуемых, интенсивность их языкового мышления, наконец, настрой на ассоциативную деятельность может проявляться в разное время в различной степени. Поэтому ситуативная обусловленность в осознании рациональности связи звучания и значения чаще всего имеет окказиональный характер. Но экспериментальные данные свидетельствуют о том, что случайные, малоинформативные мотивационные ассоциации встречаются довольно редко, хотя в принципе и не исключены. В целом, рассмотрение окказиональных мотиваций включает в себе возможности наблюдения над зародышами эволюционных изменений и преобразований в морфемно-мотивационной структуре слова. Ср. замечание, сделанное по этому поводу Ю.Н.Карауловым: "Жизнь языка такова, что одним из движителей его развития (а под развитием здесь надо понимать движение от предшествующего состояния к последующему) является как раз "ошибка". Понятно, что не всякой ошибке выпадает такая честь, но пренебрегать ею в принципе, отмахнувшись от нее только как от помехи, не следует" /Русский ассоциативный словарь, 1994, т.1, с.209/. Сложно решить, насколько понятие "ошибка" применимо к мотивационно-ассоциативной деятельности, однако в любом случае следует учитывать, что грань между ошибкой, как отклонением от нормы в индивидуальном сознании, и не-ошибкой - нормой - иногда трудно определима. Если информант ассоциирует слово ЗАГОГУЛИНА со словом УГОЛ или ЗАЧУХАННЫЙ с ЧУЧЕЛО, то эти ассоциации являются не просто ошибками в установлении мотивационных связей слов, они могут быть нормой языкового сознания данной языковой личности, а в дальнейшем могут превратиться из факта речи отдельного индивида в факт языка, то есть подвергнуться народно-этимологическому осмыслению и стать синхронно-мотивационной нормой. Данная эволюция возможна вследствие того, что "...как мельчайшие, так и крупнейшие изменения, возникающие в языке, всегда зависят и от инициативы одного индивидуума и от того, какую поддержку находит эта инициатива у других индивидуумов, которые могут подражать вновь возникшему явлению или модифицировать его в соответствии со своими языковыми привычками и вкусами" /Р.Менендес Пидаль, цит. по раб.: Маковский М.М., 1980, с.125-126/. Конечно, окказиональная мотивация слова в процессе его функционирования может сделаться стереотипной, но на основе такого стереотипа в речевой деятельности может опять развиться новое МА-осмысление слова. Так происходит обновление старого, причем, еще раз отметим, окказиональное мотивационное ассоциирование играет значительную роль при установлении новых отношений. Все это обуславливает трудность точного определения границ МА-поля, которое, как и весь язык, находится в постоянном движении. Вероятно,

именно появление едва уловимых, ускользающих от фиксации индивидуальных ассоциаций является причиной незамкнутости МА-поля для языка. Вместе с тем нельзя переоценивать значение данных ассоциаций, которые, как мы уже говорили, могут быть случайными, не отражающими актуальных тенденций языкового развития.

В целом с точки зрения субъективности/объективности узуальные и окказиональные мотивационные варианты, по-видимому, отражают диалектическое единство того и другого.

3.3.2. ОДНОКОРЕННЫЕ МОТИВАЦИОННЫЕ ВАРИАНТЫ СЛОВА: ВАРЬИРОВАНИЕ В ПРЕДЕЛАХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА

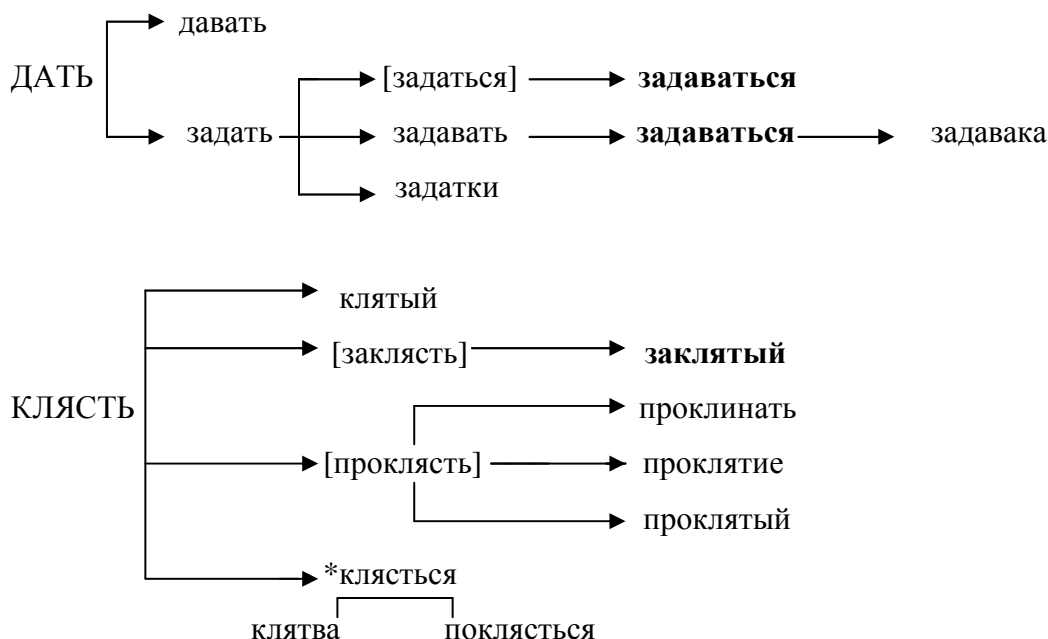
В данном параграфе речь пойдет о некоторых аспектах варьирования мотивированности слова, связанных с его поведением в словообразовательной системе языка в определенный период его развития. Выделение этих аспектов изучения мотивационно-ассоциативного варьирования представляется важным потому, что при рассмотрении всех или почти всех ассоциативных статей мотивационного словаря нами обнаружено множество фактов внутриязыковых связей, отражающих словообразовательное устройство языка. Прежде всего следует отметить, что многие МА-поля слов-стимулов, мотивированность которых подверглась экспериментальной оценке, содержат собственно словообразовательные рефлексы носителей языка, представляющие синхронное функционирование словообразовательных моделей. Вот несколько образцов мотивационных ассоциаций, когда в основу связи между стимулом и реакцией положены законы словообразования (первая цифра в скобках указывает на общее число испытуемых, давших формально-семантические ответы на заданный стимул, вторая - количество ответов в данной статье, фиксирующих словообразовательную связь между стимулом и реакцией): ЗЕМЛЯНИКА < ЗЕМЛЯНая (ягода) + ИКа [93-2]; ЗАКУСКА < ЗАКУСить + Ка [84-41]; ЗАСТУПИТЬСЯ < ЗАСТУПИТЬ + СЯ [82-9]; ЗАПОВЕДНИК < ЗАПОВЕДНый + ИК [79-1]; ЗАПАДНЯ < ЗАПАДать + Ня [77-10]; ЗАКОРЕНЕЛЫЙ < ЗАКОРЕНЕть + Лый [74-8]; ЗАМОРОЧИТЬ < ЗА + МОРОЧИТЬ [74-15]; ЗАГВОЗДКА < ЗАГВОЗДить + Ка [72-7]; ЗОЛОТУХА < ЗОЛОТой + УХа [71-22]; ЗНАХАРЬ < ЗНАть + х + АРЬ [64-48]; ЗАМИНКА < ЗАМИНать + Ка [62-36]; ЗАСТОПОРИТЬ < ЗА + СТОПОРИТЬ [61-1]; ЗАПЫХАТЬСЯ < ЗА + ПЫХАТЬ + СЯ [58-7]; ЗАПЯСТЬЕ < ЗА + ПЯСТ + j(э) [52-4]; ЗАПЛАТА < ЗАПЛАТать [46-1]; ЗАДОР < ЗАДРать [40-16]; ЗАШИБАТЬ < ЗА + ШИБАТЬ [36-3]; ЗАГОГУЛИНА < ЗАГОГУЛЯ + ИНа [32-1]; ЗАЗОРНЫЙ < ЗАЗОР + Ный [31-12];

ЗАМЫЗГАТЬ < ЗА + МЫЗГАТЬ [30-26]; ЗАРАЗА < ЗАРАЗить; ЗАНОЗА < ЗАНОЗить [25-2]; ЗАРИТЬСЯ < ЗАРИТЬ + СЯ [11-1].

Как показывают примеры, актуализация ФС-связи однокоренных слов - типичный случай функционирования словообразовательных отношений как живых, функционально значимых, и, в чем легко убедиться, словообразовательные мотиваторы в качестве реакции вызывают стимулы различной степени мотивированности.

Однако ассоциативные поля этих слов не исчерпываются отношениями непосредственной словообразовательной мотивации; эксперимент зафиксировал также множество опосредованных мотивационных связей, более сложных по своей организации, предполагающей несколько ассоциативных ступеней по отношению к слову-стимулу. По сути ассоциативная статья может быть рассмотрена как полное или неполное словообразовательное гнездо. Вот примеры таких словообразовательных гнезд, полученных в результате проведения эксперимента (жирным шрифтом выделены стимулы данных ассоциаций, входящие в словообразовательные гнезда как их составляющие; в скобках указаны неактуализированные в эксперименте словообразовательные звенья):

(*В "Словообразовательном словаре русского языка" А.Н.Тихонова /см.: Тихонов А.Н., 1985, т.1, с.444/ слова КЛЯСТЬСЯ, КЛЯТВА, ПОКЛЯСТЬСЯ составляют отдельное словообразовательное гнездо; мы полагаем возможным их объединение вследствие того, что, как показал эксперимент, информанты еще усматривают тождество корня в данных словах и в слове КЛЯСТЬ.)

Как видно, слово-стимул, являясь одним из звеньев словообразовательного дерева, может мотивационно соотноситься со всеми словами предшествующих словообразовательных ступеней, с одной стороны, и со всеми словами иных словообразовательных цепочек этого дерева, с другой. Такая способность слова устанавливать мотивационные отношения с разными однокоренными словами объясняется различной направленностью смысловых связей этого слова, возможностью объяснения его значения через значения других однокоренных слов, потому что "...в описание семантики (толкование) мотивированного слова в принципе может быть включено любое из однокоренных слов, лексическое значение которых полностью <или частично, как мы предполагаем> входит в значение мотивированного слова" /Улуханов И.С., 1972, с.77/. Таким образом, если рассматривать мотивационные ассоциации со словообразовательных позиций, то целесообразно представлять различную мотивационную соотнесенность стимула с разными однокоренными словами как мотивационное варьирование слова в пределах словообразовательного гнезда, иначе - варьирование в пределах словообразовательной и лексической мотивированности.

Исследователи языка отмечают, что явления словообразовательной и лексической мотивированности имеют много общего, поэтому часто с трудом поддаются разграничению. В нашей работе под собственно словообразовательными отношениями мы будем понимать формально-семантические отношения стимула и реакции, отражающие непосредственный процесс образования стимула, то есть способ и средство его создания. Отношения же лексической мотивации, то есть мотивационные отношения стимула и реакции, в качестве которой может выступать любое однокоренное стимулу слово, выявляют смысловую зависимость этих слов на основе их формальной общности. Иными словами, лексическая мотивированность может отражать любые связи словообразовательного гнезда, если они способствуют прояснению ВФС, делают значимой его формально-семантическую структуру. Ср.: "Лексическая мотивация отражает процесс выявления мотивировочного признака через установление связей данного слова с другим однокоренным словом, завершающийся нахождением подобного (объяснительного) смысла. Семантическая связь слов, позволяющая объяснить одно слово через другое, устанавливается через формальную их общность, через одинаковую звуковую оболочку корневой морфемы или более сложной части основы. Большая или меньшая точность, непосредственность или опосредованность деривационных отношений между словами оказывается несущественной..." /Янценецкая М.Н., 1979, с.215/. Поэтому на уровне речи словообразовательная мотивация, как правило, заменяется лексической, так как актуализируются те связи, которые необходимы для коммуникации, а они часто не совпадают с реальными словообразовательными отношениями. Отметим в

связи с этим интересную мысль Д.Н.Шмелева о восприятии носителями языка позиции слова в современной лексической системе: "...при характеристике современного состава и структуры лексики проблема словообразования как процесса, естественно, вытесняется проблемой мотивированности различных лексических единиц. Для нас становится важным не то, как было образовано слово, а то, на какие связи указывает его словообразовательная форма и в какой мере она влияет на его применение в речи" /Шмелев Д.Н., 1973, с.26/. То есть говорящие не всегда употребляют в речи мотивированные слова в соответствии с онтологическими, системными представлениями их мотивированности: для носителей языка характерна установка на актуализацию отношений лексической мотивации как на естественный и легко доступный способ выявления компонентов формы и значения слова. Думается, этим объясняется преобладание в МА-полях ассоциатов, отражающих отношения лексической мотивированности.

Итак, мотивационно-ассоциативные отношения слов - это прежде всего отношения семантической мотивации, при которой степень семантической мотивированности лексической единицы наиболее значима для установления ею формально-семантических отношений с другими словами. Семантический план слова выступает детерминантом поиска его мотивации, именно он выбирает ту или иную форму выражения этих отношений. И если словообразовательный мотиватор актуализирует значение мотивата в более конкретном виде, нежели другие мотивационно связанные со стимулом слова, то, как правило, на его долю приходится большее количество формально-семантических ответов. Ср.: ЗАКУСИТЬ > ЗАКУСКА [41 из 84], ДОХНУТЬ > ЗАДОХНУТЬСЯ [32 из 76], ЗУБ > ЗУБРИТЬ [61 из 71], МЫЗГАТЬ > ЗАМЫЗГАТЬ [26 из 30]. Но в большинстве случаев информанты актуализировали мотивационные связи слов, ориентируясь только на тождество их корневой части и способность семантического пересечения, часто игнорируя при этом их словообразовательную соотнесенность, ибо "на содержательном (не словообразовательном!) уровне производное слово мотивировано не каким-то одним словом источником, а целым своим морфемным составом" /Кияк Т.Р., 1988, с.78/. Иными словами, в процессе коммуникации любое мотивированное слово может быть поставлено в разные мотивационные связи, которые опираются на морфемную структуру и отражают различную мотивационно-ассоциативную соотнесенность этого слова. Следовательно, аспект лексической мотивации шире аспекта мотивации словообразовательной в силу того, что он учитывает многосторонние связи слова-стимула, которые оказывают неодинаковое воздействие на его семантику, чье определение происходит за счет сопоставления с различными словами, объективно связанными формально-семантическими отношениями. По мнению Н.Д.Голева, соотношение словообразовательной и лексической мотивации можно

определить как соотношение общего и частного: "...лексическая мотивация охватывает широкий и разнообразный круг детерминационных явлений в сфере эпидигматики; словообразовательная мотивация, ограниченная требованиями морфемно-мотивационного уровня, имеет более узкий объем. Она включает в себя пары только с полной формальной общностью мотиватора и мотивирующей базы (не ВНОСИТЬ - ВЗНОС), только с генетической однокорневостью (не СОР - МУСОР), только с наличием одного определенного мотиватора (не ПЕРЕБАВИТЬ, ПЕРЕНИЗАТЬ), предполагается также наличие специализированных мотивантов (не ТРИ - ТРИО), осложненность мотивата (не ПРЕДЛОГ - ПОСЛЕЛОГ) и др." /Голев Н.Д., 1989, с.209/. Лексическая мотивация, рассматриваемая нами с функциональных позиций, не характеризуется подобными устойчивыми признаками: отношения лексической мотивации устанавливаются независимо от того, существует или нет в языке подобный тип ФС-связей, "без учета аффиксального их оформления, на основе лишь способности данных единиц вступать в отношения семантического включения, поддерживаемые общностью корня" /Янценецкая М.Н., 1984, с.11/. Лексическая мотивация, устанавливая ассоциативную связь между стимулом и реакциями, способствует осмыслению содержательной стороны слова.

Таким образом, лексические и словообразовательные мотивационные отношения не тождественны между собой: лексические мотивационные связи обнаруживают некоторую независимость от словообразовательных отношений. Вместе с тем словообразовательные отношения ни в коей мере не обособлены от МА-поля. Они входят в него как по синхронной, так и по диахронной линии. Кроме того, надо отметить, что во многих случаях не существует жесткой оппозиции между лексической и словообразовательной мотивированностью, напротив, возможным становится их функциональное единство. Так, с одной стороны, словообразовательная мотивация может функционировать как мотивация лексическая, то есть может быть интерпретирована как с точки зрения использования словообразовательной модели языка, так и с точки зрения смысловой зависимости формально связанных слов. С другой стороны, мотивационные связи на уровне речи могут осознаваться как словообразовательные, тем самым формируются речевые словообразовательные структуры, выступающие как мотивационные стереотипы, которые в определенной мере могут предсказать будущие словообразовательные процессы - факты языка. В этом плане уместно привести высказывание М.Н.Янценецкой о влиянии лексической системы на словообразовательную через устанавливаемые в лексике мотивационные отношения однокоренных слов: "Лексические мотивационные отношения, идущие вразрез со словообразовательными связями слов, закрепляясь в языковом сознании, приобретают потенциальную способность служить схемой построения вновь образуемых

слов. В результате этого в языке создаются условия для появления новых словообразовательных типов..." /Янценецкая М.Н., 1979, с.230/.

В целом ассоциативная статья "Мотивационно-ассоциативного словаря", отражая словообразовательные потенции лексической единицы, представляет функционирование ее морфемно-мотивационной стороны. В силу сложной функциональной организации мотивационных отношений могут быть выделены различные реальные направления мотивационных процессов, разнообразные типы мотивационных связей. Нам представляется возможным выделить в рамках словообразовательного гнезда два основных типа мотивационных отношений:

1) отношения непосредственной мотивации (ЗРУЧИТЬСЯ < РУЧАТЬСЯ, ЗАМЫСЕЛ < ЗАМЫСЛИТЬ, ЗАЖИЛИТЬ < ЖИЛИТЬ, ЗАТЕСАТЬСЯ < ЗАТЕСАТЬ и др.);

2) отношения опосредованной мотивации. В данный тип отношений мы включаем все виды связей, существующих между лексическими единицами внутри словообразовательного гнезда, то есть отношения чересступенчатой мотивации, подразумевающей пропуск опосредующего звена в словообразовательной цепочке, например, ЗАВАЛИНКА < [ЗАВАЛИНА] < ЗАВАЛ, ЗАКЛЯТЫЙ < [ЗАКЛЯСТЬ] < КЛЯСТЬ, или нескольких звеньев: ЗАЗНОБА < [ЗАЗНОБИТЬСЯ] < [ЗАЗНОБИТЬ] < ЗНОБИТЬ. Опосредованная мотивация может также отражать формально-семантические отношения лексических единиц, находящихся в разных цепочках одного словообразовательного гнезда: ЗАКЛЯТЫЙ < КЛЯТВА, ЗАВАЛИНКА < ВАЛЕЖНИК, ЗАТРЕЩИНА < ТРЕЩОТКА, ЗАТЫЛОК < ТЫЛЬНЫЙ, ЗАДОХНУТЬСЯ < ДОХЛЯТИНА, ЗАВИДОВАТЬ < ВИДНЫЙ, ЗАВАРУХА < ВАРЕВО, ЗАЦЕПИТЬ < ЦЕПОЧКА, ЗАТЕСАТЬСЯ < ТЕСАК, ЗНАХАРЬ < ЗНАНИЕ, ЗАЗНОБА < ОЗНОБ, ЗАШИБАТЬ < УШИБ, ЗАПРЯГАТЬ < ПРЯЖКА и др.

Далее, если взглянуть на весь массив "Мотивационно-ассоциативного словаря", то можно выявить ряд фактов окказионального использования аналогии по словообразовательному образцу при осмыслении мотивированности слова как следствие функциональности механизмов словообразования в современном русском языке, их значимости для носителей языка. Несомненно, что манипулирование словообразовательными моделями не предполагает знания словообразовательных правил языка в строгом смысле, скорее при анализе морфемно-мотивационной структуры слова информанты опирались на с в о и (индивидуальные, возможно, интуитивные) представления словообразовательных схем, различной степени "правильности" с системно-словообразовательной точки зрения. Вот образцы таких окказиональных словообразовательных реакций: ЗАСАНДАЛИТЬ < САНДАЛИТЬ, ЗАЦЕПИТЬ < ЦЕПИТЬ, ЗАПЯСТЬЕ < ПЯСТЬЕ, ЗАКРОМА < КРОМА, ЗАДОР < ДОР, ЗАДРИПАННЫЙ <

ДРИПАТЬ, ЗАПОНКА < ПОНКА, ЗАМУХРЫШКА < МУХРЫШКА, ЗАМУХРЫШКА < [ЗАМУХРЫЖИТЬ] < МУХРЫЖИТЬ, ЗАХОЛУСТЬЕ < ХОЛУСТЬЕ, ЗАХОЛУСТЬЕ < ХОЛУСТЬ, ЗАБУЛДЫГА < БУЛДЫГА < БУЛДА, БУЛДЫГА > БУЛДЫГАТЬСЯ, БУЛДЫГА > БУЛДЫЖНИК и др.

Применительно к рассмотренным словам представляется оправданным говорить о нетождественности их моделей, зафиксированных в ходе эксперимента, собственно словообразовательным в силу уникального, окказионального характера выявленных таким образом мотивирующих слов. С другой стороны, нельзя не отметить, что возможность появления таких мотивационных ассоциаций определяется системой языка; иными словами, данные формально-семантические реакции не являются результатом выхода за пределы возможностей, предоставляемых системой, напротив, они фиксируют то, чего реально в языке нет, но что в нем может быть. Испытуемые в данном случае пользуются существующими в языке моделями, то есть употребляют схемы, допускаемые системой языка, но нереализованные в некоторых конкретных ситуациях. Поэтому представляется, что подобные случаи окказиональной словообразовательной мотивации следует рассматривать как образования, не противоречащие основным законам языка, как актуализацию его потенциальных возможностей.

Итак, рассмотренные виды словообразовательной и лексической мотивированности позволяют охарактеризовать словообразовательную мотивированность как мотивированность жестко закреплённую, строго регламентированную типовыми словообразовательными правилами современного языка, а лексическую - как мотивированность подвижную, следовательно, вариативную. В связи с особенностями установления последней возникает вопрос: каковы границы, пределы варьирования лексической мотивированности? Безусловно, нельзя не согласиться с утверждением М.Н.Янценецкой о том, что "...словообразовательные связи слов, наблюдаемые в границах словообразовательного гнезда, определяют те пределы, в которых происходит варьирование мотивационных связей однокоренных слов" /Янценецкая М.Н., 1979, с.231/. Применительно к нашей теме можно уточнить, что особо значимыми являются такие факторы, как позиция анализируемого слова в словообразовательной цепочке и количественный состав словообразовательного гнезда, членом которого является это слово. Большое влияние данных факторов на состояние вариативности лексической мотивированности слова определяется, во-первых, особенностями проводимого нами эксперимента, который, как уже было отмечено, актуализировал главным образом ретроспективное направление мотивации, связанное с возникновением ассоциаций "объяснительного типа", когда слово-стимул подвергается объяснению, анализу, что вызывает определенный интерес к процессам

"образованности" слова, к осмыслению некоторых формальных и семантических признаков слова как вторичных. Поэтому место, которое занимает анализируемое слово в словообразовательной цепи (и шире - словообразовательном гнезде), имеет большое значение при определении границ мотивационного варьирования: слово первой словообразовательной ступени может соотноситься в ретроспективной мотивации только с непосредственной мотивирующей единицей (ЗЯБЛИК < ЗЯБНУТЬ, ЗОЛОТУХА < ЗОЛОТОЙ, ЗАЛИМОНИТЬ < ЛИМОН); слова же второй, третьей, четвертой и т.д. словообразовательных ступеней могут устанавливать мотивационную соотносительность со всеми словами предыдущих словообразовательных шагов (ЗАПАДНЯ < ЗАПАДАТЬ < ПАДАТЬ, ЗАРВАТЬСЯ < РВАТЬСЯ < РВАТЬ, ЗАМОРОЧИТЬ < МОРОЧИТЬ < МОРОКА, ЗАМЫСЕЛ < ЗАМЫСЛИТЬ < МЫСЛИТЬ < МЫСЛЬ, ЗАМИНКА < ЗАМИНАТЬ < ЗАМЯТЬ < МЯТЬ), что повышает возможность мотивационной вариативности слова.

Во-вторых, определенное значение имеет состав словообразовательного гнезда, то есть количество однокоренных стимулов слов, с которыми могут быть установлены мотивационные связи. Например, в статье ЗАКАДЫЧНЫЙ мы имеем только две мотивационные ассоциации (КАДЫК и ЗА КАДЫК), что обусловлено отсутствием других слов, родственных стимулу ЗАКАДЫЧНЫЙ. Напротив, для некоторых лексических единиц характерен очень широкий разброс ассоциатов, отражающий множество объективно существующих формально-семантических отношений внутри словообразовательного гнезда. Например, в статье ЗАКУСКА зафиксировано 8 вариантов лексической мотивации, в статье ЗОЛОТУХА - 7, ЗАВАЛИНКА - 11. Данные цифры во многом зависят именно от места этих стимулов в словообразовательном гнезде, от количества других слов, входящих в указанные словообразовательные гнезда, с которыми могут быть установлены мотивационные отношения.

В заключение подчеркнем, что сама по себе мотивационная вариативность в границах одного словообразовательного гнезда является вариативностью в пределах актуализации одной морфемно-мотивационной структуры слова, одной ВФ. "Словообразовательные" ассоциации, таким образом, выступают как варианты одной и той же ассоциации. С другой стороны, в результате проведения эксперимента были отмечены случаи, когда у слова-стимула обнаруживалось сразу несколько мотиваторов, обладающих свойством взаимоисключения, входящих в состав различных словообразовательных гнезд. Особенности такого мотивационного варьирования будут рассмотрены нами в следующем параграфе.

3.3.3. ГОМОГЕННЫЕ И ГЕТЕРОГЕННЫЕ МОТИВАЦИОННЫЕ ВАРИАНТЫ СЛОВА

О разнокачественности генетической субстанции мотивационных ассоциаций уже упоминалось в настоящей работе, когда речь шла о возможности их синхронно-диахронного изучения. В данном разделе исследования мы рассмотрим факты варьирования МА-нормы в синхронии как следствие мотивации слова гомогенными и гетерогенными лексическими единицами. Эти факты отражают восприятие носителями современного русского языка генетического плана слова, его синхронную "эксплуатацию", различные формы соотношения генетического и структурно-функционального компонентов в мотивационном содержании слова.

Итак, с точки зрения генетики мотивационных отношений в ассоциативной статье мотивационного словаря может быть обнаружена как истинная (научная) этимология, открывающая действительное происхождение слова, так и этимология ложная (народная), пытающаяся объяснить происхождение слова, исходя из современного состояния языка, опираясь на принцип семантического притяжения созвучных слов. По мнению исследователей, народная этимология, в отличие от научной, не реконструирует утраченные этимологические связи, а лишь, основываясь на случайном сходстве в звучании слов, переделывает морфемно-мотивационную структуру "неясного" слова таким образом, что становится возможным его формально-семантическое сближение с другим, более "понятным", словом, как будто разъясняющим его /см. работы Т.А.Гридиной, Л.А.Введенской и Н.П.Колесникова, Ю.В.Откупщикова и др./. В последнем случае "мотивационные отношения выступают не как средство проникновения в историю слова, а как конечный результат процесса синхронной мотивации - компонента семантизации мотива при его восприятии" /Голев Н.Д., 1989, с.109/. Здесь уже представлено не генетическое "объяснение" слова, а функциональное, обусловленное системными языковыми отношениями; поэтому некоторые исследователи, основываясь на данном положении, считают, что "мотивированность - понятие синхронное и ее не следует путать с этимологией" /Кияк Т.Р., 1988, с.68/ и что "между этими понятиями не существует непосредственной связи", так как этимология "...рассматривается преимущественно гипотазированно, безотносительно к синхронному состоянию лексического значения", в то время как мотивированность, или ВФ, "имманентно присущая каждому слову, не всегда имеет для носителей языка скрытый характер, несмотря на возможное субъективирование ее оттенков. Чем больше развивается ВФ лексической единицы, тем более отдаленными становятся ее первоначальные форма и значение, обнаруживаемые этимологией" /Кияк Т.Р., 1987, с.59-60/.

Вместе с тем в современной лингвистике существует и другая точка зрения, сущность которой состоит в признании относительности противопоставления научной и народной этимологии как истинной и ложной. Ср.: "Различие между ними <научной и народной этимологией> заключается не в том, насколько они соответствуют действительной истории и этимологии слов (многие слова в этимологическом словаре любого языка могут иметь, как известно, несколько этимологических версий, доказательность которых изменяется со временем), а в том, что научная этимология ищет этимологические интерпретации лексики того или иного языка из чистого интереса к языковой истории и теории и стремится к максимальной исторической (хронологической) глубине, тогда как народная этимология ограничивается прояснением ВФ "темных" слов и удовлетворяется ближайшими семантическими сопоставлениями..." /Толстой Н.И., 1995, сноска на с.324/. Вероятно, можно предположить, что для носителя современного языка поиск этимона слова есть поиск его мотиватора. Однако, как мы полагаем, сказанное не означает, что синхронная мотивация невозможна на базе этимологической мотивированности и что последняя не может быть выявлена вне специального лингвистического исследования и тем более не может быть осознана носителями языка в процессе коммуникации. Напротив, многие ассоциативные статьи "Мотивационно-ассоциативного словаря" усредненной языковой личности содержат этимологически достоверные сведения, моменты генетического "объяснения" слов-стимулов, и обуславливается это, как мы считаем, прежде всего сохранением этимологических отношений слова на уровне его формы, так как именно форма слова, являясь категорией отражательной, может привести нас к истокам данного слова, показать вероятные пути его происхождения. Видимо, имеет смысл говорить о том, что в данном случае особое значение приобретает м о р ф е м н а я форма слова, которая "...дольше, чем его смысловая структура и даже, может быть, чем его фонетический облик, хранит в себе следы истории языка. Эти следы нельзя обнаружить лишь в тех случаях, когда изменился фонетический облик слова, утратился какой-либо звук или, наоборот, появился новый элемент" /Кузнецова А.И., 1977, с.57/. Последнее приводит к нарушению связи исследуемого слова с его этимоном, к стиранию этимологической структуры слова, к этимологическому опрощению корневой морфемы, фиксирующей формальную или формально-семантическую общность генетически связанных слов и в силу этого являющейся основой этимологических отношений.

Таким образом, проявление генетического в синхронии основывается на ощущении исконного родства слов, маркируемого общностью корневой морфемы. Такое ощущение этимологического родства обусловлено особенностью языкового сознания носителей языка, в котором всякое внешнее сходство на уровне формы слов свидетельствует об определенном

тождестве смысла этих слов и более того, сигнализирует о внутренней связи их денотатов, ибо "естественно обозначать родственные понятия с помощью родственных звуков" /Гумбольдт В. фон, 1984, с.90/. Данное свойство языкового сознания Н.Д.Голев определяет как "этимологическое доверие" языковой личности к формальному плану слова, к тому, что в нем прямо, материально, формально выражено: "Это свойство связано с отождествлением значения внутренней формы (а иногда и внешней) со значением, выражаемым формой, с отождествлением мотивировочного признака имени с одним из признаков актуального лексического значения, с представлением об истинности (правильности) первого" /Голев Д.Н., Суггестивное функционирование.../. По мнению исследователя, "этимологическое доверие" проистекает из выдвижения на первый план отражательной стороны ВФС и недооценки условно-технического характера билатерального единства слова и имеет объективные основания: "такое отношение отчасти формирует реакция на естественные формы мотивировки названий, среди которых случайные (неинформативные) ВФ встречаются довольно редко, хотя в принципе не исключены, поэтому правильность имени ассоциируется с его информативностью"; однако "при всех объективных основаниях "доверительного" отношения к ВФС оно является крайностью, если за норму признать диалектическое единство и равновесие полюсов: условно-технической и отражательной сторонах ВФС" /там же/.

Все же, несмотря на возможность синхронизации генетического, несомненным остается и то, что функционирование генетического в синхронии не может быть простым, одномерным: вследствие того, что синхронное функционирование слова влияет на генетический план слова, реальная историческая мотивировка приспособляется к нему, родственные отношения "перестраиваются". Синхрония наполняет элементы структуры слова, в которых застыло генетическое, новым содержанием, новым потенциалом функционирования. Данное положение обусловлено самим статусом генетического, не имеющего возможности бесконечно в константном виде сохраняться в слове, ибо генетическая связь - это изменение, при котором "изменяющийся предмет не исчезает абсолютно, а всегда в преобразованном виде включается в результат изменения" /Плотников В.И., 1974, с.63-64/. Ср. также: "Истоки структуры слова и ее компонентов заключены, конечно, в генезисе слова, но далее, осуществив генетическую функцию, они не утрачивают своей функциональности, но, во-первых, сохраняют ее в преобразованном виде, поскольку "готовность" слова еще не исключает его производимости в той или иной степени или в той или иной позиции, а, во-вторых, они естественно берут на себя целый ряд новых языковых и речевых функций, проистекающих из синхронно-функционального статуса деривата" /Голев Н.Д., 1990, с.58/.

Тем не менее сама направленность языкового сознания на генетический план не снимается, хотя, возможно, ослабляется. Безусловно, функционирование слова в речевом повседневном общении предполагает в большинстве случаев автоматическое его использование без учета мотивированности, тем более - без учета этимологических связей этого слова. Моменты генетического объяснения слова обычно в процессе его функционирования отступают на второй план и управляют семантизацией созвучных слов как бы из глубины; генетическое объяснение поглощается функциональным, так как в речевой деятельности доминирует не генетическое восприятие слова, а его функциональное использование (говорящий редко пытается проникнуть в историю слова, потому что преследует не реконструктивные, а семантические, коммуникативные цели). Поэтому несомненна роль усилий метаречевого характера в актуализации генетического плана слова, роль направленного лингвистического эксперимента, призванного зафиксировать этимологические рефлексии носителей языка, отраженные в различных мотивационных версиях слова. Мотивационный эксперимент как бы снимает условность восприятия слова, привлекает внимание носителя языка к составным элементам слова, к его этимологической структуре, возбуждает рефлексии по поводу тождества слова, ибо "если языковое сознание среднего носителя пробуждается и возникает рефлексия по поводу родного языка, то главный вопрос, который его волнует, - это вопрос сохранения тождества словом. Отсюда интерес к происхождению слов, к вопросам близкой диахронии (то есть выяснению круга деривативно родственных слов) и далекой диахронии, то есть к этимологии" /Караулов Ю.Н., 1993, с.258-259/.

Однако нередко детерминация прошлым и настоящим, генетическим и функциональным отождествляется: произвольные ассоциации, факты народной этимологии воспринимаются как истинные логические умозаключения. Это, как мы уже отмечали, обусловлено тем, что слово, с одной стороны, несет в себе следы своего генезиса, а с другой стороны, оно синхронно зависит от других лексических единиц. Поэтому во многих случаях синхронно-функциональный статус слова преобразует его генетическую структуру, изменяет его генетические связи. Иными словами, синхронно-ассоциативные связи созвучных, но не обусловленных общностью происхождения слов могут изменять представление об их семантической (мотивационной) зависимости. В этом случае чаще всего "говорящие совершенно не сознают, что слова отклоняются от их "истинных" значений. Напротив, "отклоняющееся значение" представляется истинным, единственно возможным. Говорящие обычно и не подозревают, что у слова может быть другое значение" /Будагов Р.А., 1988, с.80/. Так, стремясь определить мотивацию слова, "говорящие обычно приходят к выводам, которые вступают в противоречие с этимологией" /Кондрашов Н.А.,

1977, с.4/. В качестве иллюстрации такого переосмысления слова, которое основывается на его формально-семантической зависимости от другого, неродственного, слова, можно привести установление мотивационно-ассоциативных отношений между словом-стимулом ЗАКУТОК и ассоциатами КУТАТЬ, КУТАТЬСЯ, ЗАКУТЫВАТЬ: 28% ФСА показали, что этимологически родственные слова КУТ - КУТОК - ЗАКУТОК, первоначально отчетливо выступающие в сознании говорящих как родственные, в настоящее время утрачивают способность осмысливаться в составе одного этимолого-семантического поля словообразовательного гнезда. Теперь слово ЗАКУТОК, ставшее в этимологическом отношении более изолированным в системе языка, сближается с другими словами, с которыми ранее оно не было связано - КУТАТЬ, ЗАКУТЫВАТЬ, КУТАТЬСЯ. Народноэтимологическое переосмысление опирается как на формальное, так и на семантическое наполнение этой связи: КУТАТЬ - 'тепло одевать', ЗАКУТОК - 'теплый уголок', "ЗАКУТОК - как бы закутанный уголок, то есть очень теплый, уютный". Только 4% информантов осмысливают слово ЗАКУТОК вместе со словами КУТ, КУТОК в составе одного этимологического гнезда. По-видимому, причиной разрыва генетической связи послужило превращение диалектного слова как названия определенного предмета (ЗАКУТОК - 'хлев для мелкого скота, а также чулан, кладовая в избе') в слово общенародного литературного языка (ЗАКУТОК - 'потайное место, уголок').

Другой пример - переосмысление морфемно-мотивационной структуры слова ЗАГОГУЛИНА. Генетическая сторона этого слова непонятна большинству информантов, так как исходное корневое слово (*ГОГУЛЯ 'закорюка') на сегодняшний день утрачено. Испытуемые, пытаясь осмыслить мотивацию данной лексемы, актуализируют ее формальные связи. Весьма устойчивой является сцепка ЗАГОГУЛИНА - ЗАГНУТЬ (а также ГНУТЬСЯ, ЗАГИБ, ЗАГНУТЫЙ, ИЗГИБ, ИЗГИБАТЬ, ИЗОГНУТЫЙ, СОГНУТЫЙ) - 30% ассоциаций приходится на эти однокоренные слова. Устанавливаются и семантические связи данных лексем: ЗАГОГУЛИНА - 'замысловатая закорючка', ЗАГНУТЬ - 'согнуть, завернуть, подвернуть конец, край чего-либо; сделать закорючку'. Выбор данного мотиватора, актуализация его ФС-связей отмечается и в соотнесении слов ЗАГОГУЛИНА - ЗАГИБУЛИНА. Вместе с тем наш эксперимент зафиксировал также установление связи между словами ЗАГОГУЛИНА - ЗАГОГУЛЯ, что, с одной стороны, позволяет определить эту ассоциативную связь как актуализацию этимологического корня слова, возможно, возникшую на уровне интуитивно-образного языкового сознания, хотя не исключено и более осознанное отношение к этимологии этого слова; с другой стороны, оправданной может быть квалификация ее как естественной словообразовательной рефлексии языковой личности (суффикс -ИН- является частотным и продуктивным в русском языке и его

выделение в структуре слова не представляет большого труда). Но, как бы там ни было, сам по себе факт его появления в МА-поле стимула обуславливает мотивационное варьирование этого слова, проявляющееся в данном случае в том, что его мотивационные варианты имеют разную генетическую субстанцию и входят в различные словообразовательные гнезда.

Таким образом, применительно к явлению варьирования языковой единицы, можно говорить о зависимости синхронно-вариативной интерпретации мотивированности слова от его диахронного развития в том смысле, что различные аспекты синхронного восприятия морфемно-мотивационной структуры слова обусловлены диахронными изменениями этой структуры: семантическим развитием слова, затрудняющим установление мотивационных отношений с прежним этимологом, приводящим подчас к невозможности, семантической неоправданности синхронного сближения этимологически связанных слов, и сохранением генетических отношений на уровне формы (на уровне формально-генетического тождества слов). И если генетически родственные слова разошлись семантически, то есть если их родство перестало ощущаться, они могут уподобиться генетически неродственным словам и подвергнуться народноэтимологическому переосмыслению, семантической аттракции наравне с другими неродственными созвучными словами. Нам представляется, что подобные случаи следует рассматривать как установление новых мотивационных отношений между прежними ("старыми") мотиватами. В качестве примера возникновения нового мотивировочного признака на базе сохранившегося мотиватора можно привести мотивационное осмысление слова УГОЛОВНИК, которое, согласно Краткому этимологическому словарю /см.: КрЭС, с.460, а также Фасмер, т.4, с.146/, образовалось с помощью префикса У- со значением усиления от ГОЛОВНЫЙ - 'убивающий', зафиксированного в древнерусских памятниках и являющегося производным с суффиксом – БН (совр.-Н-) от ГОЛОВА - 'убитый' (ср. древнерус. ГОЛОВЬНИКЪ - 'убийца'). Сегодня многие носители языка воспринимают это слово как образованное от ГОЛОВА, и это свидетельствует о том, что исторический мотиватор не изменился, формальная связь с ним сохранилась, но объясняется она по-новому: "УГОЛОВНИК - возможно, своей ГОЛОВОЙ рискует или ГОЛОВУ кому-нибудь оторвал". Таким образом, формальное сходство бывших мотиваторов дает возможность носителям языка создавать новые смысловые связи между ними, формировать новый мотивировочный признак.

Если же этимологически связанные слова обладают и формальной, и семантической близостью, пусть даже отдаленной, они, как нам кажется, не могут рассматриваться как факты народной этимологии. Более корректно, видимо, связывать появление ассоциаций, отражающих этимологию слова, с функционированием элементов его структуры, которые хранят в себе следы прошлых эпох, более или менее явные. Их осознание может привести к

истокам происхождения данной единицы, открыть первоисточник ее смысла, хотя в полной мере говорить об осознанности генезиса слова не приходится (анализ степени осознанности/неосознанности генетического плана слова - предмет специального исследования), тем более что сама степень осознания этимологической близости многих слов даже в строго синхронном срезе неодинакова для различных носителей языка, например, по словам Л.В.Зубовой, исследующей различные виды семантизации формальных элементов языка в творчестве М.Цветаевой, "в сознании человека профессионально работающего со словом, этимологические связи слов обычно более глубоки, чем у других носителей языка" /Зубова Л.В., 1989, с.14/.

Итак, осмысление мотивации может совпадать, а может и не совпадать с действительным происхождением слова, с его "научной" этимологией. В большинстве случаев мотивационные ассоциации отражают подлинные отношения производности, а если расходятся с ними, то, как правило, носитель языка отдает предпочтение народной этимологии, выражающей живые языковые связи, и это проявляется в массовом характере народноэтимологических ассоциаций, в их типичности и узуальности. Нередко в одной ассоциативной статье можно обнаружить такие слова-ассоциаты, которые с генетической точки зрения не обладают тождеством корня. Данный факт предполагает рассмотрение проблемы тождества и различия языковой единицы как проблемы сохранения единства этой единицы при ее изменении. Отметим в связи с этим следующий момент: объединение слов в одно МА-поле осуществляется нами не на этимологической основе, а на основе их синхронно-функционального формально-семантического тождества. По этой причине в одну мотивационно-ассоциативную статью могут входить слова, характеризующиеся различными типами мотивированности, условно назовем их "фонетическим" и "морфологическим". Эти типы мотивированности отличаются друг от друга различным преломлением в сознании носителей языка мотивационных процессов, различным уровнем ассоциирования - произвольным, еще не связанным с морфемным планом, а основывающемся на звуковом сближении слов, звуко-ассоциативном ряде, характеризующемся только "предощущением" морфемы, и выделением в слове морфемы как специализированного элемента, соединяющего в себе план содержания и план выражения слова, основы его мотивационных отношений. Однако, естественно, что и при таком широком понимании мотивированности слова пределы ее установления все же должны быть найдены, так как формально-семантические различия мотивационных вариантов одного и того же слова не могут быть безграничными. Вместе с тем сложность и неоднозначность самого материала препятствует определению четких границ мотивационного варьирования слова и в некоторых случаях приводит к достаточно условному объединению языковых единиц на основе относительного

(иногда сомнительного) тождества их морфемно-мотивационной структуры и корневой морфемы (ср., например, объединение в одном МА-поле слов ЗАХОЛОНУТЬ, ХЛЫНУТЬ и ХОЛОД или ЗАХОЛУСТЬЕ, ХОЛОСТОЙ, ХАЛУПА). Тем не менее квалификация связи, установленной между данными единицами, как мотивационно-ассоциативной оправдана стремлением носителей языка обнаружить соответствие их формы и содержания; энергия стремления к данному соответствию проецируется на анализируемое слово, как бы "заряжая" его мотивационным потенциалом, отражающим системообразующее действие формы слова, и обуславливает установление этим словом ФС-связи с другими словами, воспринимаемыми как родственные. Поэтому мы полагаем, что предел мотивационного варьирования при сохранении формально-семантического тождества слова может быть найден лишь в самой форме, в ее неспособности к семантизации, к установлению смысловых отношений формально притягивающихся друг к другу слов.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, представляется возможным выделение различных типов мотивационных вариантов слова, основываясь на установлении МА-связи между гетерогенными (разнокорневыми) единицами и единицами гомогенными (однокорневыми, генетически связанными). В последнем случае мотивационному варьированию может также подвергнуться мотивационное значение слова.

* * * * *

Завершая обзор разнообразных форм проявления варьирования мотивации слова, еще раз подчеркнем, что сосуществование на определенном синхронном срезе развития языка в рамках одного языкового коллектива множества мотивационных вариантов слова обуславливает динамику развития и функционирования его МА-нормы и шире - всего языка в целом, для которого варьирование является естественным состоянием, ибо на любой стадии его развития неизбежно существование элементов прошлого, настоящего и будущего. В этом плане актуальным представляется утверждение Ф.П.Филина о том, что "Языковая система всегда является продуктом длительного и сложного исторического развития, представляет собой "историю в снятом виде". Ее непрерывное изменение, сохранение старых и возникновение новых элементов, постоянное воздействие внеязыковых факторов и т.п. приводит к накоплению однозначных явлений, становящихся как бы "избыточными" и приходящих в противоречие друг с другом. Проблема нормы возникает в тех случаях, когда в языковой системе имеются варианты средств обозначения "одного и того же" /Филин Ф.П., 1966, с.17-18/. Применительно к нашей теме можно уточнить, что возникающая таким

образом при мотивационном варьировании "мотивационная избыточность" не является несовершенством языковой системы; напротив, она есть следствие самого устройства языка, для которого эпидигматическая притяженность и противопоставленность слов друг другу по формально-семантическому признаку есть фактор, формирующий лексическую системность. Кроме того "мотивационная избыточность" представляет собой необходимый этап развития слова от мотивации к демотивации и, наоборот, - от демотивации к мотивации (ремотивации). По этой причине приходится иногда признавать нормативными сразу несколько мотивационных вариантов слова (характеризующихся одинаковой частотностью и узуальностью), ибо "очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными" /Щерба Л.В., 1974, с.97/.

Однако для создания строгой и обоснованной типологии мотивационных вариантов слова недостаточно фиксации и описания форм их проявления, необходим также учет причин появления тех или иных вариантов, то есть функциональный анализ вариативности с точки зрения условий, предпосылок ее развития и существования. В этом плане - в плане определения закономерностей варьирования слова - существенным является выявление зависимости мотивационной вариативности слова от специфики его мотивированности. Поэтому в качестве гипотезы мы выдвигаем предположение о соотносительности онтологически и функционально заданного свойства мотивированности слова с разнообразием способов его формально-семантической интерпретации. Мы полагаем, что вариативность слова во всех возможных его ФС-связях зависит от степени мотивированности и степени членимости слова. Причем определяя последнюю, мы не основываемся на традиционной концепции степеней членимости слова, строящейся на том, что "не у всех слов имеется полная и регулярная соотносительность с другими словами на основе наличия у них общих корней и аффиксов" /Голев Н.Д., 1989, с.155/. Под членимостью слова мы понимаем интуитивное расчленение слова на части (звукокомплексы), при котором одна (реже две части сразу) семантически актуализируются. Утверждая возможность такого рассмотрения членимости слова, мы исходим из того, что принципы, которыми оперирует носитель языка в естественной речевой деятельности, часто отличаются от строго научных, системных правил деления слов на морфемы: "Среднестатистический носитель языка, не вооруженный последовательным лингвистическим знанием о морфологической системе, при делении слова на морфемы, использует прежде всего принципы похожежности, аналогии и прецедентности. А эти принципы не всегда совпадают с системными, так как основываются на технике звукового сближения слов и их частей (корня, приставки, суффикса, окончания), комбинаторике звуков, их перестановок, добавлений и выпадения их внутри частей слова, на смешении морфемных границ с границами слогоделения, на паронимической аттракции,

каламбурном обыгрывании стимула и ответа на него и других приемах" /Русский ассоциативный словарь, 1994, с.207/.

Итак, для определения заданных возможностей системного и функционального мотивационного варьирования слова мы должны:

1) выявить и описать различия в проявлении мотивационной вариативности слов разной степени членимости и мотивированности. Для этого проанализировать соотношение K_m слова как показателя его нормативного мотивационного функционирования, с одной стороны, и K_o как показателя антинормы, с другой, определить особенности стимулов, влияющие на увеличение/уменьшение K_m и K_o ;

2) представить методику определения МА-нормы и степени ее вариативности. С этой целью разработать формулу выявления степени мотивационной вариативности слова, показывающую с помощью математической символики, какие ассоциативные статьи содержат большее количество разнообразных реакций;

3) проанализировать соотношение максимума и минимума варьирования МА-нормы, разграничить зоны сильного и слабого мотивационного варьирования лексики русского языка.

Рассмотрим далее мотивационную вариативность лексических единиц "Мотивационно-ассоциативного словаря" и попытаемся решить указанные выше задачи на примере таких слов как ЗЕМЛЯНИКА, ЗАВАЛИНКА, ЗАТЫЛОК, ЗАВТРАК, ЗАКОРЮЧКА, ЗАБУБЕННЫЙ, ЗАЛИМОНИТЬ, ЗАСТЕНЧИВЫЙ, ЗАКАВЫКА, ЗАБУЛДЫГА, ЗАЧУХАННЫЙ, ЗАДРИПАННЫЙ, ЗАХОЛУСТЬЕ, характеризующихся различной степенью членимости и мотивированности, различными коэффициентами мотивационности и отказа от ассоциирования. Отметим еще раз, что противоречие между K_m и K_o мы рассматриваем как противоречие между МА-нормой и антинормой. И норма, и антинорма - явления по своей природе динамичные, изменчивые, отражающие особенности восприятия на определенном временном этапе формальной стороны слова, ее способность воздействовать на семантику слова. Причем антинорма в некотором смысле является показателем "сбоя" функционирования значимой формы. Показатель этот целесообразен, ибо характеризует не-включение механизма реакции на формальный план слова, отсутствие эпидигматических ассоциаций. Однако для нас антинорма скорее фон, на котором отчетливо проявляется активность или, напротив, пассивность МА-нормы, ее вариативно-инвариантный характер. Для измерения степени вариативности последней мы предлагаем использовать следующую формулу:

$$K_v = \{R_{\text{разных фса}} : R_{\text{всего фса}}\} \times N,$$

где $R_{\text{разных фса}}$ - суммарное число разных формально-семантических ответов в ассоциативной статье, $R_{\text{всего фса}}$ - общее число формально-семантических ответов, N - число фрагментов различных словообразовательных гнезд, зафиксированных в этой статье. Данная формула, на наш взгляд, определяет вариативность МА-нормы в зависимости от МА-потенций слова, неоднородного характера вызванных им мотивационных ассоциаций, наличия в МА-поле слова различных "сгустков", "пучков" ФС-связи, ибо общее правило, касающееся соотношения составляющих указанной формулы таково: чем выше $R_{\text{разных}}$ и N и чем ниже K_m , тем больше K_v , то есть тем менее стереотипно МА-осмысление слова. Основываясь на вышесказанном, мы полагаем, что анализ мотивационных ассоциаций с использованием данной формулы, определяющей их вариативно-интерпретационную природу, позволит исследовать стереотипные, стандартные и глубинные мотивационные связи слова, их силу и динамику на синхронном срезе языка. Так как сила этих связей определяется рядом факторов, среди которых особо важными мы считаем степень мотивированности и членности слова, прозрачность и понятность его внутреннего строения, то для того, чтобы ответить на вопрос - какие из выше перечисленных слов подвержены разнообразным интерпретациям в большей степени, а какие - в меньшей?, - необходим учет данных факторов, а также анализ различных типов мотивационных вариантов слова в каждом конкретном случае.

3.3.4. МОТИВАЦИОННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ “МОТИВАЦИОННО-АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ”

ЗЕМЛЯНИКА

Данное слово отличается самым высоким K_m (0,93) и самым низким K_o (0,01). Рассмотрение мотивационных вариантов этого слова позволяет говорить об их немногочисленности и однородности: 93% ФСА приходится на 3 слова-ассоциата, входящих в одно словообразовательное гнездо. Исходя из этого, определяем K_v слова: $K_v = \{3 : 93\} \times 1 = 0,03$. Данный K_v является наиболее низким в сравнении с K_v других слов, составляющих корпус мотивационного словаря, что во многом определяет "крепость" МА-

нормы слова ЗЕМЛЯНИКА, ее силу, узуальность, стереотипность и объективность, ибо чем более регулярны и однородны ассоциации, тем более они объективны. Однако при всей своей "словообразовательной" однородности формально-семантические реакции этого слова не являются равноценными, так как большая их часть актуализирует связи с исходным корневым словом (ЗЕМЛЯ - 89%), на остальные ассоциаты приходится лишь 4% реакций (2% из них - на словообразовательный мотиватор ЗЕМЛЯная и еще 2% - на слово другой словообразовательной цепочки этого гнезда - ЗЕМЛЯНКА). Данный факт мы объясняем высокой степенью прежде всего семантической мотивированности слова ЗЕМЛЯНИКА, которое формально мотивировано производным непосредственно предшествующей ступени (ЗЕМЛЯная), а семантически мотивирующей оказывается более ранняя ступень - исходное корневое слово ЗЕМЛЯ (ЗЕМЛЯНИКА - 'ягода, которая растет у ЗЕМЛИ' или 'растение, ягоды которого лежат на ЗЕМЛЕ'). И так как эта ассоциативная связь способствует осмыслению содержательной стороны слова, она является наиболее значимой и определяет высокий процент появления именно того слова-ассоциата, который эту связь актуализирует.

Низкий K_v определяется также достаточно ясной членимостью этого слова, четким выделением корневой морфемы (ЗЕМЛ'-), что позволяет испытуемым не только актуализировать ассоциативные связи на уровне звучащей формы, но и устанавливать соотношения на уровне формы значащей, на уровне морфемы.

Итак, в силу преобладания объективного начала в осмыслении этого слова ситуационная, авторская, окказиональная обусловленность в осознании рациональности связи его звучания и значения отсутствует. Таким образом, слово ЗЕМЛЯНИКА в нормативном аспекте проявляет стереотипное мотивационное функционирование. Отклонений от него в ходе эксперимента не обнаружено.

ЗАВАЛИНКА

Эта лексема также характеризуется высоким K_m (0,83) и низким K_o (0,06). Однако характер формально-семантического ассоциирования отличается большим разнообразием, чем в предыдущем случае: в ассоциативной статье зафиксировано 11 разных мотивационных ассоциатов, актуализирующих ФС-связи внутри одного словообразовательного гнезда ($K_v = 0,13$). Данные ФС-связи можно квалифицировать как отношения опосредованной мотивации, характеризующиеся пропуском одного (ЗАВАЛИНКА < ЗАВАЛ) или нескольких (ЗАВАЛИНКА < ЗАВАЛИТЬ, ВАЛИТЬ) звеньев в словообразовательной цепочке или отражающие ФС-связи слов различных цепочек словообразовательного гнезда

(ЗАВАЛИНКА < ВАЛЯТЬ, ВАЛУН, ВАЛЕНКИ, ВАЛЕЖНИК, ВАЛОМ, ВПОВАЛКУ, ЗАВАЛЯТЬСЯ). Отношений непосредственной словообразовательной мотивации (ЗАВАЛИНКА < ЗАВАЛИНА) зафиксировано не было, что, по-видимому, можно объяснить, во-первых, малой употребительностью словообразовательного мотиватора, а во-вторых, незначительным семантическим различием мотивированного и мотивирующего слов, позволяющим в некотором смысле отождествить их друг с другом: лексема ЗАВАЛИНКА является диминутивом к сущ. ЗАВАЛИНА 'земляная насыпь вокруг избяных стен', которое, в свою очередь, является суффиксальным производным от ЗАВАЛ - безаффиксного образования от ЗАВАЛИТЬ, мотивированного ВАЛИТЬ:

ЗАВАЛИНКА < (ЗАВАЛИНА) < ЗАВАЛ < ЗАВАЛИТЬ < ВАЛИТЬ.

На актуализацию отношений данной словообразовательной цепочки приходится большая часть формально-семантических реакций (50% из 83%). Думается, этот факт обусловлен тем, что анализируемое слово ЗАВАЛИНКА замыкает словообразовательную цепочку и поэтому может мотивационно (семантически) соотноситься со всеми словами предшествующих словообразовательных ступеней и с исходным корневым словом. Также высокочастотным является слово-реакция ВАЛ (23%), что может быть объяснено совпадением по форме этого слова с корнем ВАЛ-, легко выделяющимся в слове ЗАВАЛИНКА, а также сходством значения данных слов (ВАЛ - 'насыпь', ЗАВАЛИНКА - 'земляная насыпь...'). Еще одна мотивационная ассоциация, встретившаяся в нескольких анкетах, - гл. ВАЛЯТЬ, являющийся итеративом к ВАЛИТЬ - 4% от общего числа реакций. Остальные ассоциативные ответы - ВАЛЕЖНИК, ВАЛЕНКИ, ВАЛОМ, ВАЛУН, ВПОВАЛКУ, ЗАВАЛЯТЬСЯ - являются единичными, то есть каждый из них был дан только одним информантом. Данные ассоциаты также объективно связаны со стимулом формально-семантическими отношениями, однако они в меньшей степени, чем слова, входящие с анализируемой лексемой в одну словообразовательную цепочку, способны объяснить семантику стимула, что и определяет их немногочисленность, сохранение ими авторского, субъективного характера. Таким образом, анализ данного слова показывает, что особо значимым фактором мотивационной вариативности является степень семантической мотивированности слова, определяющая наиболее "кучные" ассоциативные ответы, а также место, которое занимает слово в словообразовательной цепочке и - шире - словообразовательном гнезде.

ЗАТЫЛОК

Данное слово также относится к высокомотивированным словам: K его мотивационности - 0,78, K_o - 0,08, - эти цифры характеризуют слово ЗАТЫЛОК как обладающее высоким потенциалом нормативного мотивационного осмысления. Также соображения относительно нормативной ценности мотивированности данного слова поддерживаются низким K_v этой мотивированности ($K_v = 0,05$). Следует обратить внимание на то, что K_m слова ЗАТЫЛОК ниже, чем K_m слова ЗАВАЛИНКА, тем не менее K его вариативности несколько меньше. Чем это определяется? Мы полагаем, что в данном случае достаточно низкий K_v обусловлен тем, что слово ЗАТЫЛОК входит в словообразовательное гнездо, отличающееся немногочисленностью составляющих его элементов (по сравнению с количеством членов гнезда слова ЗАВАЛИНКА).

Исторически лексема ЗАТЫЛОК была образована с помощью суффикса -ОК- от *ЗАТЫЛЬ, ныне утраченного. В современной словообразовательной системе непосредственным мотиватором исследуемой лексемы является сущ. ТЫЛ, относящееся сегодня к непроизводным словам (о производности в диахронном разрезе см. этимологическую справку в словарной статье анализируемого сущ.). На актуализацию связи словообразовательной сцепки ЗАТЫЛОК < ТЫЛ приходится 55% всех реакций; такая высокая степень употребительности мотивационного варианта ТЫЛ является важным фактором, определяющим стандартность мотивационного ассоциирования слова ЗАТЫЛОК. Другая высокочастотная ассоциация - прил. ТЫЛЬНЫЙ - 19% ответов. Названные ассоциаты характеризуются одинаковой способностью к толкованию лексического значения слова-стимула: ЗАТЫЛОК - 'задняя часть, "ТЫЛ" головы' или ЗАТЫЛОК - 'задняя, ТЫЛЬНАЯ часть головы'. Количественное преобладание слова-ассоциата ТЫЛ можно объяснить, вероятно, его формальным тождеством с корнем стимула ЗАТЫЛОК, однозначное расчленение которого на морфемы (ЗА-ТЫЛ-ОК) проявляется также еще в одном ассоциативном ответе, актуализирующем приставку и корень данного слова (ЗА ТЫЛОМ - 3%). Помимо этого эксперимент зафиксировал и одну ассоциативную реакцию с частотой 1 (ПОДЗАТЫЛЬНИК - 1%). Отмеченная ассоциация является перспективной, то есть характеризует потенциал функционирования стимула как мотиватора (здесь слово-стимул выступает как база морфемного синтеза). Но так как наш эксперимент направлен на морфемный анализ, при котором стимул является базой для образования более простых единиц, то ассоциирование, направленное на создание сложных образований, не является актуальным, поэтому рассматриваемая ассоциация единична.

В целом проведенный анализ мотивационных ассоциаций слова ЗАТЫЛОК позволяет сделать вывод о том, что устойчивость, стабильность МА-нормы зависит, с одной стороны, от ее общераспространенности, а с другой стороны, от малого числа мотивационных вариантов слова.

ЗАВТРАК

Как указывает Н.М.Шанский, исходное значение этого слова - 'то, что следует за рассветом, за утром'. По его мнению, данное слово представляет собой суффиксальное образование (суффикс -АК-) от предложно-падежной формы ЗА УТРА. Значение 'утренняя еда' вторично.

Исходное значение слова в настоящее время утрачено, сегодня сущ. ЗАВТРАК воспринимается большей частью информантов как производное от ЗАВТРА (75%), причем употребляется оно в речи в значении, противоречащем его синхронной мотивированности. Такая ситуация часто оценивается носителем языка как неправильность, ошибка: *"Не знаю, как ЗАВТРАК связан с ЗАВТРА, просто так говорят, вот и все"* или *"Какая-то связь тут есть, но какая - затрудняюсь определить"*. Тем не менее окончательно мотивировочный признак, вероятно, не забывается, память о нем сохраняется в морфемно-мотивационной структуре слова, так как 4% испытуемых определили в качестве мотивирующего для ЗАВТРАК слово УТРО. Трудно решить однозначно, насколько в такого рода ассоциациях преобладает чувственное или рациональное начало. Информанты легко устанавливают смысловую соотносительность данных слов, но большинство из них испытывают затруднения при выделении морфем, составляющих эти слова. Видимо, внешние модификации, нарушая связь значения и звучания слова, подавляют его мотивационные связи.

И все же, если квалифицировать указанные ассоциации как ФСА, то данное слово будет обладать следующими характеристиками: $K_M - 0,79$, $K_O - 0,15$, $K_B - 0,05$. K_O , характеризующий активность антинормы, показывает нам, что 15 информантов из 100 отказали этому стимулу в мотивационном ассоциировании, вероятно, в силу причин, указанных выше. Эти же причины обуславливают и низкий K_B слова ЗАВТРАК. К тому же ассоциаты ЗАВТРА и УТРО, которые хотя и входят на синхронном уровне в различные словообразовательные гнезда, что усиливает мотивационную вариативность слова, являются исходными корневыми словами этих гнезд, и это определяет невозможность их морфемного анализа, неспособность их к образованию более простых лексических единиц.

В целом относительно мотивации лексемы ЗАВТРАК может быть сделан следующий вывод: в данном случае нарушена связь между мотиватором (УТРО) и мотиватом (ЗАВТРАК). Остались только ассоциации, основанные на пересечении семантики этих слов и их отдаленном формальном сходстве (ЗАВТРАК - УТРО) и, наоборот, на значительной формальной близости и очень слабом семантическом соприкосновении слов ЗАВТРАК - ЗАВТРА. По существу слово ЗАВТРАК находится на этапе "затухания" его мотивационных отношений, стирания его морфемно-мотивационной структуры: лексема ЗАВТРАК в синхронии все больше подвергается опрощению, корень становится трудно выделяемым и семантически неопределенным. И если ассоциативные реакции ЗАВТРА и УТРО отнести к ФА и СА соответственно, то слово ЗАВТРАК можно квалифицировать как полностью демотивированное. Однако мы полагаем, что однозначному определению этого слова как демотивированного на сегодняшний день препятствует сохраненность мотивационных, этимологических отношений хотя бы только на уровне формы. Также косвенно возможность актуализации ФС-связи между лексемами ЗАВТРАК и ЗАВТРА подтверждает фразеологизм КОРМИТЬ ЗАВТРАКАМИ 'просить прийти завтра' и окказиональное толкование глагола ЗАВТРАКАТЬ - 'мечтать о будущем'. Поэтому мы сочли возможным отнести слово-стимул ЗАВТРАК к словам, еще сохранившим свою мотивированность, хотя и в небольшой степени.

ЗАКОРЮЧКА

K_v этого слова - 0,20. Это достаточно большой коэффициент для слова с высокой степенью семантической мотивированности (K_m - 0,79) и низким уровнем отказа от ассоциирования (K_o - 0,06). Чем это можно объяснить?

По данным этимологических словарей это слово могло быть образовано суффиксальным способом от сущ. ЗАКОРЮКА 'изгиб в форме крючка, крючок, кавычка', являющегося префиксальным производным от КОРЮКА, суффиксального производного от КОРЬ 'корень' /Н.М.Шанский/; или от сущ. КРЮК (КОРЮЧИТЬ, КОРЮКА, КРЮК, КРЮЧИТЬ...) /А.Г.Преображенский, М.Фасмер/. Наш эксперимент зафиксировал мотивационные ассоциации, актуализирующие связи как первой, так и второй этимологической гипотезы. Таким образом, в ассоциативной статье слова ЗАКОРЮЧКА мы имеем фрагменты двух гетерогенных, по мнению исследователей языка, словообразовательных гнезд:

- а) КРЮЧОК - 56%, КРЮК - 13%, СКРЮЧИТЬСЯ - 1%, КОРЮЧИТЬ - 1% - всего 71%;
- б) КОРЯВЫЙ - 5%, КОРЯГА - 1%, КОРЕЖИТЬСЯ - 1%, КОРЧИТЬСЯ - 1% - всего 8%.

Как видно, нормативное мотивационное осмысление слова связано с актуализацией ФС-связей первого из этих словообразовательных гнезд; актуализация же ФС-связей в пределах второго гнезда в некотором смысле противоречит современной МА-норме этого слова. Ассоциаты, входящие в данное гнездо, отличаются своей немногочисленностью (4 ассоциата) и единичностью - каждое из них, кроме КОРЯВЫЙ, встретилось только в одной анкете (повторяемость ассоциата КОРЯВЫЙ, видимо, обусловлена его большей семантической близостью к стимулу, ср.: "ЗАКОРЮЧКА - КОРЯВАЯ штучка"). Однако будет ошибочным рассмотрение этих реакций как случайных, не соответствующих системе языка. На наш взгляд, возможность появления таких ассоциаций заложена в самой языковой системе, в ее стремлении к сохранению смысловых, причинно-следственных, эпидигматических отношений между лексическими единицами (хотя бы на уровне формы). Тем не менее вряд ли данные ассоциаты выражают тенденцию к активному мотивационному функционированию. Возможно, это пассивные "остатки" старой МА-нормы. Активность же характеризует норму, актуализирующую мотивационные отношения лексемы ЗАКОРЮЧКА со словообразовательным гнездом слова КРЮК, предоставляющим более полное, чем слово КОРЕНЬ, семантическое обеспечение слова-стимула. Активность этой МА-нормы проявляется и в ее значительном количественном "превосходстве": 71/8. К тому же силу нормы определяет и малая степень ее словообразовательной вариативности: большая часть всех мотивационных ассоциаций приходится на два слова - КРЮЧОК и КРЮК, еще 2% ассоциаций - на единичные реакции - СКРЮЧИТЬСЯ и КОРЮЧИТЬ (формальное отличие последнего объясняется экспрессивной вставкой гласного). Все перечисленные словообразовательные связи можно квалифицировать как отношения чересступенчатой мотивации, а высокую степень актуализации именно КРЮЧОК и КРЮК можно объяснить их значительной семантической пересекаемостью со значением стимула.

Итак, как показал анализ, вариативность слова ЗАКОРЮЧКА представляет собой реализацию системно заданных потенций мотивационного функционирования этого слова, обусловленного возможностью установления им неоднозначных формально-генетических пересечений, нормативность же определяется наибольшей формальной и семантической близостью слов ЗАКОРЮЧКА и КРЮЧОК.

ЗАБУБЕННЫЙ

Мотивационное ассоциирование этого слова мы уже анализировали, когда рассматривали возможность синхронно-диахронного исследования функционирования мотивированности слова /см. с.78-80/. Здесь, в дополнение ко всему сказанному ранее, добавим, что неясность, "затемненность" морфемно-мотивационной структуры слова ЗАБУБЕННЫЙ обуславливает и его потенциальную вариативность во всех возможных направлениях ФС-связей этого слова. Как мы уже говорили, эксперимент выявил два таких направления - одна часть информантов актуализировала ФС-связи словообразовательного гнезда с исходным словом БУБЕН 'музыкальный инструмент', а вторая часть - ФС-связи словообразовательного гнезда с исходным словом БУБНЫ 'в игральные карты - название масти':

- а) БУБЕН - 31%, БУБЕНЦЫ - 2%, БУБЕНЧИКИ - 2%, БУБНИТЬ - 2%, С БУБЕНОМ - 1% -
всего 38%;
- б) БУБНЫ - 22%, БУБИ - 5%, БУБНОВЫЙ 4%, КОРОЛЬ БУБЕН - 1% - всего 32%
ассоциаций.

Таким образом, K_v этого слова с учетом установления им мотивационных отношений с разнокорневыми лексическими единицами будет равен 0,26. Казалось бы, можно было ожидать более высокого коэффициента вариативности в силу актуализации "разнокорневых" ассоциаций, с одной стороны, и по причине их относительного "равенства" (38/32), с другой. Однако K_v , как и K_o , оказался довольно низким, а K_m , напротив, достаточно высоким. Мы полагаем, что такая оценка мотивированности слова может быть объяснена прежде всего сохранением этим словом характера производимого, то есть сохранением членимости слова, выделенности составляющих его морфем. Также положительную роль в осмыслении мотивированности слова ЗАБУБЕННЫЙ сыграло присутствие слов (БУБЕН, БУБНЫ), близких по звучанию анализируемому и способных его семантизировать. Тем не менее семантическое расстояние между стимулом и указанными ассоциатами представляет собой, по нашей классификации, только третью ступень семантической общности слов - "соприкосновение" смежных понятий. Данный факт определяется сложностью семантического толкования стимула с помощью этих ассоциатов. Отсутствие же высокой степени семантической мотивированности, как мы видим, обуславливает отсутствие устойчивой МА-нормы слова ЗАБУБЕННЫЙ. Видимо, в данном случае целесообразно признать нормой самое наличие двух мотивационных вариантов слова, пребывающих относительно друг друга в колеблющемся равновесии.

ЗАЛИМОНИТЬ

Данная лексема относится к группе так называемых экспрессивных лексических единиц, которые характеризуются "необычностью семантического соотношения мотивированного со своим мотиватором: исходное слово, не имеющее семантических точек соприкосновения с производным от него, как бы просвечивает другим цветом сквозь это производное. Наблюдается парадокс в соотношении лексических значений, который долго не сглаживается из-за отсутствия мотивировочного признака: производящее слово "торчит", не дает забыть себя в производном" /Матвеева Т.В., 1979, с.119/. Можно сказать, что мотивированность гл. ЗАЛИМОНИТЬ строится на нарушении принципа двусторонней, формально-семантической, мотивированности, так как лексическое значение этого слова '1) закинуть, забросить; 2) ударить' никак не соотносится со значением мотиватора ЛИМОН 'цитрусовое дерево, а также плод его'. Как видно, между ними нет семантической связи, они находятся в отношениях внеположенности. Некоторые языковеды /см., напр.: Ермакова О.П., 1972, с.199-200; Янценецкая М.Н., 1979, с.50-54/. связывают семантическую специфику такого типа мотивированности с развитием полисемии и омонимии корня. По их мнению, данные корневые морфемы являются семантически изолированными омонимами к формально сходным единицам. В нашем случае слова ЗАЛИМОНИТЬ и ЛИМОН с этой точки зрения будут отличаться друг от друга омонимичными корнями, в силу чего они не могут иметь даже частичного совпадения семантики, а значит здесь не может быть и семантического (мотивационного) варьирования корневой морфемы.

Действительно, то, что сравнение ЗАЛИМОНИТЬ с ЛИМОН не объясняет значения первого слова, дает возможность квалифицировать это сравнение как чисто формальное. Однако мы полагаем, что такие формальные сближения созвучных слов также могут быть отнесены к особому типу мотивационных ассоциаций, ибо сохраняется установка на объяснение одного слова за счет другого путем установления формальной связи с мотиватором. Хотя такая связь и не проясняет значения слова, она помогает преодолеть его изолированность в системе. Ср.: "...формальные сближения создают возможность вовлечения преобразованного слова в систему ассоциативных связей, свойственных в языке созвучному мотиватору" /Гридина Т.А., 1989а, с.18/. Следует также заметить, что само формальное тождество выделенных корней сигнализирует о возможности установления семантической связи между ними, но эта семантическая связь будет достаточно своеобразной. М.Н.Янценецкая видит специфику данной связи в том, что она основывается не на тождестве значения формально одинаковых корней или каких-либо единичных их признаков, а на "ассоциативном уподоблении семантики производного слова некоторой

смысловой ситуации, "участником" которой является формально исходное слово" /Янценецкая М.Н., 1979, с.52/. Нам представляется, что уникальная морфемно-мотивационная структура слова ЗАЛИМОНИТЬ обусловлена высокой степенью семантического варьирования его корня, которое может в конечном итоге привести к разрушению семантического тождества слова ЗАЛИМОНИТЬ с родственными по корню словами. Вероятно, такая мотивационная структура слова, такой тип мотивированности, при которой для передачи компонента экспрессивности, интенсивности действия в значении слова используется корневая морфема, слабо приспособленная для выражения этого значения, объясняется особой ролью, которую играет фактор мотивированности в сфере экспрессивной лексики. Т.В.Матвеева /см.: Матвеева Т.В., указ.раб./ предлагает для характеристики состояния мотивированности таких единиц термин "парадоксальная мотивированность", при которой номинативная функция слова "оттесняется" экспрессивной функцией на второй план, в итоге появляется экспрессивная разговорная лексика, характерной чертой которой является несоответствие формального и семантического планов, что, видимо, предполагает обращение внимания на способ выражения содержания. Иными словами, экспрессивность данной группы лексических единиц достигается именно несоответствием значений этих единиц и их мотивирующих.

Итак, семантическая связь гл. ЗАЛИМОНИТЬ и сущ. ЛИМОН растворена в значении первого. Однако, как нам кажется, при целенаправленных усилиях носитель языка может актуализировать определенную зависимость мотивата от мотиватора, попытаться объяснить их ФС-связь. Отметим, что данные нашего эксперимента предоставляют базу для толкования осмысления слова ЗАЛИМОНИТЬ как с позиции только формального отождествления стимула с его предполагаемыми мотивирующими (ЛИМОН, ЛИМОНАД), так и с позиции дополнения отождествления формального отождествлением семантическим. На возможность формально-семантического соотнесения указывают следующие ассоциативные сцепки: ЗАЛИМОНИТЬ 'забросить' - ЛИМОНКА - 'граната, которую бросают'; ЗАЛИМОНИТЬ - 'УКРАСТЬ ЛИМОН'; ЗАЛИМОНИТЬ - 'Залить ЛИМОНОм чай'.

Таким образом, то, что значение слова ЗАЛИМОНИТЬ не вытекает из исходной семантики мотивирующего ЛИМОН (в синхронии наблюдается семантическое расхождение, даже некоторое отторжение этих мотивационно связанных слов), а с другой стороны, то, что мотиватор в ЗАЛИМОНИТЬ прочитывается очень легко (слово характеризуется свободным выделением морфем) и это все-таки сохраняет возможность установления семантического контакта между указанными словами, позволяет говорить о том, что отождествление по форме слов ЗАЛИМОНИТЬ - ЛИМОН может дополняться, а может и не дополняться отождествлением по семантике. Поэтому полученные ассоциаты могут быть отнесены как к

ФА (в этом случае мы должны признать, что носитель языка ограничился частичным, формальным, отождествлением корней), так и к ФСА (носитель языка актуализировал полное, формально-семантическое, сходство корней). Мы полагаем, что правомерной будет квалификация данных ассоциаций как мотивационных. Утверждая это, мы исходим из признания того, что мотивационная связь, в свое время установленная между словами ЗАЛИМОНИТЬ - ЛИМОН, была, но была она слишком слабой, слишком условной и ситуативной и потому не сохранилась, но, тем не менее, сама возможность установления семантических отношений между отмеченными лексемами, позволяет отнести анализируемые ассоциации к ассоциациям формально-семантического типа. В этом случае $K_v = 0,07$. Однако при этом все же необходимо отметить, что, несмотря на невысокий K_v , слово ЗАЛИМОНИТЬ находится на грани предела семантического варьирования, на грани нарушения его семантического тождества с другими, родственными по корню, словами.

ЗАСТЕНЧИВЫЙ

K_m данного слова - 0,68; K_o - 0,13. Нормативное мотивационное осмысление слова ЗАСТЕНЧИВЫЙ связано с актуализацией корня СТЕН- и возможностью установления семантической связи между значением этого корня и значением слова. Наш эксперимент показал, что 48% информантов легко прочтывают мотиватор СТЕНА в слове ЗАСТЕНЧИВЫЙ, объясняя пересечение значений этих слов следующим образом: "*ЗАСТЕНЧИВЫЙ - боязливый, молчаливый, молчит как СТЕНА, ничего от него не добьешься*" или "*скромный, около СТЕНОЧКИ (ЗА СТЕНОЧКОЙ) стоит*".

Заметим, что 47% из 48% реакций, актуализирующих корень СТЕН-, приходится на слово СТЕНА (сюда же относим ассоциаты СТЕНКА, СТЕНОЧКА) и 1% - на слово ЗАСТЕНОК. Как видно, варьирование данного мотивационного варианта связано не с реализацией различных формально-семантических отношений внутри словообразовательного гнезда с исходным корневым словом СТЕНА, а с наличием разнообразных ассоциативных контекстов мотивационной интерпретации слова. В связи с этим необходимо отметить следующее. Разные стратегии ассоциирования способны актуализировать различные грани мотивационно-ассоциативной деятельности. Установка, используемая нами для сбора "Мотивационно-ассоциативного словаря", как мы уже говорили, отличается от других тем, что в данном случае информант работает со словом, отвлеченным от текста. Иными словами, используемая установка не предназначена для

актуализации области мотивационно-ассоциативной деятельности, связанной с контекстным ассоциированием. Ее цель состоит в выявлении ВФ слова как знака единства его звучания и значения в акте восприятия слова. Поэтому в задачи нашего исследования не входит анализ особенностей ассоциативного контекста слова как способа актуализации его МА-потенциала. Данный анализ требует специального изучения, основывающегося как на реконструкции словообразовательного акта, так и на реальных речевых процессах мотивации, обнаруживаемых в конкретных высказываниях. В рамках нашей работы мы ограничимся только указанием на определенную значимость таких ассоциативных контекстов для исследования системной обусловленности функционирования мотивированности: эти контексты, выступая, как правило, в виде толкования слова, выявляют модель мотивации исследуемого слова, семантический потенциал его мотиватора, следовательно, актуализация мотивационных отношений с помощью ассоциативного контекста может быть признана отличной от актуализации мотивационных отношений на уровне отдельной лексемы, в силу чего они не могут быть объединены в рамках одной ассоциативной реакции. По этой причине мы сохранили данные контексты и без изменений внесли их в состав соответствующих статей "Мотивационно-ассоциативного словаря".

Итак, большая часть ФСА связана со словом СТЕНА. Заметим, что эту реакцию можно расценивать как актуализацию генетических связей слов, ибо, по данным этимологических словарей, ЗАСТЕНЧИВЫЙ - 'охотник застеняться, не показываться' является производным от ЗАСТЕНЯТЬ 'заслонять, загораживать', производного от исчезнувшего СТЬНИТИ, деривата от СТЕНА.

Другая часть реакций фиксирует установление мотивационно-ассоциативных отношений между словами ЗАСТЕНЧИВЫЙ - ТЕНЬ. Ассоциат ТЕНЬ также является высокочастотным: он встретился в 16 анкетах. Данный факт объясняется способностью слова ТЕНЬ семантизировать слово ЗАСТЕНЧИВЫЙ: "*ЗАСТЕНЧИВЫЙ - тот, кто прячется в ТЕНЬ*". Тем не менее частота актуализации этого слова намного меньше, чем у слова СТЕНА. Вероятно, это обусловлено особенностями формального членения слова ЗАСТЕНЧИВЫЙ, ибо при выделении приставки ЗА-, суффикса -ЧИВ- и корня ТЕН'-остается сегмент -С-, лишенный семантики, что затемняет морфемно-мотивационную структуру слова и значение ее элементов. Видимо, этот факт определяет меньшую долю ассоциаций, актуализирующих в качестве мотиватора слово ТЕНЬ. Вместе с тем ассоциацию со словом ТЕНЬ также можно рассматривать как проявление генетического в синхронии, так как историческое производящее слова ЗАСТЕНЧИВЫЙ - СТЬНЬ 'тень' объясняется этимологами по-разному: одни считают его однокоренным слову ТЬНЬ (ср. КОРА - СКОРА), другие - или контаминацией слов СЬНЬ и ТЬНЬ, или контаминацией слов СЬНЬ и СТЬНА.

Таким образом, анализируя данные гипотезы, связанные с генетической структурой слова ЗАСТЕНЧИВЫЙ, мы приходим к выводу о том, что различные мотиваторы этого слова могут быть отнесены к гомогенным мотивационным вариантам, имеющим единую генетическую субстанцию.

В заключение отметим также, что помимо ассоциатов СТЕНА и ТЕНЬ в ходе эксперимента были зафиксированы и такие ассоциативные реакции, как СТЕСНЯТЬСЯ (3%) и СТЕСНИТЕЛЬНЫЙ (1%). Так как эти ассоциации реализуют связи синхронного словообразовательного гнезда с исходным корневым словом ЗАСТЕНЧИВЫЙ, мы не включили их ни в одно из ранее указанных словообразовательных гнезд. Поэтому, учитывая, что в МА-поле прилагательного ЗАСТЕНЧИВЫЙ нами обнаружено три разнокорневых ассоциата, K_b этого слова достаточно высокий - 0,48.

В целом следует отметить, что значимая форма слова ЗАСТЕНЧИВЫЙ позволяет прогнозировать возможные ФС-связи и направления актуализации мотивированности этого слова, допуская при этом "отход" от реализации стандартной МА-нормы, что обусловлено генетическим аспектом формально-семантических пересечений слова в синхронии, возможностью его актуализации.

ЗАКАВЫКА

K_m - 0,51; K_o - 0,27; K_b - 0,53.

Почти половина мотивационных ассоциаций данной лексемы приходится на слово КАВЫЧКА(и) - 24% от всех реакций, что, по-видимому, связано прежде всего с формальной близостью данного слова стимулу (КАВЫК-/КАВЫЧ-). Вместе с тем семантическое основание этой связи в настоящее время ослаблено, семантическая мутация мотивата ЗАКАВЫКА по сравнению с мотиватором КАВЫЧКА значительна - может быть определена только как третья степень смысловой близости слов (ЗАКАВЫКА - 'неожиданное препятствие, затруднение; (устар.) запятая'; КАВЫЧКА - 'знак препинания в виде запятых'). Вероятно, слабая семантическая соотнесенность слов ЗАКАВЫКА и КАВЫЧКА объясняет то, что доля последнего, несмотря на формальную общность, составляет только 1/4 от всех ассоциаций, поэтому данная мотивация не может рассматриваться в качестве жесткой МА-нормы.

Помимо указанного выше ассоциата в ассоциативной статье слова ЗАКАВЫКА мы можем найти и фрагмент словообразовательного гнезда от этимологически связанного со стимулом корня КОВ-. Н.М.Шанский утверждает, что древнерус. корень КОВЪ имел

значение 'оковы, путы, стеснение'. Именно от корневого слова КОВА было образовано сущ. КОВЫКА 'запинка, помеха, запятая' (отсюда совр. КАВЫЧКА, ныне утратившее словообразовательную связь с этимологическим гнездом), являющееся производящим для ЗАКАВЫКА. Н.М.Шанский отмечает, что современное написание с "а" появилось в результате аканья и закрепления его на письме. Вторичное значение слова КОВА - 'злой умысел, коварное намерение', отсюда КОВАТИ - 'ковать, строить козни', КОВАРНЫЙ - 'хитрый, злонамеренный'. Несмотря на то, что из современного русского языка исчезли такие слова как КОВЫКА и КОВА, а глагол КОВАТЬ утратил свое значение 'строить козни', связь лексемы ЗАКАВЫКА с генетическим корнем не разрушена полностью, хотя в значительной степени ослаблена: сегодня довольно трудно осмыслить слово ЗАКАВЫКА вместе с гл. КОВАТЬ и его родственниками в составе одного гнезда. Однако форма слова ЗАКАВЫКА сохранила следы прежних отношений, к тому же сема, связывающая указанные лексемы и имеющая формальное выражение, окончательно "не забывается", а уходит на периферию, "сохраняясь" в морфемно-мотивационной структуре слова и проявляясь при определенных метаречевых усилиях, что и показал наш эксперимент: ЗАКОВАТЬ - 13%, КОВАТЬ - 4%, ЗАКОВКА - 2%, ОКОВЫ - 1%. Таким образом, можно сказать, что именно формальная сторона нередко является движущей силой мотивации (этот факт - факт значимости формы - косвенно подтверждается и тем, что самым частотным из всех перечисленных ассоциатов является наиболее близкий по форме стимулу - гл. ЗАКОВАТЬ). Однако языковое сознание носителей языка всегда стремится объяснить, семантизировать любую связь, установленную на основе формальных сближений. Нами отмечен следующий случай такой семантизации: *"ЗАКАВЫКА, ОКОВЫ - это все то, что СКОВЫВАЕТ, связывает, мешает"*. Но, несмотря на возможность семантического обеспечения данной формальной связи, удельный вес указанных слов в ассоциативной статье невелик (1/5 от всех ассоциативных ответов), к тому же он меньше, чем у слова КАВЫЧКА. Конечно, в первую очередь это объясняется периферийным семантическим пересечением слов ЗАКАВЫКА и КОВАТЬ. Однако также большую роль здесь сыграли и внешние модификации слова ЗАКАВЫКА (О > А), нарушающие равновесие между звучанием и значением слова, ослабляющие его мотивационные связи с этимологически родственным словообразовательным гнездом с исходным словом КОВАТЬ.

Кроме перечисленных выше ассоциативных ответов наш эксперимент зафиксировал также установление мотивационных отношений между словами ЗАКАВЫКА и КОВЫРЯТЬ, ЗАКОВЫРКА, ПОДКОВЫРКА, ЗАКОВЫРИСТЫЙ, что, вероятно, также можно признать правомерным вследствие возможного формально-семантического пересечения этих слов:

ЗАКАВЫКА - 'неожиданное препятствие, затруднение';

- ЗАКОВЫРКА - 'трудность, препятствие';
- ЗАКОВЫРИСТЫЙ - 'мудреный, хитроумный; вызывающий затруднения';
- ПОДКОВЫРКА - 'язвительное замечание, задевающее, подковыривающее кого-либо, создающее для него неприятность, трудность';
- КОВЫРЯТЬ - 'проникать внутрь чего-либо, разворачивая, извлекая кусочки, частицы; копаться в чем-нибудь, создавая помехи, препятствия'.

Однако только 7% информантов осмысливают данные слова вместе, в составе одного гнезда. По-видимому, причиной тому послужили формальные различия этих слов, с одной стороны, и слабая семантическая мотивированность, с другой. Тем не менее для нас важно подчеркнуть, что этимологически слова ЗАКАВЫКА, ЗАКОВЫРИСТЫЙ, КОВЫРЯТЬ и др. - взаимосвязаны (Н.М.Шанский определяет гл. КОВЫРЯТЬ как несомненно родственный сущ. КОВА и прил. КОВАРНЫЙ /см.: Шанский, с.38/). Этот факт позволяет нам квалифицировать мотивационные варианты слова ЗАКАВЫКА как гомогенные, обусловленные единым происхождением.

Итак, подводя итоги, отметим, что в рассмотренном случае мотивационного варьирования слова ЗАКАВЫКА, отличающегося невысокой степенью семантической мотивированности, именно формальная сторона, играя системообразующую роль, организует отношения с другими словами. То есть именно морфемная форма, сохранившая в себе следы былой производимости слова, является основой его вариативной интерпретации. Хотя, надо заметить, частотность актуализации различных формальных связей зависит также и от их семантической наполненности. Но все же главное значение в данном случае имеет формальная аттракция слов.

Относительно нормативности мотивационных ассоциаций данного слова заметим, что, отражая динамику разнонаправленных (но не равноправных) тенденций мотивационного функционирования, оно лишено стереотипного ассоциативного осмысления. Однако можно выделить две мотивационные версии, претендующие на некоторую близость к норме - "КАВЫЧКА" и "ЗАКОВАТЬ, КОВАТЬ, ЗАКОВКА, ОКОВЫ". Вероятно, главенство надо отдать первой из них, ибо ее предпочло большее количество реципиентов (24/20), к тому же она имеет невариативный характер в отличие от второй мотивационной цепочки, включающей в себя 4 элемента.

ЗАБУЛДЫГА

Выше мы уже отмечали /см. с.80-82 настоящего исследования/, что данное слово в современном русском языке является частично демотивированным, утратившим ФС-связи с этимологическими родственниками вследствие выпадения из словарного состава современного русского языка исходного корневого слова БУЛА и его производных БУЛДА и БУЛДЫГА. Глубина демотивации этого слова измеряется следующими показателями: K_m - 0,36; K_o - 0,24; K_b - 1,33. Следствием такой демотивации явилось то, что в настоящий момент не все морфемы этого слова выделяются четко и значение не всех морфем известно носителям языка: после вычленения префикса ЗА- и суффикса -ЫГ- остается фрагмент БУЛД - корневая часть слова ЗАБУЛДЫГА, семантика которой не понятна информантам. Так, проблемная членимость обуславливает выделение неясного корня, и для "прояснения" последнего необходимо выявление его формальных отношений с другими лексическими единицами, ибо именно эти отношения, именно внешняя форма открывают в слове его возможные семантические связи, тем самым показывая самые "недра" его содержания, вероятные пути возникновения.

Итак, для определения ФС-связей слова ЗАБУЛДЫГА испытуемые использовали формальные сближения данного слова со следующими рядами разнокорневых лексем:

- а) БУТЫЛКА - 16%, СОБУТЫЛЬНИК - 2%, БУТЫЛЬ - 1%, ПОЛБУТЫЛКИ - 1%
- всего 20%;
- б) ЗАБЛУДИТЬСЯ - 4%, БЛУДИТЬ - 2%, БЛУД - 1%, ЛУДЕНЬ - 1%, БЛУДЛИВЫЙ - 1%,
БЛУДНЫЙ - 1%, ЗАБЛУДШИЙ - 1%
- всего 11%.

Кроме этих лексических единиц в ассоциативной статье слова ЗАБУЛДЫГА есть также ассоциаты окказионального характера, которые могут служить примером собственно словообразовательных рефлексов мотивации. Сюда мы отнесли следующие реакции: БУЛДЫЖНИК - 1%, БУЛДА - 1%, БУЛДЫГА - 1%, БУЛДЫГАТЬСЯ - 1%. В эту же группу мы включили и слово ЗАБУЛДЫЖНЫЙ, основываясь на том, что данное слово, являясь словообразовательной реакцией перспективного типа (ЗАБУЛДЫГа + Ный > ЗАБУЛДЫЖНЫЙ), не проясняет морфемно-мотивационную структуру слова ЗАБУЛДЫГА, не актуализирует связи его корня, в силу чего оно не может быть соотнесено ни с одной из выше указанных словообразовательных цепочек.

Можно заметить, что числовая мера мотивационного варианта определяет как более перспективную в нормативном аспекте первую мотивационную версию слова ЗАБУЛДЫГА. Это подтверждается и характером ее "внутреннего" варьирования - 20% ассоциаций приходится на 4 слова, в то время как ФС-связи второго словообразовательного гнезда

составляют всего 11% от общего количества ассоциаций, причем эти 11% распределяются между 7 ассоциатами, что также усиливает неустойчивый характер второй мотивационной гипотезы. На наш взгляд, такой перевес первого мотивационного варианта обусловлен большей семантической близостью слов ЗАБУЛДЫГА и БУТЫЛКА, нежели ЗАБУЛДЫГА и БЛУДИТЬ. Пересечение лексических значений слов первой из указанных пар позволяет установить ФС-связь между ними, найти семантическое соотношение актуализированной таким образом мотивационной формы слова ЗАБУЛДЫГА и его лексического значения: *"ЗАБУЛДЫГА - ...тот, кто БУТЫЛКУ любит"*. Семантическая аттракция слов второй пары - ЗАБУЛДЫГА и БЛУДИТЬ - отличается большей образностью, метафоричностью; она предполагает большее количество ассоциативных ступеней развития семантики стимула по отношению к указанному ассоциату: *"ЗАБУЛДЫГА - стившийся человек, которого можно сравнить с ЗАБЛУДШИМ человеком, потерявшим дорогу, сбившимся с правильного пути"*.

Вместе с тем в плане формальной близости отмеченные мотивационные варианты слова ЗАБУЛДЫГА основываются уже не столько на ясно ощущаемой морфемной структуре слов, сколько на их фонетическом сближении. Иными словами, ассоциации, вызванные лексемой ЗАБУЛДЫГА имеют предморфемный, "фонетический" характер; они еще только ищут свое морфемное выражение, морфемную форму, исходя из звуковой аттракции.

Таким образом, следует признать, что мотивационные связи анализируемого слова основываются на отдаленном сходстве значений и звуко-ассоциативной близости слов, воспринимаемых как родственные лексеме ЗАБУЛДЫГА, что и определило высокую степень его мотивационной вариативности.

ЗАЧУХАННЫЙ

"Чем хуже мы понимаем значение слова, тем более склонны искать разъяснения в форме" /Балли Ш., 1961, с.53/. Это положение, высказанное Ш.Балли, является своеобразной закономерностью функционирования слова, и ярким примером такого функционирования может служить МА-осмысление слова ЗАЧУХАННЫЙ. Анализ МА-поля этого слова показывает, что носители языка в стремлении уловить внутренний смысл, заключенный в слове и отраженный в его звучании, связывают это слово множеством звуко-ассоциативных цепочек с различными лексическими единицами русского языка, гетерогенными по происхождению. Мы сочли возможным выделить в ассоциативной статье слова ЗАЧУХАННЫЙ следующие группы слов, созвучных стимулу, в основу объединения которых положены законы словообразования:

- а) ЧУШКА - 18%, ЧУХ - 4%, ЗАЧУХАТЬ - 1%, ЧУХА - 1%, ЧУХАТЬ - 1%, ЧУХАТЬСЯ - 1
 ЧУХНЯ - 1% - всего 27%;
- б) ЧУМАЗЫЙ - 2%;
- в) ЗАЧАХНУТЬ - 1%, ЧАХЛЫЙ - 1% - всего 2%;
- г) ЧУЧЕЛО - 1%, ЧУЧА - 1% - всего 2%.

Возможность такой широкой мотивационной соотносительности слова ЗАЧУХАННЫЙ определяется различной направленностью его смысловых связей, обусловленной, в свою очередь, "затемненной" морфемно-мотивационной структурой этого слова. Причем морфемная членимость ЗАЧУХАННЫЙ, как можно заметить, во всех случаях одинакова (ЗА-ЧУХ-АНН-ЫЙ), меняется же мотивационная структура слова, мотивационная соотнесенность: слово в одном и том же значении ('неопрятный, грязный') соотносится с разными мотивирующими, что может быть объяснено прежде всего неясной семантикой корневой морфемы слова, - основы мотивационных отношений, - ограничивающей возможность самообъяснения значения слова. Для выявления этого значения корня испытуемые сближают анализируемое слово, его фонетическую структуру, с другими словами, семантизирующими и морфемизирующими его, наделяющими слово ЗАЧУХАННЫЙ различными корневыми морфемами (ЧУХ- / ЧУШ-, ЧУЧ-, ЧАХ-, ЧУ-), ибо любое слово может быть поставлено в любые мотивационные связи, если они способствуют прояснению его структуры, делают все его элементы значимыми и понятными носителям языка. Однако большинство таких мотивационно-ассоциативных сцепок являются низкочастотными, следовательно, неустойчивыми, во многом субъективными, что не позволяет говорить об их нормативности, независимости от индивидуальных рефлексий языковых личностей. Самая высокочастотная реакция - ЧУШКА (18%). Учитывая другие ассоциативные ответы, фиксирующие родственные указанному ассоциату слова, тем самым поддерживающие его "вес", "силу" в МА-поле стимула, данную мотивационную ассоциацию можно охарактеризовать как наиболее типичную, наиболее приближенную к ассоциативной норме слова ЗАЧУХАННЫЙ. То, что 27% из 33% (общего количества ФСА) приходится на актуализацию МА-связей слова ЧУШКА и его родственников, свидетельствует в пользу признания данной ассоциации наиболее объективной. Семантической аттракции в этом случае (ЗАЧУХАННЫЙ 'грязный' - ЧУШКА 'свинья', 'грязнуля') способствует и наибольшая звуковая близость указанных слов (ЧУХ-/ЧУШ- - исторически закрепленное звуковое чередование). Таким образом, то, что слово ЧУШКА обладают большей формальной и смысловой связанностью со стимулом, чем другие ассоциаты, обуславливает относительную устойчивость и определенность ассоциаций, актуализирующих МА-связь слова-стимула

ЗАЧУХАННЫЙ со словообразовательным гнездом, членом которого является лексема ЧУШКА.

Остальные ФСА составляют всего 6% в МА-поле слова ЗАЧУХАННЫЙ от общего количества показаний языкового сознания, и эти 6% фиксируют связи с тремя словообразовательными гнездами. Видимо, меньший процент актуализации данных ассоциатов обусловлен их большей формальной мутацией по сравнению со стимулом, нежели в ранее рассмотренном случае. Особенно сложным и проблематичным является установление формального тождества корневых частей слов ЗАЧУХАННЫЙ и ЧУМАЗЫЙ. Однако, несмотря на отдельные спорные моменты мотивационного анализа лексемы ЗАЧУХАННЫЙ, несомненным остается факт высокой мотивационной вариативности данного слова: $K_b = 1,45$. Учитывая также, что K_m этого слова достаточно низкий (0,33), а K_o , напротив, высокий (0,31), можно отметить, что мотивационно-ассоциативное осмысление слова ЗАЧУХАННЫЙ еще раз подтверждает взаимозависимость степени мотивированности слова, "узнаваемости" его морфемного состава и количества внешних ассоциаций этого слова, внешних отношений, которые данное слово устанавливает для определения своего значения, для прояснения своей структуры.

ЗАДРИПАННЫЙ

По данным этимологических словарей, прил. ЗАДРИПАННЫЙ возникло морфолого-синтаксическим способом словообразования от страд.причастия прош.вр.глагола ЗАДРИПАТЬ - 'затащить по грязи, измарать, изорвать', приставочного производного от ДРИПАТЬ - 'рвать, грязнить'. Архаизация производящего (ЗАДРИПАТЬ, ДРИПАТЬ) существенным образом повлияла на состояние мотивированности этого слова. Хотя эксперимент и зафиксировал в качестве ФСА слово ДРИПАТЬ, вряд ли правомерной будет оценка данной ассоциации, как фиксирующей в синхронии ФС-связь этимологически родственных слов, то есть как актуализации генетического: трудно предположить, что испытуемые обладают необходимыми для этого этимолого-диахронными знаниями. Скорее всего данная реакция явилась результатом словообразовательной рефлексии языковой личности, разновидностью ретроспективной мотивации, использующей достаточно регулярную словообразовательную модель (ср. ЗАЛАПАННЫЙ, ЗАХВАТАННЫЙ - 'характеризующийся явным внешним результатом, внешними следами действия, названного мотивирующим глаголом'). Поэтому мы считаем, что ЗАДРИПАННЫЙ в современной языковой системе является деэтимологизированным словом, лишенным генетических

родственников. Тем не менее то, что слово сохранило свой составной характер, а не подверглось морфемному опрощению, а также существование в современном русском языке близких ему по звучанию лексических единиц обуславливают возможность ремотивационных сближений данного слова, устанавливающих его новые смысловые соотносительности. Мы, по результатам эксперимента, выделили (помимо указанной ранее ассоциации) две мотивационные интерпретации слова ЗАДРИПАННЫЙ:

- а) ТРЕПАТЬ - 22%, ЗАТРЕПАННЫЙ - 2%, ПОТРЕПАННЫЙ - 2%, ТРЕПАННЫЙ - 1% - всего 27%;
- б) ДРАННЫЙ - 1%, ДРАТЬ - 1%, ЗАДРАННЫЙ - 1% - всего 3%.

Очевидно, что члены первой словообразовательной цепочки ближе к ассоциациям народноэтимологического типа. Движение в сторону народной этимологии подтверждает и повторяемость ассоциатов, входящих в эту цепочку (самой распространенной ответной реакцией в ассоциативной статье слова ЗАДРИПАННЫЙ является гл. ТРЕПАТЬ - 22% актуализаций позволяют квалифицировать ее как факт еще не нормативного, но уже узуализованного МА-осмысления этого слова).

Второй звуко-ассоциативный ряд, по указанию этимологов, является генетически родственным прил. ЗАДРИПАННЫЙ и, следовательно, не может рассматриваться как объект народной этимологии. Вместе с тем довольно сложно однозначно решить, достаточно ли далеко разошлись в своих значениях данные слова, перестало ли ощущаться рядовыми носителями языка их родство, уподобились ли они этимологически неродственным словам и не оказались ли вследствие этого подвержены семантической аттракции наравне с другими, этимологически неродственными словами. Уверенно можно говорить только о следующем: языковое сознание стремится использовать все возможности семантизации, поэтому информанты связывают слова ЗАДРИПАННЫЙ и ДРАННЫЙ общей семой - 'изношенный, изорванный'. Тем не менее ассоциации, актуализирующие связь этих слов, не являются регулярными (каждая из них была дана только одним испытуемым), что свидетельствует об известной субъективности данных реакций, их близости к окказиональной, авторской ремотивации. Следовательно, данные ассоциации не являются приближенными к нормативным ассоциациям слова, хотя, возможно, именно в них заложена основа будущей МА-нормы. Низкая частотность реализации связей отмеченного фрагмента словообразовательного гнезда в МА-поле ЗАДРИПАННЫЙ, на наш взгляд, определена небольшой степенью формальной общности слов ЗАДРИПАННЫЙ и ДРАТЬ (ДР-). Формальное пересечение слов первой мотивационной цепочки несколько глубже, чем в случае с гл. ДРАТЬ (ДРИП-/ТРЕП-). К тому же, вероятно, информантам легче объяснить

значение ЗАДРИПАННЫЙ 'затасканный, грязный' через значение ТРЕПАТЬ 'таскать по грязи, приводить в негодный вид небрежным обращением, небрежной ноской'.

Но, как бы там ни было, сам по себе факт появления таких ассоциаций представляется важным, так как отражает попытки носителей языка прояснить мотивированность значения слова, найти его ВФ, характеризует тяготение слова к мотивированной связи звучания и значения.

В целом можно отметить, что "сила" мотивационных ассоциаций, их частотность зависит от того, в какой мере при семантизации слова можно опереться на составляющие это слово морфемы. В данном случае архаизация производящего привела к утрате смысловой нагрузки корня, обусловив тем самым ограниченность самообъяснения слова, нарушив равновесие между его звучанием и значением, что и определило неустойчивость ассоциирования анализируемого слова, выражающегося в следующих количественных характеристиках его МА-поля: K_m - 0,31; K_o - 0,37; K_v - 0,78.

ЗАХОЛУСТЬЕ

Количество отрицательных ответов, не актуализирующих морфемно-мотивационный план слова, у данной лексемы, как и у предыдущей, больше, чем количество ответов положительных, позволяющих оценить состояние мотивированности данной лексической единицы: K_m - 0,21; K_o - 0,39. Этот факт также говорит о том, что мотивировочный признак слова ЗАХОЛУСТЬЕ утратил свою актуальность, перестал быть опорой для связи звучания и значения слова. Вследствие этого мотивированность данного слова "затемняется", перестает осознаваться носителями языка, мотивационные отношения "угасают". В этом заключается деэтимологизированный характер анализируемой лексемы, и это определяет возможность развития новых представлений о мотивационном значении слова, отличных от этимологического.

Мы уже отмечали, что в синхронии слово ЗАХОЛУСТЬЕ связывается с такими словами, с которыми его сближает отдаленное звуковое сходство и семантическое переосмысление /см. с.82-84 данной работы/:

- а) ХОЛОСТОЙ - 8%, "ХОЛОСТОЕ" - пустое место - 1% - всего 9%;
- б) ХАЛУПА - 6%;
- в) ХЛАМ - 3%;
- г) ЗАХОЛУСТНЫЙ - 1%, ХОЛУСТЬ - 1%, ХОЛУСТЬЕ - 1% - всего 3%.

Заметим, что выделение последнего словообразовательного ряда основывается на том, что данные реакции не указывают на связь между лексическим значением слова и мотивирующей семантикой, не определяют смысловое содержание корня слова ЗАХОЛУСТЬЕ; вероятно, их появление обусловлено развитой системой словообразовательных моделей русского языка.

Итак, как видно, слово ЗАХОЛУСТЬЕ может служить ярким примером реализации интерпретационных возможностей языковой системы, ибо представления о формально-семантических пересечениях этого слова в языке, выявленные в ходе эксперимента, во многом определены системными предпосылками варьирования, онтологически заданным свойством слова - уникальным корнем, смысловое содержание которого может быть определено лишь через соотнесение формы этого корня с другими, формально близкими, словами. Само же выделение корня в слове ЗАХОЛУСТЬЕ, как мы уже говорили, является следствием функциональной повторяемости префикса ЗА- и суффикса -j-, определяющих словообразовательную структуру этого слова. Однако форма корня не может быть соотнесена с другими ее родственными вариантами вследствие их отсутствия. Как правило, определение значения такого уникального корня есть одновременно и поиск его мотиватора, мотивационного значения слова, и осуществляться этот поиск может в пределах одного или нескольких словообразовательных рядов. В данном случае таких словообразовательных рядов, точнее, слов, принадлежащих к разным словообразовательным рядам (помимо отмеченных выше примеров окказионального словообразования) - три (ХОЛОСТОЙ, ХАЛУПА, ХЛАМ), причем каждое из этих слов является низкочастотным, что говорит нам о том, что слово ЗАХОЛУСТЬЕ лишено узуального стереотипа мотивационной интерпретации. Можно сказать, что все отмеченные мотивационные ассоциации слова ЗАХОЛУСТЬЕ отражают субъективное видение предмета, что выбор актуализированных мотивационных значений этого слова не поддерживается всем языковым коллективом в силу их лишь косвенного соотношения с лексическим значением слова, поэтому зафиксированные мотивационные варианты могут быть расценены как малоинформативные, неактуальные, во многом случайные. Специфику такого МА-осмысления мы усматриваем, во-первых, в отсутствии в русском языке слов, близких по фонетическому облику лексеме ЗАХОЛУСТЬЕ, которые могли бы быть опорой народноэтимологической интерпретации анализируемого слова (первый шаг по семантизации слова заключается в соотнесении/отождествлении его звуковой оболочки с формальной стороной других слов, что в нашем случае вызывает затруднения, следовательно, выделение значения мотивирующей основы и восстановление ее связи с целостной семантикой слова также представляется достаточно сложным); во-вторых, в слабой "объяснительной" способности существующих синхронных

мотивационных гипотез слова ЗАХОЛУСТЬЕ. Видимо, отсутствие формально и семантически близких слов определяет тот факт, что K_v у слова ЗАХОЛУСТЬЕ такой же, как у слова ЗАБУЛДЫГА (1,33), хотя K_m ниже, а K_o соответственно выше.

В целом следует отметить, что формальная уникальность корня и небольшая изначальная семантическая совместимость слов, вступающих в процесс аттракции, предопределяют достаточно низкий мотивационный потенциал слова ЗАХОЛУСТЬЕ, немногочисленность его живых мотивационных связей, отмеченных в синхронии, их высокую вариативность, выражающуюся в установлении этим словом формально-семантических отношений с различными разнокорневыми лексическими единицами русского языка.

* * * * *

Итак, рассмотрение мотивационных вариантов слов ЗЕМЛЯНИКА, ЗАВАЛИНКА, ЗАТЫЛОК, ЗАВТРАК, ЗАКОРЮЧКА, ЗАБУБЕННЫЙ, ЗАЛИМОНИТЬ, ЗАСТЕНЧИВЫЙ, ЗАКАВЫКА, ЗАБУЛДЫГА, ЗАЧУХАННЫЙ, ЗАДРИПАННЫЙ, ЗАХОЛУСТЬЕ позволяет говорить о неоднородности и неравноценности данных вариантов и о наличии зависимости между характером вариативности, с одной стороны, и степенью мотивированности и членимости слова, с другой. Оказалось, что такие слова, как ЗЕМЛЯНИКА, ЗАВАЛИНКА и ЗАТЫЛОК, отличающиеся четкой вычленяемостью всех значимых элементов слова (и корневых морфем, и словообразовательных аффиксов) и ясностью мотивированности значения, характеризуются значительным преобладанием стереотипного начала в своем МА-осмыслении, нормативным мотивационным функционированием. Практически здесь не было обнаружено нестандартных, неожиданных мотивационных интерпретаций, отклоняющихся от МА-стереотипов этих слов (если, конечно же, признать все "словообразовательные" ассоциации вариантом одной и той же мотивационной ассоциации). Коэффициенты вариативности у данных слов небольшие, и это определяет "крепость", "силу" их МА-нормы. То, что ассоциации, вызванные указанными словами, явились общераспространенными, то есть то, что большинство испытуемых актуализировали именно стандартную мотивацию этих слов, говорит о ее стабильности, узуальности и объективности.

Однако характер варьирования МА-нормы даже в пределах отмеченной группы слов неодинаков, и это обусловлено тем, что вариативность является реализацией интерпретационных возможностей слова как единицы системы при ее функционировании, а такие возможности у различных слов разные. Во многом вариативная интерпретация слова

зависит, как мы отмечали, от "словообразовательных" потенций этого слова, то есть возможности актуализации различных направлений его мотивационных связей в рамках одного словообразовательного гнезда. Причем особо важными факторами реализации этих потенций мы определили, во-первых, позицию слова в словообразовательной цепочке и, шире, - словообразовательном гнезде и, во-вторых, количественный состав словообразовательного гнезда, членом которого является данное слово. Предполагается, что именно эти факторы определили больший K_v слова ЗАВАЛИНКА по сравнению с K_v слов ЗАТЫЛОК и ЗЕМЛЯНИКА, так как в мотивационном объяснении слова ЗАВАЛИНКА, то есть в объяснении связи его формы и значения, могут принимать участие все лексемы, составляющие его словообразовательное гнездо (а их множество), отражая тем самым объективно существующие формально-семантические отношения данного слова с его однокорневыми родственниками. Лексема ЗАТЫЛОК, напротив, входит в словообразовательное гнездо, характеризующееся немногочисленностью составляющих его элементов, в силу чего данное слово не может отличаться обширностью своих мотивационных связей. Существительное же ЗЕМЛЯНИКА, самое стабильное и однородное с точки зрения наличия мотивационных вариантов, так же как и ЗАВАЛИНКА, входит в словообразовательное гнездо с достаточно большим количеством слов, однако то, что данное слово занимает только третье место в словообразовательной цепочке (следовательно, только две предыдущие словообразовательные ступени могут дать наиболее полное его мотивационное - семантическое - объяснение), а также то, что это слово характеризуется сильной семантической мотивированностью (что определяет небольшой разброс и наличие высокочастотных реакций), обуславливает низкий уровень его вариативности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что самыми значимыми факторами вариативности формально-семантической интерпретации слов, обладающих ясной членимостью, являются, во-первых, степень семантической мотивированности, семантической "прозрачности" формальной структуры слова, а во-вторых, наличие словообразовательных связей, фиксируемых в границах словообразовательного гнезда, которые могут быть использованы для МА-осмысления анализируемого слова. Как правило, среди последних (среди "словообразовательных" мотивационных ассоциаций) наиболее высокочастотными являются те, которые способны точнее объяснить семантику слова-стимула.

В отличие от рассмотренных лексических единиц остальные слова, проанализированные ранее, характеризуются частичной десемантизацией компонентов и связанной с этим частичной демотивацией слов в целом. Точнее, такие слова как ЗАБУБЕННЫЙ, ЗАКОРЮЧКА, возможно, ЗАСТЕНЧИВЫЙ и ЗАКАВЫКА отличаются более или менее легкой вычленяемостью своих корневых морфем и более или менее ясным

их значением. Однако, как мы уже отмечали, семантическая соотнесенность этих корней со значением слов в целом на синхронном уровне несколько ослаблена, тем не менее возможность ее восстановления, актуализации предрешена тем, что она не совсем утрачена, а лишь "застыла" в форме этих слов. Данная семантическая соотнесенность, семантическая связь указанных слов с их производящими "может находиться как бы на поверхности языковой единицы, но часто уходит вглубь ее содержания, оставляя на поверхности языковой единицы более или менее явные следы (признаки), которые могут вести к истокам данной единицы" /Плотников Б.А., 1984, с.114/. Нам представляется, что то, какие именно "следы" семантической, формально-генетической связи "оставлены на поверхности" слова, определяет характер его варьирования.

Конечно, квалификация состояния мотивированности, ее вариативности в каждом конкретном слове этой группы представляет собой сложную задачу вследствие того, что их мотивационная характеристика определяется целым рядом факторов, действие которых бывает переплетено очень тесно. Тем не менее можно отметить, что одним из важнейших факторов, влияющих на состояние вариативности мотивированности данных слов, характеризующихся частичной десемантизацией, является возможность проявления в синхронии наряду с актуальными синхронно-функциональными связями слов (часто с гетерогенными лексическими единицами) их этимологических отношений, фиксирующих генетическую связь плана выражения и плана содержания этих лексических единиц. Иными словами, то, насколько понятна "близкая" (то есть круг родственных слов) и прозрачна "далекая" диахрония (этимология) данных лексем, во многом обуславливает их возможные мотивационные связи, определяет стандартность мотивационных реализаций или возможность отступлений от них (причем эти отступления не оцениваются как аномалии).

Как правило, нормативным МА-осмыслением характеризуются те слова, чьи синхронно-функциональные связи, базирующиеся на семантической аттракции близких по звучанию единиц, является более актуальными, чем связи формально-генетические (так называемые случаи народной этимологии). То, что структура этих слов все же содержит элементы генетического, обуславливает возможность вариативности их мотивации, актуализации помимо синхронных формально-семантических отношений слова его этимологических пересечений, хотя обычно такие пересечения отличаются немногочисленностью и единичностью (ср. ЗАКОРЮЧКА - КОРЯВЫЙ [5%], КОРЯГА[1%], КОРЕЖИТЬСЯ[1%], КОРЧИТЬСЯ[1%]; данное слово может служить иллюстрацией вышесказанному в том случае, если принять за основу его генетической интерпретации этимологическую гипотезу Н.М.Шанского).

Заметим также, что стереотипная мотивация в этой группе слов может быть связана не только с народноэтимологическим переосмыслением, но и с возможностью восстановления генетического начала слова, его этимологического мотиватора, если он обладает достаточно большим семантическим потенциалом, то есть способен объяснить значение своего мотивата (ср. ЗАСТЕНЧИВЫЙ - СТЕНА). Вариативность в этом случае может возникнуть вследствие выделения в слове различных формальных отрезков, наполненных различным содержанием (ср. ЗАСТЕНЧИВЫЙ: СТЕНА и ТЕНЬ).

Если же синхронно-функциональная мотивационная структура слова, как и его формально-генетическая соотнесенность не достаточно ясны и мотивационный потенциал этого слова не достаточно высок, то оно характеризуется актуализацией всех возможных направлений его ФС-связи, в силу чего, как правило, его мотивационное функционирование не отличается стереотипностью, нормативностью или, в некоторых случаях (см. ЗАБУБЕННЫЙ), может быть признано нормой существование нескольких мотивационных вариантов. Большое значение в мотивационном осмыслении таких слов приобретает присутствие в языке неродственных им лексем, с которыми данные слова роднило бы фонетическое сходство и сближало бы семантическое переосмысление. В зависимости от наличия таких созвучных "мотиваторов" и степени их семантической общности с "мотиватами", МА-осмысление слова характеризуется большей или меньшей близостью к нормативности, к народноэтимологической ремотивации.

Относительно форм проявления вариативности этих слов отметим, что данные слова, актуализируя ФС-связи как с исконно родственными словами, так и с синхронно созвучными, имеют как гомогенные (ЗАСТЕНЧИВЫЙ: СТЕНА и ТЕНЬ; ЗАКАВЫКА: КАВЫЧКА, КОВАТЬ и КОВЫРЯТЬ...), так и гетерогенные (ЗАКОРЮЧКА: КРЮЧОК и КОРЯВЫЙ; ЗАБУБЕННЫЙ: БУБЕН и БУБНЫ...) мотивационные варианты, которые, в свою очередь, могут иметь "словообразовательную" вариативность (ЗАКАВЫКА: ЗАКОВЫРКА, ЗАКОВЫРИСТЫЙ, ПОДКОВЫРКА, КОВЫРЯТЬ), а могут и не иметь ее (ЗАКАВЫКА - КАВЫЧКИ).

Итак, указанные слова отличаются достаточно высоким K_m , сравнительно низким K_o и повышенным, по сравнению с лексемами первой группы, K_v . Мы полагаем, что величина K_v слов ЗАБУБЕННЫЙ, ЗАКОРЮЧКА, ЗАСТЕНЧИВЫЙ и ЗАКАВЫКА обусловлена самой языковой системой, ее стремлением к эпидигматическим сближениям, обеспечивающим синхронно актуальные формально-семантические интерпретации слов, с одной стороны, и возможностью реализации этимологических пересечений этих слов, закрепленных на уровне их формы, с другой. Можно сказать, что первостепенным фактором, обуславливающим вариативность названных слов, является именно формальная их сторона, ее семантическое

"многоголосие", дающее возможность формального отождествления данных слов с различными лексическими единицами, поскольку определение семантической соотнесенности слова возможно только через его форму. То есть именно формальная сторона слова, играя системообразующую роль, организует отношения с другими словами. Однако "семантика не пассивна в этих вопросах и в окончательном выборе мотиватора она играет решающую роль" /Голев Н.Д., 1989, с.120/. Характер мотивационного ассоциирования свидетельствует, что частотными ассоциациями являются именно те, которые отличаются наибольшей формальной близостью стимулу и наиболее полным семантическим обеспечением этой формальной близости.

Таким образом, то, что слово несет в себе следы своего происхождения и в то же время зависит от других лексических единиц, определяет возможность его синхронно-вариативной интерпретации.

Следующие лексические единицы, которые могут быть также объединены в отдельную группу, отличаются условным характером членимости и семантической опрошенностью. Сюда мы отнесли лексемы ЗАБУЛДЫГА, ЗАЧУХАННЫЙ, ЗАДРИПАННЫЙ и ЗАХОЛУСТЬЕ. Данные слова в настоящее время утратили семантическую соотнесенность со своими историческими производящими, но сохранили в своем составе элементы, выражающие грамматическое значение и легко вычлняющиеся при делении слова на морфемы. В морфемной структуре указанных слов выделяются приставка ЗА- и суффиксы -ЫГ-, -АН-, -Н-, -j-, однако рассматриваемые лексемы " не удовлетворяют основному требованию, предъявляемому производным словам <...>: у них отсутствует смысловая соотнесенность с производящим" /Аркадьева Т.Г., 1990, с.22/. Корневые морфемы этих слов не ясны, определить их семантику довольно трудно, поэтому мотивационное ассоциирование, вызванное этими словами, основывается не столько на морфологических, сколько на звуковых сближениях, звуко-ассоциативном ряде; они как бы только "ищут" свое морфемное выражение, свою значимую форму, исходя из звуковой аттракции, в отличие от слов предыдущих типов, которые устанавливают свои мотивационные отношения на основе своей морфемной формы (несмотря на то, что в отдельных случаях выделение корня данных слов имеет вариативный характер - см., напр., ЗАСТЕНЧИВЫЙ: СТЕН- и ТЕН-, все же в силу сохранения морфемной членимости и семантики корня мотивированность данных слов мы отнесли к морфологическому типу, ибо ее носителем выступает именно корневая морфема как элемент, несущий в себе единство значимой формы и формально выраженного значения). Следствием установления мотивационных отношений на основе отдаленного сходства значений и звуко-ассоциативной близости слов является широкая мотивационная соотнесенность лексем ЗАБУЛДЫГА,

ЗАЧУХАННЫЙ, ЗАДРИПАННЫЙ, ЗАХОЛУСТЬЕ. Такой широкий "разброс" мотивационных ассоциаций определяется различной направленностью смысловых связей данных слов, что, конечно же, обусловлено их "затемненной" морфемно-мотивационной структурой. Как правило, мотивационно-ассоциативные цепки этих слов характеризуются низкой частотностью, что не позволяет причислить их к объективным и нормативным мотивационным ассоциациям. В данном случае мы можем говорить только о приближенности самых частотных из них к нормативному МА-осмыслению слова. И опять же таким качеством отличаются именно те ассоциаты, которые обладают большей формальной и семантической связанностью со словом-стимулом, чем другие формально-семантические реакции (ср. ЗАЧУХАННЫЙ: ЧУШКА и ЧУМАЗЫЙ, ЗАДРИПАННЫЙ: ТРЕПАТЬ и ДРАТЬ). Если же корневая морфема слова формально и семантически уникальна, то есть если она не имеет формально близких вариантов, способных объяснить семантику стимула, то мотивационные ассоциации данного слова будут характеризоваться низкочастотностью, субъективностью, уникальностью, приближенностью к окказиональной авторской ремотивации (см. мотивационные ассоциации слова ЗАХОЛУСТЬЕ). В том случае, если лексема имеет в русском языке несколько слов, в равной степени близких ей по фонетическому облику, но различающихся по семантической совместимости, она может актуализировать несколько мотивационных вариантов, и более близким к нормативности будет тот, который предполагает меньшее количество ассоциативных ступеней для установления семантической связи со стимулом (см. ЗАБУЛДЫГА: БУТЫЛКА и ЗАБЛУДИТЬСЯ).

Таким образом, можно отметить, что слова данной группы обнаруживают различные направления нестандартной мотивационной интерпретации, отклоняющиеся от стереотипного МА-осмысления, причем данные отклонения являются следствием актуализации системных параметров знака (условного характера его членности и слабой семантической мотивированности или полного отсутствия таковой).

В целом, рассмотрев мотивационные варианты слов, отличающиеся друг от друга различным мотивационным потенциалом, мы пришли к возможности выделения двух зон мотивационного варьирования лексических единиц русского языка. Первая зона - зона слабого (минимального) варьирования МА-нормы. В эту зону мы включили слова, мотивация которых подвержена только "словообразовательному" варьированию, то есть мотивационное варьирование осуществляется в пределах одного словообразовательного гнезда (например, лексемы первой группы). По сути, данные слова имеют только одну мотивационную ассоциацию, представленную в вариантах грамматического (словообразовательного, гомогенного) типа. Как правило, лексические единицы,

вызывающие такие мотивационные ассоциации, отличаются четкой морфемной членимостью и высоким мотивационным потенциалом. Во вторую зону - зону сильного варьирования - входят слова, имеющие несколько мотивационных версий, взаимоисключающих друг друга. Обычно это лексемы, сохранившие членимость, но утратившие семантическую соотнесенность со своими производящими (например, слова второй и третьей группы). Семантическая ослабленность мотивированности данных слов и возможные затруднения при определении их корневых морфем обуславливают понижение мотивационного потенциала этих лексических единиц и повышение их мотивационной вариативности, что выражается в разнообразной формально-семантической интерпретации этих слов в пределах нескольких словообразовательных гнезд (гетерогенного или гомогенного происхождения).

Такое разграничение сильных и слабых зон мотивационного варьирования в современном русском языке имеет, конечно же, приблизительный, а не абсолютный характер, ибо вариативность некоторых конкретных слов-стимулов с трудом поддается однозначной мотивационной интерпретации и квалификации. Например, такие слова, как проанализированные выше ЗАВТРАК и ЗАЛИМОНИТЬ, характеризующиеся высоким K_m , отличаются тем, что при ясном присутствии формальной связи между данными стимулами и их ассоциатами ЗАВТРА и ЛИМОН трудно вычленить семантическое основание для мотивационного объединения этих слов: в основе формально-семантической общности таких слов находятся трудно поддающиеся определению в синхронии дифференциальные признаки их значений, которые в свое время были положены в основу данных наименований. По сути указанные слова находятся на грани предела варьирования мотивации по семантике (как известно, пределом варьирования по семантике является омонимия). С другой стороны, причисленная нами к мотивационным ассоциативная сцепка ЗАВТРАК - УТРО, основывающаяся на ясной семантической связи и достаточно спорной связи формальной, отражает близость мотивационного ассоциирования данного слова к пределу варьирования мотивации по форме (пределом формального варьирования является синонимия). Поэтому мотивационные ассоциации данных слов могут быть рассмотрены, с одной стороны, как ассоциации, актуализирующие ФС-связи однокорневых слов, а с другой стороны, как ассоциации, фиксирующие отношения разнокорневых слов. Из сказанного следует, что мотивационное варьирование отдельных лексем невозможно оценить однозначно как сильное или слабое, максимальное или минимальное. Однако в целом, если рассматривать не отдельные слова, а определенные "мотивационные" разряды лексики современного русского языка, различающиеся степенью мотивированности и членимости, можно говорить о наличии зависимости между характером вариативности (слабой или

сильной) и причинами ее появления (ясной морфемно-мотивационной структурой слова и "затемненным" морфемным строением слова, его низкой семантической мотивированностью). Данную зависимость подтверждает и исследование полей нормы и антинормы, предполагающее обращение к K_M и K_O . Анализ этих показателей и K_B различных слов позволяет сделать вывод о наличии обусловленности варьирования слова его мотивационным потенциалом, ибо мы обнаружили существование обратной пропорциональной зависимости между показателем нормативного МА-осмысления (K_M) и показателями антинормы (K_O) и вариативности нормы (K_B): чем выше K_M , тем ниже K_O и K_B и, наоборот, чем ниже K_M , тем выше K_O и K_B .

	Слово-стимул	K_B	K_M	K_O	Количество ФС- ассоциатов в словарной статье	Количество словообразователь- ных гнезд и их частотная соотнесенность	Гетерогенная или гомогенная природа ассоциаций
Слабое варьирование	ЗЕМЛЯНИКА	0,03	0,93	0,01	3	1	Гомогенная

Сильное варьирование	ЗАТЫЛОК	0,05	0,78	0,08	4	1	Гомогенная
	ЗАВАЛИНКА	0,13	0,83	0,06	11	1	Гомогенная
	ЗАВТРАК	0,05	0,79	0,15	2	2 [75/4]	Гомогенная
	ЗАЛИМОНИТЬ	0,07	0,68	0,11	5	1	Гомогенная
	ЗАКОРЮЧКА	0,20	0,79	0,06	8	2 [71/2]	Гетерогенная
	ЗАБУБЕННЫЙ	0,26	0,70	0,18	9	2 [38/32]	Гетерогенная
	ЗАСТЕНЧИВЫЙ	0,48	0,68	0,13	11	3 [48/16/4]	Гомогенная
	ЗАКАВЫКА	0,53	0,51	0,27	9	3 [24/20/7]	Гомогенная
	ЗАДРИПАННЫЙ	0,78	0,31	0,37	8	3 [27/3/1]	Гетерогенная
	ЗАБУЛДЫГА	1,33	0,36	0,24	16	3 [21/11/4]	Гетерогенная
	ЗАХОЛУСТЬЕ	1,33	0,21	0,39	7	4 [9/6/3/3]	Гетерогенная
	ЗАЧУХАННЫЙ	1,45	0,33	0,31	12	4 [27/2/2/2]	Гетерогенная

(Анализ показателей мотивационной вариативности всех слов “Мотивационно-ассоциативного словаря” см. в Таблице 2 Приложения II).

Таким образом, рассмотрев результаты эксперимента, мы пришли к заключению о том, что мотивационное варьирование слова зависит от системных тенденций его развития, от близости этого слова к двум полюсам такого развития (полюсу мотивированности и полюсу демотивированности), определяющей его мотивационный потенциал, то есть его мотивационную валентность, отражающую возможность формально-семантического варьирования слова в системе языка. Понятие мотивационного потенциала позволяет прогнозировать возможные мотивационные связи и направления актуализации морфемно-мотивационного плана лексических единиц, определяет стандартность мотивационных реализаций слова, стабильность его МА-нормы (при высоком мотивационном потенциале, высокой степени мотивированности и членимости) или ее вариативность, наличие нестандартных, индивидуальных, неожиданных мотивационных интерпретаций (при низком

мотивационном потенциале, условном характере членимости, десемантизации отдельных компонентов слова или его полной семантической опрошенности).

В целом следует признать, что статус МА-нормы, ее функциональное варьирование, с одной стороны, обусловлены системными языковыми предпосылками, системно заданными возможностями использования мотивационного потенциала слова, а с другой стороны, вариативность МА-нормы, реализуя этот потенциал, сама обуславливает мотивационную динамику слова и, следовательно, динамику (функционирование) всей языковой системы. Данный факт еще раз говорит нам о целесообразности системно-функционального анализа мотивационного потенциала слова.

ВЫВОДЫ

Экспериментальные исследования и приведенные выше теоретические соображения дают основание для следующих выводов.

1. МА-норма выявлена на основе материала, полученного в ходе лингвистического эксперимента, что позволяет рассматривать ее как объективный факт языка. По сути МА-норма представляет собой объективизацию представлений носителей русского языка о мотивационных связях лексических единиц, объективизацию некоторых спорных фактов современной мотивологии.

МА-норма является ассоциативным стереотипом, отражающим восприятие морфемно-мотивационной структуры слова и проявляющимся в относительно стабильном воспроизведении формально-семантических реакций на это слово. МА-норма объективна, ибо системно обусловлена.

МА-норма, ориентируя на наиболее частотные реакции, дает возможность исследующим и изучающим русский язык определить реально существующие мотивационные корреляции между словами, место слова-ассоциата в МА-поле, степень близости его к слову-стимулу. МА-норма фиксирует наиболее типичные, легко актуализируемые мотивационные связи слов. Возможно, МА-норма наряду с "отпечатками" других единиц языка входит в "языковую память" и составляет мотивационно-ассоциативную базу русской лексики. В силу этого разработка теоретической основы изучения МА-нормы имеет большое значение для коммуникативного направления современной лингвистики, так как МА-норма позволяет определить потенциальное

воздействие на языковую личность слова вообще и художественного в частности. Таким образом, МА-норма является инструментом изучения процессов восприятия языкового материала, механизмов языкотворческой деятельности.

2. МА-норма не является жесткой языковой моделью, ей не присуща идея долженствования; отступление от МА-нормы не считается аномалией, ошибкой, так как не означает выхода за пределы возможностей, предоставляемых языковой системой, оно - следствие актуализации того, что реально существует в языке или того, что в нем может быть.

МА-норма динамична, как динамичен весь язык. Изучение эволюции МА-нормы будет способствовать определению основных тенденций мотивационного развития лексических единиц и, шире, языка в целом.

Динамика развития и функционирования МА-нормы связана с существованием на определенном синхронном срезе развития языка в рамках одного языкового коллектива множества мотивационных вариантов слова, объединенных на основе их общих со словом-стимулом формально-семантических свойств. Следовательно, МА-норма является динамической структурой в диапазоне определенного инварианта – приближенности/удаленности к слову-стимулу по форме и семантике.

3. Мотивационная вариантность слова представляет собой узел сложных и изменяющихся взаимоотношений между общим и частным, узуальным и окказиональным. Проблема варьирования, таким образом, может быть рассмотрена как проявление индивидуальности языковой личности и как следствие реализации системно заданных возможностей использования мотивационного потенциала лексической единицы.

Мотивационное варьирование слова является также следствием исторического развития слова, его эволюции от полюса мотивации к полюсу демотивации и, наоборот, от полюса демотивации к полюсу мотивации/ремотивации. Поэтому стадия мотивационного варьирования, предполагающая сосуществование нескольких мотивационных вариантов у одного слова, его старого и нового "мотивационного" качества, - необходимый этап перестройки элементов языковой системы. Ср.: "Процесс изменения и развития языка, определяемый в конечном счете потребностями общения людей, осуществляется в процессе бесконечного использования, отбрасывания, отбора, создания различных вариантов, словом, в ходе бесконечного варьирования" /Солнцев В.М., 1984, с.41/.

4. Мотивационная вариантность слова обусловлена такими его системными параметрами, как степень мотивированности и членимости. Наиболее "крепкими" в нормативном аспекте являются те лексические единицы, которые отличаются высокой степенью семантической мотивированности и ясным морфемным строением. Такие лексемы, как правило, подвержены только "словообразовательному" варьированию, то есть их мотивационное варьирование осуществляется в пределах одного словообразовательного гнезда. Можно признать, что данные слова имеют только одну мотивационную ассоциацию, представленную в вариантах словообразовательного типа, и входят в зону минимального, слабого варьирования МА-нормы, не нарушающего ее стабильности.

Наиболее склонны к мотивационному варьированию слова с ослабленной семантической мотивированностью, а также семантически опрошенные слова с "затемненной" морфемной структурой. Последние в наибольшей степени подвержены разнообразным и неожиданным мотивационным интерпретациям (если сильномотивированные слова дают целые серии высокочастотных формально-семантических реакций, то здесь создаются, как правило, единичные мотиваторы, характер формально-семантических пересечений с которыми в каждом конкретном случае неповторимо своеобразен). Отмеченные лексемы проявляют способность к актуализации формально-семантических отношений с несколькими разнокорневыми словами, несколькими словообразовательными гнездами, то есть имеют несколько мотивационных гипотез, обычно обладающих свойством взаимоисключения. Эти лексические единицы образуют зону максимального, сильного мотивационного варьирования и характеризуются ослабленным нормативным МА-осмыслением или в некоторых случаях (при полной десемантизации слова и условном характере его членимости) отсутствием нормативности, узувальной стереотипности мотивационных интерпретаций.

Эксперимент установил, что лексические единицы, отличающиеся друг от друга "прозрачностью" или "затемненностью" своего морфемного строения, легким или затрудненным характером выделения корневой морфемы, различаются и характером мотивационного ассоциирования, ибо в случае если форма слова понятна носителям языка, именно морфема является базой его мотивационной интерпретации, мотивационного варьирования. Если же корень не ясен и трудно выделим, основой мотивационного варьирования становится не морфема, а звуко-ассоциативное сближение слов, отражающее поиск значимой формы, намечающее морфемный план слова и тем самым фиксирующее начало формирования морфемно-мотивационной структуры слова.

5. Обращение к K_m и K_o как показателям нормы и антинормы и к K_b как показателю частотных "сгущений" в МА-поле, отражающему наличие разнокоренных частот в ассоциативной статье, по которым распределяются все реакции, подтверждает существование зависимости между характером вариативности (минимальной и максимальной, слабой и сильной) и мотивационным потенциалом слова, ибо чем выше K_m и ниже K_o (высокий K_m и низкий K_o характерны для высокого мотивационного потенциала), тем ниже K_b , и, наоборот, чем ниже K_m и выше K_o (низкий K_m и высокий K_o характерны для низкого мотивационного потенциала), тем выше K_b .

6. Основываясь на вышеизложенном, мы пришли к выводу о двойственной (системно и функционально обусловленной) природе МА-нормы, ибо системными предпосылками МА-нормы являются онтологически заданные свойства мотивированности и членимости слова и возможность эпидигматических, формально-семантических пересечений слова в языке. Данные предпосылки МА-нормы создают возможность прогнозирования характера варьирования МА-нормы при функционировании слова в коммуникативном процессе. Тем не менее именно функционирование МА-нормы реализует мотивационный потенциал слова и, следовательно, определяет его мотивационное развитие. Таким образом, варьирование МА-нормы зависит от мотивационного потенциала слова и в то же время реализует этот потенциал, следовательно, варьирование обусловлено потенциалом мотивационного функционирования и само обуславливает его.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование потенциала мотивационного функционирования лексических единиц, разнообразных в мотивационном отношении, является одним из этапов построения целостной модели лексической мотивации в русском языке на системно-функциональной основе. Разработка соответствующей методики экспериментального сбора языкового материала, фиксирующего мотивационные связи русских слов, их лексикографическое описание рассматривается нами как база для мотивологического анализа всего лексического корпуса русского языка.

Исследование потенциала мотивационного функционирования слова, его выявление осуществляется в работе с опорой на языковые рефлексии носителей языка, представляющие собой основной источник получения языкового материала, поскольку функционирование мотивированности слова предполагает осознание носителями языка рациональности связи его звучания и значения. Функциональный анализ мотивационных потенций, поиск условий их актуализации требует обращения к аспекту восприятия формы и семантики слова в их взаимосвязи и взаимосоответствии, к изучению мотивационных ассоциаций лексических единиц, являющихся результатом такого восприятия, МА-потенциала слова как основы его формально-семантической интерпретации. Мотивационные ассоциации, таким образом, рассматриваются нами как следствие активности языкового мышления субъекта речи, средство передачи носителем языка мотивационных интенций на ассоциативном уровне, отражение его языковой способности. В то же время мотивационное ассоциирование как естественная деятельность языкового сознания, осмысление языковой личностью мотивационных отношений слов основывается и на объективно существующих языковых формально-семантических связях. Последнее предоставляет возможность рассмотрения мотивационного ассоциирования как проявления собственно языковой активности, направленной на реализацию системных потенций языка. При таком подходе языковое сознание выступает лишь как "регистратор" самоосуществляющихся мотивационно-ассоциативных процессов. Признавая присутствие обоих детерминантов мотивационно-ассоциативной деятельности (мотивационные ассоциации являются следствием активности и языкового сознания субъекта речи и собственно языка), настоящая работа ограничивается изучением языковых механизмов мотивационного ассоциирования: нами исследуются системно заданные потенции использования свойства мотивированности слова, возможность его порождения, конструирования в естественной речевой деятельности. Показания языкового сознания используются в работе как средство выявления потенций мотивационного функционирования лексических единиц. Обнаружение показаний языкового

сознания, осмысления носителями языка мотивированности различных слов осуществляется в условиях специального ассоциативного эксперимента, содержащего установку на ассоциативную деятельность, связанную с формальным планом слова. При создании такой установки могут быть использованы разные стратегии ассоциирования, актуализирующие те или иные стороны мотивационно-ассоциативной деятельности: возможна постановка задачи выделить корень слова, указать родственные ему слова или слово, от которого оно образовано, возможен установочный вопрос "Почему так, а не иначе названо явление, (предмет), обозначаемое словом?" и т.д. Нами используется установочный текст, содержащий примеры мотивационных отношений слов, примеры-анalogии. Мы полагаем, что данная форма установки актуализирует стратегию наиболее "непроизвольного" ассоциирования, она в большей мере, чем другие формы, удалена от актуализации метаязыкового компонента сознания, основана на интуитивном ощущении языковой личностью мотивационных связей слова, на природном "чутье" корня, что, на наш взгляд, повышает объективность и надежность данных мотивационно-ассоциативного эксперимента. В дальнейшем представляется значимым углубление уровня ассоциирования с помощью дополнительного задания объяснить возникшие ассоциации, а также дифференциация результатов мотивационно-ассоциативной деятельности по линии варьирования примеров-анalogий или варьирования установок. На данном этапе работы мы ограничились апробацией одной методики мотивационно-ассоциативного эксперимента, что позволило нам получить более или менее "однородный" ассоциативный материал. На основе методики с установочным текстом нами был собран значительный массив ассоциативных полей, образуемых лексическими единицами русского языка различных типов, разработан способ лексикографического описания материала и создан фрагмент "Мотивационно-ассоциативного словаря", в который вошло около 9000 слов-ассоциатов, представляющих собой реакции на 107 слов-стимулов. Создание такого словаря – главный результат исследования. Его теоретическая значимость определяется важной ролью лексикографии как инструмента исследования языка, способа его познания, а также возможностью практической верификации некоторых теоретических положений мотивологии на большом фактическом материале. Мы полагаем, что изучение данных "Мотивационно-ассоциативного словаря" будет способствовать решению некоторых лексикологических и лексикографических проблем, формированию новых научных разработок и положений в сфере исследования мотивационных процессов, мотивационного функционирования русской лексики, методик ассоциативных экспериментов, а также механизмов языкотворческой деятельности и прежде всего механизма восприятия формальной стороны языковых единиц.

“Мотивационно-ассоциативный словарь” предоставляет базу для многоаспектного изучения мотивационных ассоциаций. В настоящей работе речь шла лишь о некоторых аспектах изучения мотивационного ассоциирования, представляющихся нам одними из наиболее важных для исследования динамики мотивационного функционирования различных лексических единиц. Мотивационные ассоциации анализировались нами в синхронно-диахронном и нормативно-вариативном аспектах.

Синхронно-диахронный анализ лексических единиц предполагает рассмотрение их актуального мотивационно-ассоциативного осмысления, изучение закономерностей их синхронного мотивационного функционирования в сопоставлении с историческим материалом, с учетом корней возникновения мотивированности и тенденций ее развития. Такой подход позволил увидеть диахронную и синхронную мотивационную систему языка в их взаимосвязи, отражающей соотношение процесса формально-семантического развития слова и его результата – современного мотивационного функционирования слова, синхронного состояния его мотивированности. То, что прошлое и настоящее в слове слиты воедино, перетекают одно в другое, обуславливает возможность создания синхронной гипотезы деэтимологизации слова, основывающейся на синхронно-функциональном ощущении его генезиса. Для исследования такой возможности нами была рассмотрена корреляция этимологического поля слова и его МА-поля. Данные “Мотивационно-ассоциативного словаря” позволили сделать следующее заключение: чем сильнее слово изменило свою морфемно-мотивационную структуру, чем ниже степень его синхронной мотивированности и членимости, чем более нечетко этимологическое поле слова по количеству гипотез о его происхождении, по характеру модальности в их оценке, тем более нечетко его ассоциативное поле, тем ниже коэффициент его мотивационности, выше процент отрицательных ответов, больше разброс реакций, значительнее формальная и семантическая мутация ассоциатов. Таким образом, обращение к истории слова позволяет объяснить тенденции его современного мотивационного функционирования, увидеть динамику мотивационных связей лексических единиц русского языка в их ретроспективе и перспективе, определить корреляцию исторически обусловленных системных характеристик слова (таких, как степень членимости и мотивированности) и его синхронных функциональных потенциалов.

Указанные системные, онтологические характеристики слова коррелируют и с его вариативно-интерпретационной валентностью, с его близостью к нормативному мотивационно-ассоциативному осмыслению. Постановка проблемы МА-нормы русских слов как ассоциативного стереотипа, отражающего восприятие морфемно-мотивационной структуры слова и проявляющегося в относительно стабильном воспроизведении

формально-семантических реакций на него, исследование синхронно-релевантных, актуальных для большинства носителей языка мотивационных связей, а также не реализованных мотивационной нормой функциональных потенций лексических единиц осуществляется нами при нормативно-вариативном анализе мотивационных ассоциаций. Изучение мотивационной нормативности лексических единиц позволило выявить закономерности процесса формирования и функционирования мотивационно-ассоциативных стереотипов или отклонений от них, исследовать зависимость мотивационной вариативности слова, выражающейся в существовании на определенном срезе развития языка в рамках одного языкового коллектива множества мотивационных вариантов слова, от системно заданных возможностей использования его мотивационного потенциала. Нами обнаружено, что наиболее нормативными являются те единицы, которые характеризуются высокой степенью семантической мотивированности и ясным морфемным строением. Мотивационное варьирование таких лексем, осуществляемое, как правило, в пределах одного словообразовательного гнезда с гомогенными лексическими единицами, мы определили как слабое, представляющее одну мотивационную ассоциацию в вариантах словообразовательного типа. Сильное мотивационное варьирование, способность к установлению формально-семантических отношений с гетерогенными лексическими единицами, снижающая нормативность в мотивационно-ассоциативном осмыслении слова, характерна для лексических единиц с ослабленной семантической мотивированностью, а также для семантически опрощенных слов с "затемненной" морфемной структурой. Выявленная корреляция системных и функциональных свойств лексической единицы (свойства мотивированности и членимости слова и его функциональных мотивационных проявлений) позволяет утверждать, что специфику мотивационного функционирования слова целесообразно определять в единстве функционального и системного аспектов исследования.

Таким образом, мы полагаем, что вполне оправданным будет вывод о действенности изучения мотивационных явлений языка при совмещении системной и функциональной лингвистики, ибо потенциал мотивационного функционирования слова во многом зависит от его системных свойств, от того, в какой мере при семантизации и мотивизации слова в речевой практике можно опереться на возможность "самообъяснения" его значения, в большой степени определяющуюся очевидностью и узнаваемостью составляющих слово морфем.

В целом отметим, что анализ результатов диссертационного исследования показал эффективность соединения лексикографической практики и языковедческой теории как методологического подхода к изучению проблем мотивации лексических единиц русского

языка. Синтез различных аспектов теоретического изучения явления мотивации (синхронного и диахронного, нормативного и вариативного, системного и функционального) позволил выявить диалектический характер мотивационной системы русского языка, обладающей во многом полярными свойствами и характеристиками, антиномиями универсального и индивидуального, осознанного и произвольного, нормативного, стабильного, упорядоченного и вариативного, изменчивого, непостоянного. Материалы “Мотивационно-ассоциативного словаря” предоставляют достаточную фактическую базу для исследования противоречивых моментов явления мотивации, анализа формально-семантических связей слов как одного из участков сложного ассоциативного устройства языковой системы.

Итак, разработанная методика экспериментального сбора материала и его лексикографического описания, а также предложенный в работе анализ мотивационных ассоциаций в синхронно-диахронном и нормативно-вариативном аспектах создают основу для дальнейшего многоаспектного изучения мотивационных ассоциаций, в том числе в заявленных направлениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Аддиванкин С.Ю., Мурзин Л.Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст. - Пермь, 1984. - с.3-13.
- Аддиванкин С.Ю., Мурзин Л.Н., Цаплина О.В. Словопроизводство и деривационные отношения // Проблема деривации в системе языка и в речевой деятельности: Синхронное словообразование и номинация. - М., 1995. - с.11-19.
- Аникин А.И. Употребление однокоренных слов в предложении. - М., 1965.
- Араева Л.А. Множественная мотивация как источник межтипových и внутритипových парадигматических отношений // Араева Л.А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне. - Кемерово, 1990. - с.51-63.
- Аркадьева Т.Г. Дезтимологизация и ее обусловленность в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1973.
- Аркадьева Т.Г. Преобразования этимологических связей слов в системной организации лексики русского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л., 1990.
- Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. - М., 1968. - с.58-117.
- Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. - М., 1957.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966.
- Балалыкина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование. - Казань, 1985.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М., 1955.
- Балли Ш. Французская стилистика. - М., 1961.
- Барлас В. Ассоциативный поиск // Новый мир. - М., 1986. - № 7. - с.224-240.
- Белашова Е.А. Проблема ВФС в истории отечественного языка // Лексико-грамматические этюды по русскому языку. - Кишинев, 1981. - с.3-13.
- Белобородов А.А. О специфике обыденного сознания // Методологические вопросы наук об обществе. - Томск, 1976. - с.35-45.
- Белобородов А.А. Языковое сознание: сущность и статус // Современная наука и закономерности ее развития. - Томск, 1987. - с.131-147.
- Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика, 1971. - Л., 1972. - с.92-104.
- Блинова О.И. Мотивированность слова и функциональный аспект (на диалектном материале) // Русское слово в языке и речи. - Кемерово, 1976 а. - с.16-21.

- Блинова О.И. Явление мотивированности слов в собственно лексикологическом аспекте // Вопросы Сибирской диалектологии. - Омск, 1976 б. - с.3-17.
- Блинова О.И. Явление мотивации слов. - Томск, 1984.
- Блинова О.И. Источниковедческие возможности мотивационных словарей // Вопросы языкознания. - М., 1986. - № 5. - с.125-131.
- Блинова О.И. Словарь внутренних форм слова // Русские старожильческие говоры Сибири. - Томск, 1987. - с.162-168.
- Блинова О.И. Явление мотивации как отражение лексических связей слов // Системные отношения на разных уровнях языка. - Новосибирск, 1988. - с.71-78.
- Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. - М., 1989. - с.122-127.
- Блинова О.И. Антропоцентризм диалектной лексикологии и лексикографии // Материалы междунар. съезда русистов в Красноярске (1-4 октября 1997г.). - Красноярск, 1997. - т.1. - с.14-16.
- Богородицкий В.А. Очерки по языкознанию и русскому языку. - М., 1939.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. - Томск: Томский пед. ин-т, 1994.
- Бондарко А.В. Функциональная грамматика. - Л., 1984.
- Борисова Т.И. Ремотивация и контекст // Структурно-семантическое исследование лексики. - Калинин, 1980. - с.28-36.
- Борисова Т.И. Акты лексической ремотивации в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Калинин, 1982.
- Бочкарев Е.А. Стихийное и сознательное в языке // Русская речь. - М., 1967. - № 2. - с.10-16.
- Брудный А.А. Пути и методы экспериментальных семантических исследований // Теория речевой деятельности. - М., 1968. - с.153-164.
- Бублейник Л.В. Разноязычные синонимические ряды и роль мотивировочного признака в их соотношении // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. - Калинин, 1980. - с.59-72.
- Будагов Р.А. Проблемы развития языка. - М., 1965.
- Будагов Р.А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. - М., 1978.
- Будагов Р.А. Введение в науку о языке. - М., 1988.
- Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке // Тр. ин-та рус. яз. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. - с.147-210.
- Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976 - с.233-243.
- Варина В.Г. Внутренняя форма как феномен языковой деятельности // МГПИИЯ: сб. науч. тр. - М., 1982. - вып.186. - с.20-23.
- Введенская Л.А., Колесников Н.П. Этимология и ее виды. - Ростов-на-Дону: Ростов. ун-т, 1986.
- Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.-Л., 1947.
- Виноградов В.В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка. - М., 1952.
- Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. - М., 1960. - № 5. - с.3-18.
- Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. - М.: Учпедгиз, 1959.
- Винокур Г.О. Из бесед о культуре речи // Русская речь. - М., 1967. - № 3. - с.10-15.
- Вишнякова О.В. Паронимия в русском языке. - М., 1984.
- Воронин С.В. Основы фоносемантики. - Л., 1982.
- Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. - с.73-92.
- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М., 1977.
- Гельгардт Р.Р. О лексической ассимиляции в связи с ложной ("народной") этимологией // Русский язык в школе. - М., 1956. - № 3. - с.36-42.
- Гельгардт Р.Р. О языковой норме // Вопросы культуры речи. - М., 1961. - вып. 3. - с.21-38.
- Гинзбург Е.А. Словообразование и синтаксис. - М., 1979.
- Голев Н.Д. Функции мотивизации и народная этимология // Вопросы языка и его истории. - Томск, 1972. - с.38-47.
- Голев Н.Д. Введение в теорию и практику морфемно-словообразовательного анализа. -Барнаул, 1980.
- Голев Н.Д. К вопросу о семантическом расстоянии между словами, связанными мотивационными отношениями (модификация) // Семантическая структура слова. -Кемерово, 1984. - с.17-27.
- Голев Н.Д. О семантических типах мотивационных отношений // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. - Томск, 1985 а. - с.34-42.
- Голев Н.Д. Мотивационный диалектный словарь (говоры Ср.Приобья) // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. История, Филология и Философия. - Новосибирск, 1985 б. - № 3. - вып.1. - с.62-64.
- Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. - Томск, 1989.

- Голев Н.Д. К проблеме функционирования морфем в речевой деятельности // Проблемы современной филологии и некоторые тенденции развития высшего филологического образования. - Барнаул, 1990 а. - с.104-106.
- Голев Н.Д. Функции эпидигматики в языке и речи // Типы языковых парадигм. -Свердловск, 1990 б. - с.58-64.
- Голев Н.Д. Некоторые аспекты детерминации содержания языковых единиц // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факты. - Барнаул, 1993. - с.14-28.
- Голев Н.Д. Эпидигматика и деривационные процессы в речи // Проблема деривации в системе языка и речевой деятельности: синхронное словообразование и номинация. -М., 1995. - с.19-28.
- Голев Н.Д. О природе мотивационных ассоциаций в лексике русского языка // Изв. АГУ. - Барнаул, 1996 а. - с.7-12.
- Голев Н.Д. Внутренняя форма слова: современные тенденции культурно-эстетического освоения // Филология на рубеже XX-XXI веков. Тез. междунар. науч. конф., посвящ. 10-летию Пермского ун-та (19-22 ноября 1996г.). - Пермь, 1996 б. - с.111-113.
- Голев Н.Д. Некоторые проблемы лексической и словообразовательной мотивации на оси частотности (к построению теории квантитативной морфологии) // Человек в свете его коммуникативного самосуществования. - Барнаул, 1997. - с.90-97.
- Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы как проявление языкового сознания (в печати).
- Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. - Л., 1971.
- Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. - Л., 1978.
- Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. - М., 1989.
- Григорьев В.П. Поэтика слова. - М., 1979.
- Григорьев В.П., Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю паронимов русского языка. - М., 1992.
- Гридина Т.А. Основные типы народной этимологии в лексической системе русского языка (функциональный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1985.
- Гридина Т.А. Проблемы изучения народной этимологии. - Свердловск, 1989 а.
- Гридина Т.А. Намеренно ложная мотивация в разговорной речи (функционально-стилистический аспект) // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. -Свердловск, 1989 б. - с.48-54.
- Гридина Т.А. Междусловные фоносемантические ассоциации как основа каламбура // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. - Свердловск, 1991. - с.59-70.
- Гридина Т.А., Попова Т.В. Ассоциативная семантика новообразований-гибридов // Лексическая семантика. - Свердловск, 1991. - с.3-11.
- Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Динамика мотивационных связей и информативная функция слова // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. - Екатеринбург, 1994. - с.10-16.
- Гридина Т.А. Словообразовательный контекст как база семантизации наименования в процессах языковой игры // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. -Екатеринбург, 1994. - с.37-45.
- Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1986.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984.
- Гусар Е.Г. Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы текста (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 1995.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. - М.: Русский язык, 1878-1880.
- Девкин В.Д. Возникновение слов и фразеологизмов на базе частичного звукового подобия // Вопросы лексикологии немецкого и французского языков. - М., 1980. - с.21-34.
- Демешкина Т.А. Типы смысловых отношений мотивационно связанных слов (лексикологический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1984.
- Деривация и история языка. - Пермь, 1987.
- Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. - Харьков, 1990.
- Ермакова О.П. О корнях с деривационно связанным значением // Развитие современного русского языка. 1972. - М., 1975. - с.198-202.
- Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. - М., 1984.
- Журавлев А.П. Фонетическое значение. - Л., 1974.
- Журавлев А.П. Звук и смысл. - М., 1991.
- Залевская А.А. Проблемы внутреннего лексикона человека. - Калинин, 1977.
- Залевская А.А. О теоретических основах исследования принципов организации лексикона человека // Этнопсихолингвистические проблемы семантики. - М., 1978. - с.4-40.
- Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. - Калинин, 1982.
- Засорина Л.Н. О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики. - Л.: Ленингр.ун-т, 1973. - с.5-26.
- Звегинцев В.А. "Внутренняя форма" и лексическое значение слова // Звегинцев В.А. Семасиология. - М., 1957. - с.186-215.
- Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. - М., 1962.

- Звуковая организация стиха. Паронимическая аттракция // Очерки истории языка русской поэзии XX века. - М., 1990. - с.167-300.
- Зиндер Л.Р. Условность и мотивированность языкового знака // Фонетика, фонология, грамматика. - М., 1971. - с.346-351.
- Зубкова Л.Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языка (к проблеме "произвольности" языкового знака) // Вопросы языкознания. - М., 1986. - № 5. - с.55-66.
- Зубова Л.В. Поэзия М.Цветаевой. Лингвистический аспект. - Л., 1989.
- Иванникова Е.А. О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов // Лексическая синонимия. - М., 1967. - с.104-121.
- Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. - М., 1978.
- Иванова А.Е. Языковая компетенция испытуемых в психолингвистическом эксперименте // Язык и личность. - М., 1989. - с.127-131.
- Ивин А.А. Ценность и понимания // Вопросы философии. - М., 1987. - № 8. - с.31-43.
- Илларионов С.В. Гносеологическая функция принципа инвариантности // Вопросы философии. - М., 1968. - № 12. - с.89-96.
- Исследование речевого мышления в психолингвистике. - М., 1985.
- Ицкович В.А. Языковая норма. - М., 1968.
- Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Об актуализации морфемной членимости слова в речи // Развитие современного русского языка. 1972. - М., 1975. - с.114-141.
- Караулов Ю.Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах // Язык: система и функционирование. - М., 1988. - с.108-117.
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. - М., 1989 (предисловие).
- Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. - М., 1993.
- Караулов Ю.Н., Коробова М.М. Индивидуальный ассоциативный словарь // Вопросы языкознания. - М., 1993. - № 5. - с.5-16.
- Касарес Х. Введение в современную лексикографию. - М., 1958.
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значения и обозначения. - М.-Л., 1965.
- Кияк Т.Р. О "внутренней форме" лексических единиц // Вопросы языкознания. - М., 1987. - № 3. - с.58-68.
- Кияк Т.Р. Мотивированность лексических единиц. - Львов, 1988.
- Клименко А.П. Вопросы экспериментального изучения значений слов // Теория речевой деятельности. - М., 1968. - с.164-172.
- Клименко А.П. Проблема достоверности психолингвистического моделирования семантики // Проблема модели в философии и естествознании. - Фрунзе, 1969. - с.12-54.
- Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. - Минск, 1974.
- Клименко А.П., Титова Л.Н. Направленные ассоциативные эксперименты // Методы изучения лексики. - Минск, 1975. - с.64-70.
- Клименко А.П. Психолингвистические методики исследования значений // Методы изучения лексики. - Минск, 1975. - с.52-56.
- Клименко А.П. Ассоциативное поле и текст // Функционирование и развитие языковых единиц. - Минск, 1990. - с.44-47.
- Климов Г.А. Синхрония - диахрония и статика - динамика // Проблемы языкознания. - М., 1967. - с.31-33.
- Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. - Л., 1986.
- Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. - М., 1969.
- Кондрашов Н.А. Народная этимология и системный характер языка // Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка. - М., 1977. - вып. 9. - с.3-11.
- Копыленко М.М., Попова З.Д. О принципиальной произвольности знака и стремлении человека мотивировать языковой знак // Проблемы фоносемантики: Тезисы выступлений на совещании. - М., 1989. - с.14-15.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. - М., 1963. - с.143-343.
- Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. - Казань, 1983.
- Кубрякова Е.С. О понятиях синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. - М., 1968. - № 3. - с.112-124.
- Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований. - М., 1977. - с.222-304.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. - М., 1981.
- Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации. - Пермь, 1982.
- Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. - М., 1963.
- Кузнецова А.И. Роль семантического фактора при морфологическом членении слов русского языка и составлении словаря морфем // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Материалы IX зон. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала. - Пермь, 1972. - с.254-259.
- Кузнецова А.И. Морфемный анализ и проблемы диахронии // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. - Пермь: Перм.ун-т, 1977. - с.55-64.
- Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. - М., 1986.

- Курилович Е. О природе так называемых "аналогических" процессов // Курилович Е. Очерки по лингвистике. - М., 1972. - с.98-121.
- Курешева М.В. Явление ремотивации в говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -Томск, 1989.
- Левицкий В.В. К проблеме звуко-символизма // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. - М.: МГУ, 1969. - с.123-133.
- Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. - Воронеж, 1989.
- Левицкий В.В. Фонетическая мотивированность слова // Вопросы языкознания. - М., 1994. - № 1. - с.26-37.
- Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. - М., 1962.
- Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. - Екатеринбург, 1995.
- Леонтьев А.Н., Леонтьев А.А. О двойном аспекте языковых явлений // Философские науки. - М., 1959. - № 2. - с.116-125.
- Леонтьев А.А. Психолингвистика и проблема функциональных единиц речи // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. - М., 1961. - с.163-190.
- Леонтьев А.А. О специфике слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. - М.-Л., 1963. - с.133-138.
- Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. - М., 1965.
- Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тез. междунар. конф. - М., 1995. - т.1-2.
- Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990.
- Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. - М., 1984.
- Ломтев Т.П. Язык и речь // Вестник МГУ. Сер. VII: Филология, журналистика. - 1961. - № 4. - с.65-71.
- Лопатин В.В., Улуханов И.С. Теория грамматики и практика грамматического описания // Вопросы языкознания. - М., 1978. - № 1. - с.38-51.
- Лукиянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. - Новосибирск, 1986.
- Львов Л.А. Принципы лингвистического эксперимента // Уч. зап. Горьк. пед. ин-та ин. яз. - Горький, 1972. - вып.51. - с.71-82.
- Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. -М., 1989. - с.24-34.
- Маковский М.М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. - М., 1980.
- Максимов В.И. Структура и членение слова. - М., 1977 а.
- Максимов В.И. Грамматическая теория и практика изучения языка // Вопросы языкознания. - М., 1977 б. - № 1. - с.28-39.
- Максимов В.И. Еще раз о грамматической теории и практике обучения языку // Вопросы языкознания. - М., 1980. - № 1. - с.59-70.
- Максимов Л.Ю. Народная этимология и ее стилистические функции // Русский язык в школе. - М., 1982. - № 3. - с.56-66.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание. - М., 1987.
- Маслова В.А. Ассоциативный эксперимент как один из методов исследования лексической антонимии // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. - Калинин, 1981. - с.60-68.
- Маслова-Лашанская С.С. Из заметок по шведской лексикологии // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. - Л., 1958. - с.24-40.
- Матвеева Т.В. Парадоксальная внутренняя форма как средство экспрессивности (на материале диалектных говоров) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. - Новосибирск, 1979. - вып.8. - с.117-129.
- Мачавариани М.В. Роль установки в функционировании языка // Д.Н.Узнадзе - классик современной психологии. Психологические исследования, посвященные 100-летию со дня рождения Д.Н.Узнадзе. - Тбилиси, 1986, с.196-208.
- Мигирин Н.И. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке (на материале способов представления статусов лица в номенклатурной сфере языка). -Кишинев, 1977.
- Миллер Е.Н. К определению языка // Вопросы языкознания. - М., 1987. - № 3. - с.33-45.
- Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. - М., 1980.
- Минаева А.В., Феденев В.П. Паронимия в языке и речи // Вопросы языкознания. - М., 1982. - № 2. - с.90-95.
- Михайлов М.А. Вопросы морфологического анализа (проявление выделенности морфем в деривационных процессах). - Вроцлав, 1976.
- Михайлов М.А. «Воспроизводимость» и «производимость» единиц (к истории терминов) // Термин и слово. - Горький, 1982. - с.86-93.
- Михайлов М.А. Речевая номинация и выделенность морфем. - Красноярск: Краснояр. ун-т, 1989.
- Михалева Е.В. Явление лексикализации внутренней формы слова: Дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1994.
- Моисеев А.И. Мотивированность слов (мотивированность сложных имен существительных со значением лица в русском языке) // Исследования по грамматике русского языка. - Л.: Ленингр. ун-т, 1963. - с.121-136.
- Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / Под ред. О.И.Блиновой. - Томск, 1982-1983. - т.1-2.

- Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. - Пермь, 1982. - с.20-29.
- Мурзин Л.Н. О динамической природе языка // Спорные вопросы русского языкознания. - Л., 1983. - с.61-68.
- Мурзин Л.Н., Плясунова С.Ф. Деривация и ее экспликация в тексте // Деривация и текст. - Пермь, 1984. - с.112-125.
- Мурзин Л.Н. Фокализация морфем в тексте и метатексте // Морфемика. Принципы и методы системного описания. - Л., 1987. - с.127-133.
- Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. - М., 1989. - с.5-14.
- Мурзин Л.Н. Еще раз о языке и речи // Филология на рубеже XX-XXI веков. Тез. междунар. науч. конф., посвящ. 10-летию Пермского ун-та (19-20 ноября 1996г.). - Пермь, 1996. - с.13-14.
- Мыркин В.Я. Язык - речь - контекст - смысл. - Архангельск, 1994.
- Наумов В.Г. Мотивационные отношения слов диалекта и типы их актуализации // Вопросы словообразования в индоевропейских языках (семантический аспект). - Томск, 1983. - с.64-75.
- Наумов В.Г. Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект). Дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1985.
- Нестерова Н.Г. Мотивационное значение слова и его статус: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1987.
- Никитевич В.М. Идиоматичность и аналитизм как свойство номинативной деривации // МГПИИЯ: сб. науч. тр. - М., 1980. - вып.164. - с.67-73.
- Никитевич В.М. Деривационное сочетание и номинативная системность // Деривация и текст. - Пермь, 1984. - с.13-20.
- Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. - Минск, 1985.
- Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. - М., 1989. - с.34-40.
- Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. - М., 1993.
- Норман Б.Ю. Лексический стимул и структура порождаемого высказывания // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. IV. - Минск, 1983. - № 3. - с.41-45.
- Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. - Минск, 1987.
- Овчинникова И.Г. Текстообразующая роль вербальных ассоциативных структур: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1986.
- Орлова А.М. К вопросу об объективной обусловленности так называемого "чувства языка" // Вопросы психологии. - М., 1955. - № 5. - с.71-84.
- Откупщиков Ю.В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. - Л., 1973.
- Павел В.К. Лексическая номинация (на материале молдавских народных говоров). - Кишинев, 1983.
- Парадигматика в лексике и словообразовании. - Красноярск, 1987.
- Пастушенков Г.А. Некоторые проблемы структуры слова (единицы структурно-семантического плана). - Калинин, 1977.
- Пауль Г. Принципы истории языка. - М., 1960.
- Петрищева Е.Ф. К вопросу о критериях нормативности // Вопросы культуры речи. - М., 1967. - вып. VIII. - с.31-41.
- Плотников Б.А. Основы семасиологии. - Минск, 1984.
- Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. - Минск, 1989.
- Плотников В.И. Причинность и генетическая связь // Категория диалектики. - Свердловск, 1974. - с.63-69.
- Покровский Л.А. Ложная этимология как одна из причин орфографических ошибок // Русский язык в школе. - М., 1981. - № 2. - с.41-44.
- Помигуев Г.П. К вопросу о соотношении внутренней формы и значения // Проблемы синхронного и диахронного описания германских языков. - Пятигорск, 1979. - с.78-81.
- Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В.Гумбольдта. - М., 1982.
- Потебня А.А. Из записок по теории словесности. - Харьков, 1905.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. - М., 1941.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976.
- Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. - М., 1910-1914.
- Пресняков О.П. Поэтика познания и творчества. Теория словесности А.А. Потебни. - М., 1980.
- Проблемы мотивированности языкового знака. - Калининград, 1976.
- Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. - М., 1990.
- Пугач С.А. Оживление внутренней формы слова // Русская речь. - М., 1978. - № 2. - с.52-58.
- Реформатский А.А. О членимости слова // Развитие современного русского языка, 1972. - М., 1975. - с.5-14.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словоупотребление и норма // Русская речь. - М., 1967. - № 3. - с.15-22.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. - М., 1976.
- Ростова А.Н. Языковое сознание в структуре языковой личности // Материалы междунар. съезда русистов в Красноярске (1-4 октября 1997г.). - Красноярск, 1997. - т.1. - с.167-168.
- Русский ассоциативный словарь. - М., 1994. - т.1-2.

- Сафарова К.А. Структурная мотивировка слова (на материале аффиксальных и сложных образований современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1970.
- Сахарный Л.В. К вопросу об употреблении однокоренных слов в одной фразе (в устной речи) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Тез. докл. - Горький, 1968. - с.229-231.
- Сахарный Л.В. Словообразование в речевой деятельности (образование и функционирование производного слова в русском языке): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л., 1980.
- Семантическая общность национальных языковых систем. - Воронеж, 1986.
- Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: Общие вопросы. - М., 1977. - с.147-188.
- Сивуха Е.М. Роль повторов в создании звукового образа речи // Деривация и текст. - Пермь, 1984. - с.163-168.
- Словарь ассоциативных норм русского языка. - М., 1977.
- Словарь русского языка: В 4-х т. - М., 1981.
- Слюсарева Н.А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопросы языкознания. - М., 1979. - № 4. - с.69-77.
- Слюсарева Н.А. О семантической и функциональной сторонах языковых явлений // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. - Л., 1981. - с.243-249.
- Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания. - М., 1955. - № 2. - с.79-90.
- Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. - М., 1971.
- Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. - М., 1984. - № 2. - с.31-43.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М., 1977.
- Супрун А.Е., Клименко А.П. Исследование лексики и семантики // Основы теории речевой деятельности. - М., 1974 (глава 13).
- Тихонов А.Н. Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке // Русский язык в школе. - М., 1970. - № 4. - с.83-89.
- Тихонов А.Н. Система русского словообразования в свете количественных данных // Исследование деривационной системы количественным методом. - Владивосток, 1983. - с.61-74.
- Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. - М., 1985. - т.1-2.
- Ткаченко Л.П. Паронимическая аттракция как речевой прием // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. - М., 1989. - с.126-132.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. - М., 1995.
- Торопцев И.С. Лексическая мотивированность (на материале современного русского литературного языка) // Уч. зап. Орл. пед. ин-та. - Орел, 1964. - т.22.
- Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. - Воронеж, 1980.
- Торопцев И.С. Язык и речь. - Воронеж, 1985.
- Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. - с.147-180.
- Тубалова И.В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1995.
- Улуханов И.С. Виды формально-семантической мотивации слов и проблемы описания словообразовательной семантики // Уч. зап. Перм. ун-та. Вопросы грамматики. - Пермь, 1972. - № 243.
- Улуханов И.С. Структура лексического значения мотивированных слов // МГПИИЯ: сб. науч. тр. - М., 1980. - вып.164. - с.105-112.
- Улуханов И.С. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. - М., 1992 а. - № 2. - с.5-21.
- Улуханов И.С. О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вопросы языкознания. - М., 1992 б. - № 5. - с.74-90.
- Ульянова Н.П. Внутренняя форма как прагматический компонент семантики лексических единиц // МГПИИЯ: сб. науч. тр. - М., 1983. - с.134-146.
- Уровни языка в речевой деятельности. К проблеме лингвистического обеспечения автоматического распознавания речи. - Л.: Ленингр. ун-т, 1986.
- Ушаков Д.Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса его реформ. - М., 1917.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. - М., 1976.
- Филин Ф.П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Вопросы культуры речи. - М., 1966. - вып. 7. - с.15-23.
- Фрумкина Р.М. Лингвистическая гипотеза и эксперимент // Гипотеза в современной лингвистике. - М., 1980. - с.183-217.
- Хижняк Л.Г. Эстетическое использование внутренней формы слова и фразеологизма. - Саратов, 1975.
- Хижняк Л.Г. Внутренняя форма как проблема семантики // Изв. Северо-Кавказ. науч. центра высш. школы. Общественные науки. - 1977. - № 3. - с.79-83.
- Ходакова Е.П. О каламбуре // Русский язык в школе. - М., 1968. - № 3. - с.67-71.
- Цейтлин С. Вверх "карнашками" // Наука и жизнь. - М., 1978. - № 7. - с.128-130.

- Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. - М., 1991.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. - М., 1994. - т.1-2.
- Чинчлей Г.С. Эпидигматическое отношение как основа коннотации. - Кишинев, 1989. - с.101-108.
- Чупина Г.А. Принцип деятельности и язык (философско-методологический анализ). –Красноярск: Краснояр. ун-т, 1987.
- Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. - М.: МГУ, 1968.
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. - М., 1975.
- Шахнарович А.М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования // Основы теории речевой деятельности. - М., 1974. - с.129-134.
- Шахнарович А.М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. - М., 1979 (раздел II).
- Шахнарович А.М., Гараева Л.И. Порождение и восприятие производного слова // Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: Синхронное словообразование и номинация. - М., 1995. - с.3-11.
- Шведова Н.Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре. - М., 1984. - с.7-15.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). - М., 1973.
- Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Л.В.Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. - Л.: Ленингр. ун-т, 1958. - т.1. - с.5-25.
- Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974 а. - с.265-304.
- Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974 б. - с.24-39.
- Щур Г.С. О типах лексических ассоциаций в языке // Семантическая структура слова. -М., 1971. - с.140-151. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М.Шанского. - М.: МГУ, 1975.
- Явление вариативности в языке: Тез. докл. конф. - Кемерово, 1994.
- Явление вариативности в языке. Материалы всерос. конф. (13-15 декабря 1994г.). - Кемерово, 1997.
- Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. - М., 1984.
- Янценецкая М.Н. К вопросу о словообразовательной и лексической мотивированности слов // Русское слово в языке и речи. - Кемерово, 1977. - с.46-54.
- Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. - Томск, 1979.
- Янценецкая М.Н. Языковые условия актуализации словообразовательной структуры производных слов // Русские говоры Сибири. - Томск, 1981. - с.92-100.
- Янценецкая М.Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо // Семантическая структура слова. - Кемерово, 1984. - с.3-17.

Приложение I

ФРАГМЕНТ “МОТИВАЦИОННО-АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА”

ЗААРТАЧИТЬСЯ

1. Начать артачиться, упрямиться, не соглашаться с кем-чем-либо.
2. Образовано от РТАЧИТЬСЯ 'упираться, кусать удила (о лошади)'.
А.Г.Преображенский и М.Фасмер связывают с РОТ (относительно значения - ср. 'закусить удила'). Согласно другой версии, РТАЧИТЬСЯ относят к РЕТЬ, РЕТИВЫЙ /см.: Преображенский, т.2, с.218; Фасмер, т.2, с.81, т.3, с.506-507,509/.

артачить	2	аорта	2	упрямиться
8				
артачиться	1	атака	2	не (за)хотеть
3				
		тачка	2	сопротивляться
2				
		точить	2	упрямство
2				
		азарт	1	вредничать
1				
		арканить	1	выпендриваться
1				
		артель	1	гоношиться
1				
		артист	1	застопориться
1				
		заточить	1	заупрямиться
1				
		орда	1	не соглашаться
		орта	1	что-то делать
1				
		оточить	1	протестовать
1				
				упереться
1				

Отказов - 58

Всего - 100

ЗАБИЯКА

1. Тот, кто любит затевать драки, ссоры.

2. Заимствовано из польского языка во 2ой половине XVIII в. Польское *zabijaka* 'забияка, драчун, задира' - производное от гл. *zabijać* 'убивать, забивать, вбивать'. Последний образован от *zabić* 'убить, забить', деривата от *bić* 'бить' /см.: Преображенский, т.1, с.26-27; Фасмер, т.2, с.70; Шанский, с.6/.

<u>ФСА</u> (66)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (18)
бить	33	забава	1	задира
7				
забить	28	забинтовать	1	драчун
3				
забивка	1	забирать	1	любит ссоры
2				
забивной	1	забоина	1	драка
1				
забитый	1			драчливый
1				
забиться	1			задирчивый
1				
любить бить	1			петух
1				
				ребенок
1				
				урод
1				

Отказов - 12

Всего - 100

ЗАБРАЛО

1. В старинном вооружении: часть шлема, опускаемая на лицо для защиты от ударов.

2. Н.М.Шанский указывает, что данное слово возникло на базе несохранившегося ЗАБРАЛО 'городское укрепление в виде стены', по происхождению старославянскому. Старослав. ЗАБРАЛО восходит к общеслав. *zaborti, производному от *borti (БОРОТЬСЯ, БОРЬБА, БРАНЬ). Таким образом, первичное значение существительного - 'то, что защищает, ограждает' /см.: Шанский, с.8-10, см. также: Преображенский, т.1, с.240/. М.Фасмер толкует ЗАБРАЛО как родственное БРАТЬ /см.: Фасмер, т.2, с.70/.

<u>ФСА</u> (46)		<u>ФА</u> (15)		<u>СА</u> (19)
забрать	20	брат	4	шлем
5				
брат	11	забрасывать	2	доспехи
3				
забор	11	бразды	1	щит
3				
забраться	2	бранить	1	вооружение
1				
борт	1	брань	1	закрыть
1				
переборка	1	браслет	1	захватило
1				
		брататься	1	защита
1				
		бороться	1	лицо
1				
		забота	1	ограда
1				
		забраковать	1	открытое
1				

начало

1

рыцарь

1

Отказов - 20

Всего - 100

.

ЗАБУБЕННЫЙ

1. Отчаянный, бесшабашный, разгульный.

2. М.Фасмер объясняет появление данного слова влиянием сущ. БУБНЫ 'музыкальный инструмент' (ЗАБУБЕННОЕ пьянство - 'пирушка с музыкой') /Фасмер, т.2, с.71/. Н.М.Шанский предполагает, что ЗАБУБЕННЫЙ могло быть произведено от ЗАБУБЕНИТЬ 'начать бить, колотить в БУБЕН'. Согласно его версии, семантика слова изменилась так: 'забитый, пропащий' > 'отчаянный, удалой' /Шанский, с.11/. В Кратком этимологическом словаре 1975 г. слово объясняется как образование от БУБЕН 'промотавшийся бедняк', возникшего на базе БУБЕН 'вид барабана' в оборотах 'гол как БУБЕН', 'проигрался как БУБЕН', 'у него в голове БУБЕН' и т.д. /КрЭС, с.151/. П.Я.Черных полагает, что слово ЗАБУБЕННЫЙ является гибридом, основой которого можно считать производное от *ЗАБОБОНЫ прил. *ЗАБОБОННЫЙ 'суеверный', 'падкий на слухи', откуда далее - 'сеющий, распускающий слухи', а также слова от корня БУБ- /Черных, т.1, с.312/. Л.А.Булаховский считает ЗАБУБЕННЫЙ производным от БУБЕН 'лоскут материи в форме бубнового карточного туза, нашиваемый на одежду каторжника' /см.: Булаховский Л.А, 1949, с.171/.

<u>ФСА</u> (70)		<u>ФА</u> (9)		<u>СА</u> (3)
бубен	31	губа	3	закоренелый
1				
бубны	22	губить	3	замудренный
1				
буби	5	бум	1	разгул
1				
бубновый	4	загубить	1	
бубенцы	2	загубленный	1	
бубенчики	2			
бубнить	2			
король бубен	1			
с бубеном	1			

Отказов - 18

Всего - 100

ЗАБУЛДЫГА

1. Спившийся, беспутный человек.

2. Согласно А.Г.Преображенскому и П.Я.Черных, это слово возникло из *ЗАБЛУДЫГА от БЛУДИТЬ. М.Фасмер и Н.М.Шанский полагают, что ЗАБУЛДЫГА образовано от БУЛДЫГА 'булава; буян, гуляка', производного от *БУЛДА < *БУЛА 'шишковидная дубина, шишка' /см.: Преображенский, т.1, с.52-53, 240; Фасмер, т.2, с.71; Черных, т.1, с.312; Шанский, с.10/.

<u>ФСА</u> (36)		<u>ФА</u> (22)		<u>СА</u> (18)
бутылка	16	бульжник	8	пьяница
6				
заблудиться	4	бульдог	7	алкаш
3				
блудить	2	балда	2	алкоголик
2				
собутыльник	2	болтать	2	ханыга
2				
блуд	1	бултых	1	бомж
1				
блудень	1	бултыхаться	1	грязнуля
1				
блудливый	1	забыл	1	камень
1				
блудный	1			лоботряс
1				
булда	1			оборванец
1				
булдыга	1			
булдыгаться	1			
булдыжник	1			

бутыль	1
заблудший	1
забулдыжный	1
полбутылки	1

Отказов - 24

Всего - 100

ЗАВАЛИНКА

1. Земляная невысокая насыпь вдоль наружных стен избы.
2. Слово произошло от ЗАВАЛИНА, производного от ЗАВАЛ, являющегося образованием от ЗАВАЛИТЬ. См. ВАЛИТЬ, ВАЛЕЖНИК /Фасмер, т.1, с.268-270; КрЭС, с.67-68, 153/.

<u>ФСА</u> (83)		<u>ФА</u> (7)		<u>СА</u> (4)	
завал	31	валандаться	1	деревня	1
вал	23	валерьянка	1	засыпка	1
завалить	12	валет	1	избушка	1
валить	7	валидол	1	нагромождение	1
валять	4	валюта	1		
валежник	1	волна	1		
валенки	1	заволноваться	1		
валом	1				
валун	1				
вповалку	1				
заваляться	1				

Отказов - 6

Всего - 100

.

ЗАВАРУХА

1. Сложное, запутанное дело, путаница, замешательство.

2. Впервые фиксируется как диалектное в значении 'свалка, ссора, драка', т.е. близком к современному, Словарем Даля /Даль, т.1, с.498/. Н.М.Шанский полагает, что данное слово возникло на базе диалектного ЗАВАРУХА 'каша, заваренная на кипятке', производного от гл. ЗАВАРИТЬ в его основном значении 'приготавливать путем варки', деривата от ВАРИТЬ. Ср. подобный семантический переход (название блюд > абстрактное понятие) у слов ВИНЕГРЕТ ('мешанина'), КАВАРДАК (тюрск. 'окрошка', 'жаркое'? > 'путаница', 'смещение'). (Ср. псковское КАВАРДАК 'дурная еда', 'безвкусная похлебка') /см.: Шанский, с.13/.

<u>ФСА</u> (74)		<u>ФА</u> (10)		<u>СА</u> (14)
заварить	27	варежка	2	каша
5				
заварить кашу	19	вор	2	путаница
4				
варить	18	заварганить	2	беспорядок
1				
варево	3	Варум	1	волнения
1				
варка	3	Варя	1	кавардак
1				
заварка	1	заверить	1	кипяток
1				
навар	1	ухо	1	смута
1				
повар	1			
сварка	1			

Всего - 100

.

ЗАВЗЯТЫЙ

1. С увлечением, страстью предающийся какому-нибудь занятию.

2. Заимствовано из польского языка (через посредство украинского). В польском *zawziety* является образованием от гл. *zawziacsis* - 'заупрямиться, закрепиться'. В значении 'бесстрашный, упорный' появляется в конце XVIII - начале XIX вв. в языке писателей украинского происхождения. Как областное со значением 'бойкий, предприимчивый' трактуется это слово Далем. Однако в художественных произведениях 40-50х гг. XIX в. встречается уже в новом значении 'сущий, настоящий' /см. Фасмер, т.2, с.72; КрЭС, с.153; Шанский, с.16/.

<u>ФСА</u> (69)		<u>ФА</u> (2)		<u>СА</u> (14)
взять	59	завязать	1	братъ
10				
взятие	3	завязь	1	страстный
1				
взятка	3			театрал
1				
взять за душу	2			увлеченный
1				
за взятку	1			установившийся
1				
предвзятый	1			

Отказов - 15

Всего - 100

ЗАВИДОВАТЬ

1. Испытывать чувство досады к кому-нибудь, вызванное его благополучием, успехом.

2. Слово образовано на базе общеслав. ЗАВИДА - 'зависть', в диалектах еще известного. Сущ. ЗАВИДА, в свою очередь, произведено от гл. ЗАВИДЬТИ 'завидовать', деривата от ВИДЬТИ (см. ВИДЕТЬ). М.Фасмер предполагает, что данная деривация основывается на представлении о дурном глазе /см. Фасмер, т.2, с.72; а также Преображенский, т.1, с.82-83; КрЭС, с.152; Шанский, с.17/.

<u>ФСА</u> (76)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (2)
видеть	42	витать	1	глотать слюнки
1				
вид	22	завивка	1	везет же кому-то
1				
завидеть	3	завитки	1	
зависть	3	завить	1	
видный	2			
видение	1			
завидки берут	1			
увидел, захотел	1			
увидеть	1			

Отказов - 18

Всего - 100

.

ЗАВТРАК

1. Утренняя еда.

2. Производное от ЗАВТРА < ЗА УТРА. - Для означения времени, буквально 'то, что следует за утром'. Значение 'еда, принятие пищи утром, в начале дня' вторично /см.: Преображенский, т.1, с.240; Фасмер, т.2, с.73; Шанский, с.22/.

<u>ФСА</u> (79)	<u>ФА</u> (-)	<u>СА</u> (6)
завтра	75	еда
2		
утро	4	обед
2		
		пища
1		
		чай
1		

Отказов - 15

Всего - 100

ЗАГАШНИК

1. Тайник, место скрытого хранения чего-нибудь.

2. Вероятно, образовано от ГАШНИК - 'шнурок, продернутый в верхней части штанов, а также верхняя кромка штанов', деривата от утраченного ныне ГАШТИ - 'штаны' (ср. диалектное ГАЧИ 'штаны') /см.: Шанский Н.М., 1968, с.202/. Также возможно соотнесение с ЗАГАИТЬ, ЗАГАЯТЬ 'затворить' /см. Фасмер, т.2, с.73/.

<u>ФСА</u> (-)	<u>ФА</u> (36)	<u>СА</u> (5)	
	гасить	23	заначка
2			
	загасить	7	запас
1			
	багажник	1	нычка
1			
	гадить	1	тайник
1			
	гадюка	1	
	гашеный	1	
	загадка	1	
	загашивать	1	

Отказов - 59

Всего - 100

ЗАГВОЗДКА

1. Препятствие, помеха.

2. Данное слово представляет собой результат развития следующего семантического ряда: ЗАГВОЗДКА - действие по гл. ЗАГВОЗДИТЬ 'забивать гвоздями' > 'самый предмет, который вколачивается вместо ГВОЗДЯ' > 'удар кулаком' > 'затруднение'. Ср. объяснение этого переносного значения, отмеченное в словаре Н.М.Шанского: 'мудреная, трудная задача, ставящая в тупик (как 'ЗАГВОЗДКА' - удар кулаком по голове может загвоздить память - ошеломить - как гвоздь, вбитый в дерево, остановит топор, пилу, рубанок) препятствие, помеха' /см.: Шанский, с.22-23, а также Преображенский, т.1, с.121/.

<u>ФСА</u> (72)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (17)
гвоздь	58	гвоздика	3	препятствие
4				
загвоздить	7	завязка	1	затруднение
2				
гвоздик	5	загадка	1	помеха
2				
гвоздить	1	загваздаться	1	камень
гвоздем засело	1			преткновения
1				
				крюк
1				
				преграда
1				
				причина
1				
				смысл
1				
				стена
1				

1

стержень

1

суть

1

трудность

Отказов - 5

Всего - 100

ЗАГОГУЛИНА

1. Замысловатая закорючка.

2. Образовано от ЗАГОГУЛЯ, которое, в свою очередь, является производным от слова ГОГУЛЯ 'закорюка' / см. Фасмер, т.2, с.73; Шанский, с.25/.

<u>фСА</u> (32)		<u>ФА</u> (24)		<u>СА</u> (19)
загнуть	22	гулять	5	зигзаг
3				
гнутья	1	гуля	4	кривая
3				
загиб	1	Гога	2	закорючка
2				
загибулина	1	Гоголь	2	крючок
2				
загнутая линия	1	гоготать	2	выкрутасы
1				
загогуля	1	загадка	2	завертеть
1				
изгиб	1	загул	2	заворот
1				
изгибать	1	галка	1	закаракуля
1				
изогнутый	1	голый	1	заковырка
1				
согнутый	1	гусь	1	крендель
1				
угол	1	загулять	1	крюк
1				
		оглобля	1	рогатина
1				

рогулина

1

Отказов - 25

Всего - 100

.

ЗАДАВАТЬСЯ

1. Зазнаваться, важничать.

2. Образовалось от ЗАДАВАТЬСЯ 'назначать для себя; случаться; удаваться и др.'.

Такой семантический сдвиг Н.М.Шанский объясняет заимствованием данного значения в литературный язык из морского жаргона (на морском жаргоне ЗАДАВАТЬСЯ - значит выставляться, поднимать нос) /см. Шанский, с.27/.

<u>ФСА</u> (75)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (11)
давать	39	давка	2	важничать
4				
дать	29	зад	1	возноситься
3				
задавать	3	задавиться	1	гордиться
1				
дать себе много				завидовать
1				
хороших оценок	1			задира
1				
задавака	1			
задатки	1			
задать себе цену	1			

Отказов - 10

Всего - 100

.

ЗАДОР

1. Горячность, страстность в каком-либо начинании, заключающие вызов кому-либо, дразнящие своей смелостью; запальчивость, задиристость.

2. Образовано от сущ. ЗАДОР 'ссора, спор', производного от ЗАДИРАТЬ 'задираться, вздорить, приставать' < ЗАДИРАТЬ 'рвать, поднимать вверх', родственного ДРАТЬ. Корневая часть ДОР - в слове ЗАДОР та же, что и в словах ВЗДОР, РАЗДОР, - одна из форм общеслав. корня *der- (*dor, dьr) /см.: Фасмер, т.2, с.74; Черных, т.1, с.314; КрЭС, с.153; Шанский, с.29/.

<u>ФСА</u> (40)		<u>ФА</u> (8)		<u>СА</u> (22)	
задрать	16	дорваться	4	горячность	6
задира	9	дерзкий	2	пионерский	5
драть	7	дереза	1	страстность	3
раздор	4	дерзать	1	веселье	2
вздор	1			вызов	1
дор	1			запальчивость	1
задираться	1			праздник	1
ни сучка ни				ссора	1
задоринки	1			темперамент	1
				характер	1

Отказов - 28

Всего - 100

ЗАДОХНУТЬСЯ

1. Стать затхлым, то есть дурно пахнущим, испортившимся от гниения, сырости.
2. Образовано на базе ЗАДОХНУТЬСЯ ‘умереть от недостатка воздуха’ < ЗАДЪХНУТИСЯ, производного от гл. ДЪХНУТИ ‘вдыхать’ (см. ДОХНУТЬ). В связи с развитием значения ‘стать затхлым’ глагол со значением ‘умереть’ “передвинул” ударение на последующий слог, что явилось средством преодоления создавшейся омонимии /см.: Преображенский, т.1, с.193; Шанский, с.29/.

<u>ФСА</u> (76)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (12)
дохнуть	32	доха	1	умереть
5				
дохлый	18	доход	1	запыхаться
3				
дышать	9	доходяга	1	устать
2				
сдохнуть	8	хна	1	в дыму
1				
дохляк	2			от бега
1				
дохлятина	2			
вздок	1			
под дыж	1			
дыхнуть	1			
задхлый	1			
издыхать	1			

Отказов - 8

Всего - 100

ЗАДРИПАННЫЙ

1. Затасканный, грязный.

2. Образовано от ЗАДРИ(Я)ПАТЬ 'изорвать, загрязнить', производного от ДРЯПАТЬ 'царапаться, рвать', родственного ДРАТЬ /см.: Фасмер, т.1, с.535; КрЭС, с.153; Шанский, с.29-30/.

<u>ФСА</u> (31)		<u>ФА</u> (8)		<u>СА</u> (24)
трепать	22	драп	3	затасканный
7				
затрепанный	2	зад	2	грязный
3				
потрепанный	2	драпать	1	поношенный
2				
драный	1	дрянь	1	стремный
2				
драть	1	задремать	1	заплата
1				
дрипать	1			запущенный
1				
задраный	1			зачуханный
1				
трепанный	1			истерзанный
1				
				неопрятный
1				
				оборванный
1				
				обшарпанный
1				

1

помятый

1

рваный

1

старый

Отказов - 37

Всего - 100

.

ЗАЖИЛИТЬ

1. Присвоить, не отдать кому-нибудь того, что следует.

2. Образовано от ЖИЛИТЬ 'отжиливать, присваивая чужое', производного от ЖИЛА 'скупердяй, охотник присваивать чужое'. Н.М.Шанский объединяет в одно этимологическое гнездо слова ЖУЛИК 'вор, плут, мошенник', диалектное ЖУЛИТЬ 'жилить', ЖУЛИТЬСЯ 'жаться' и ЖИЛИТЬ /см.: Шанский, с.30, а также Преображенский, т.1, с.232/.

<u>ФСА</u> (71)		<u>ФА</u> (10)		<u>СА</u> (14)
жила	42	жилет	2	завладеть
2				
жилить	19	жид	1	присвоить
2				
жилиться	6	жизнь	1	скупиться
2				
жилка	2	жилец	1	заграбастать
1				
жилистый	1	жулить	1	значить
1				
тянуть жилы	1	жулик	1	захватить
1				
		зажим	1	захватить
1				
		зажить	1	зацапать
1				
		зажать	1	пожадничать
1				
				прибрать к
				рукам
1				

урвать

1

Отказов - 5

Всего - 100

.

ЗАЗНАТЬСЯ

1. Возгордиться, возомнить о себе, выказывая пренебрежение к другим.
2. Образовано от ЗНАТЬ, индоевр. корень *gen – 'знать', по мнению этимологов, тождественен корню *gen – 'рождаться' и происходит от этого последнего (см.: Фасмер, т.2, с.100-101; Шанский, с.101).

<u>ФСА</u> (72)		<u>ФА</u> (2)		<u>СА</u> (14)
знать	54	заноза	2	задрать нос
4				
знание	10			выпендриваться
2				
знаться	2			возомнить о себе
зазнайка	1			слишком много
1				
знатный	1			воображало
1				
знаток	1			высокомерно
знать много	1			себя вести
1				
ни с кем не знаться	1			гордый
1				
стать узнаваемым	1			загордиться
1				
				задрать голову
1				
				звездная болезнь
1				
				обнаглеть
1				

Отказов - 12

Всего - 100

ЗАЗНОБА

1. Любовь, любимый человек.

2. Н.М.Шанский предполагает, что ЗАЗНОБА является производным от ЗАЗНОБИТЬСЯ 'влюбиться', возвратной формы от ЗАЗНОБИТЬ 'влюбить в себя, возбудить в ком-либо страстную любовь'. ЗАЗНОБИТЬ - производное от ЗНОБИТЬ 'лихорадить' < 'печь, жарить, припекать'. Первоначальное значение ЗАЗНОБА - 'чувство, бросающее в жар', затем на базе этого развивается значение 'вызывающий это чувство человек' /см.: Шанский, с.31-32/. А.Г.Преображенский указывает на этимологические гипотезы, согласно которым ЗАЗНОБА, ЗНОБИТЬ, ОЗНОБ входят в одну группу с ЗЯБНУТЬ или имеют тот же корень, что и в ЗИМА /см.: Преображенский, т.1, с.254/. М.Фасмер отмечает возможность этимологической связи слов ЗАЗНОБА и ЗНОЙ, потому что ЗАЗНОЙ означает также 'любовь' /см.: Фасмер, т.2, с.74/.

<u>ФСА</u> (50)		<u>ФА</u> (8)		<u>СА</u> (10)
знобить	31	зной	4	любимая
4				
озноб	19	заноза	1	любовница
2				
		зануда	1	милая
1				
		знать	1	мороз
1				
		знойный	1	сердце
1				
				холодно
1				

Отказов - 32

Всего - 100

.

ЗАЗОРНЫЙ

1. Постыдный, достойный осуждения.

2. Образовано от ЗАЗОРЪ 'подозрение, недоверие' (древнерус. ЗАЗОРЪ 'подозрение, позор; стыд, срам'), которое является производным от ЗАЗИРАТИ 'заглядывать, наблюдать скрытое, замечать проступки, осуждать', родственного ЗРЕТЬ /см.: Преображенский, т.1, с.256-257; Фасмер, т.2, с.74; КрЭС, с.153,158; Шанский, с.32/.

<u>ФСА</u> (31)		<u>ФА</u> (2)		<u>СА</u> (28)
зазор	12	Зорро	1	постыдный
14				
позорный	7	разорение	1	стыдный
9				
позор	5			без стыда
1				
зоркий	3			осуждаемый
1				
взор	1			подозрительный
1				
зор	1			расстояние
1				
прозорливый	1			срамной
1				
такой, который может быть увиден, если заглянуть в скважину, зазор	1			

Отказов - 39

Всего - 100

ЗАЗУБРИНА

1. Щербина, выемка на чем-нибудь остром.

2. Образовано от сущ. ЗАЗУБРА 'выбоина, острие, зубец' (в диалектах еще известного), являющегося производным от ЗАЗУБРИТЬ 'делать в чем-либо зазубрины, косые резцы, зубрить, ершить', производного от ЗУБРИТЬ 'насекать зубцы, зазубрины, насечку; портить острие, лезвие выбоинами, тупить, щербить'. Гл. ЗУБРИТЬ < диалектное ЗУБРИТЬ 'точить серп, делая на нем зазубрины', ЗУБРИТЬ 'вяло есть, лениво жевать', ЗУБРИТЬ - 'есть, грызть'. Гл. ЗУБРИТЬ - производное от общеслав. ЗУБР 'зуб', являющегося производным от ЗУБ /см.: Преображенский, т.1, с.258; Фасмер, т.2, с.107; Шанский, с.33, 112/.

<u>ФСА</u> (60)		<u>ФА</u> (19)		<u>СА</u> (9)
зуб(ы)	27	зубр	16	заноза
2				
зубрить	23	забрало	1	выступ
1				
зубец	3	зарублина	1	лезвие
1				
зазубрить	2	зубра	1	неровность
1				
зубило	2			пила
1				
зубрежка	1			трещина
1				
зубрила	1			шероховатость
1				
зубчик	1			щербина
1				

Отказов - 12

Всего - 100

ЗАКАВЫКА

1. Запинка, помеха; хитрость, лукавый намек, недомолвка.
2. В этимологическом словаре под ред. Н.М.Шанского указана следующая словообразовательная цепочка этой лексемы: ЗАКАВЫКА < КОВЫКА 'загвоздка, кавычка' < КОВА 'оковы, путы' < КОВАТИ 'ковать, строить козни' (см. также КАВЫЧКИ, ОКОВЫ, КОВАРНЫЙ и др.) /см.: Шанский, с.35/. А.Г.Преображенский и М.Фасмер относят слово КАВЫКА к КУК - 'кривой', КУКА - 'крюк' /см.: Преображенский, т.1,с.280; Фасмер, т.2, с.154/.

<u>ФСА</u> (51)		<u>ФА</u> (11)		<u>СА</u> (11)
кавычка(и)	24	закорюка	4	запятая
3				
заковать	13	закаляка	1	помеха
2				
заковырка	4	заковеркать	1	трудность
2				
ковать	4	канава	1	буква
1				
заковка	2	коварный	1	заминка
1				
заковыристый	1	ковылять	1	знак
ковырять	1	колоть	1	препинания
1				
оковы	1	кочка	1	сложность
1				
подковырка	1			

Всего - 100

ЗАКАДЫЧНЫЙ

1. Близкий, задушевный.

2. Образовано на базе фразеологического оборота ЗАЛИТЬ ЗА КАДЫК 'напиться водки'. Первоначальное значение слова - 'собутыльник', значение 'искренний, задушевный' вторично /см.: Преображенский, т.1, с.241; Фасмер, т.2, с.75; Шанский, с.35/.

<u>ФСА</u> (70)		<u>ФА</u> (3)		<u>СА</u> (17)
кадык	54	закавыка	1	друг
6				
за кадык	16	закатать	1	задушевный
4				
		кадушка	1	приятель
2				
				собутыльник
2				
				близкий
1				
				заветный
1				
				искренний
1				

Отказов - 10

Всего - 100

ЗАКЕРОСИНИТЬ

1. Забросить; ударить.

2. Слово образовано от сущ. КЕРОСИН. Относится к группе лексем с так называемой парадоксальной мотивированностью, при которой формально выраженная связь мотивированного и мотивирующего слов лишена семантического обоснования.

<u>ФСА</u> (70)		<u>ФА</u> (1)		<u>СА</u> (15)
керосин	61	красить	1	закинуть
2				
керосинка	3			больно
1				
				влепить
1				
				вмазать
1				
				забросить
1				
				заварить кашу
1				
				зажженная лампа
1				
				засветить
1				
				звякнуть
1				
				избить
1				

1	испортить
1	коптить
1	примус
1	ударить

Отказов - 14

Всего - 100

ЗАКЛЮЧИТЬ

1. Поместить куда-нибудь; сделать вывод; закончить, завершить; принять, подписать.

2. Слово образовано от древнерус. КЛЮЧАТИ 'запирать, заключать', известного в диалектах, являющегося производным от той же основы, что и древнерус. КЛЮЧЬ 'запор, засов' (см. ВКЛЮЧИТЬ, ИСКЛЮЧИТЬ). С XVIII в. встречается в значении 'выводить из предшествующих фактов, делать вывод'. В данном значении ЗАКЛЮЧАТЬ - семантическая калька, восходящая к лат. concludere 'закрывать, запирать; делать вывод, заключать', употребительному в этом значении с XVI в. Исходное значение глагола сейчас устарело, обычно употребляется в словосочетаниях, например, ЗАКЛЮЧАТЬ В ТЮРЬМУ, ЗАКЛЮЧАТЬ В СКОБКИ и т.п. /см.: Преображенский, т.1, с.320; Фасмер, т.2, с.258: Шанский, с.37/.

<u>ФСА</u> (77)	<u>ФА</u> (-)	<u>СА</u> (7)
ключ	67	закрывать
2		
запереть (закрывать)		решетка
1		
на ключ	6	сказать
1		
ключик	3	скобка
1		
заключение	1	схоронить
1		
		тюрьма
1		

Отказов - 16

Всего - 100

ЗАКЛЯТЫЙ

1. О враге: непримиримый, ненавистный.

2. Слово образовано от гл. ЗАКЛ ТИ, ЗАКЛЬНУ 'заповедать, завещать, взять клятвенное обещание', производного от КЛ ТИ, КЛЬНУ 'проклинать, бранить, осуждать' (совр. КЛЯСТЬ). ЗАКЛЯТЫЙ буквально 'такой, с которым дали клятву бороться всегда' /см.: Преображенский, т.1, с.321-322; Фасмер, т.2, с.259; Шанский, с.37/.

<u>ФСА</u> (85)		<u>ФА</u> (5)		<u>СА</u> (3)
клятва	42	заколотый	1	враг
1				
клясть	27	клянчить	1	кровный
1				
проклятый	8	кляп	1	непримиримый
1				
клятый	4	кляуза	1	
проклинать	2	кляча	1	
поклясться (с ним				
всегда бороться)	1			
проклятие	1			

Отказов - 7

Всего - 100

ЗАКОВЫРИСТЫЙ

1. Мудреный, хитроумный.

2. Образовано от сущ. ЗАКОВЫРА (сохранилось в производном сущ. с уменьшительно-ласкательным суффиксом -К-а - ЗАКОВЫРКА в значении 'закавыка, крючок; трудность, хитрость; (перен.) помеха, препятствие'), производного от КОВЫРА; ср. диалектное КОВЫРКА - 'потычка, удар'. КОВЫРА - производное от КОВЫРЯТЬ, родственного сущ. КОВЫ 'козни, хитрости' /см. Шанский, с.38/.

<u>ФСА</u> (60)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (17)
ковырять	46	ковер	1	трудный
4				
заковырка	8	корыто	1	сложный
3				
закавыка	3	кора	1	вопрос
1				
отковырять	1	подкова	1	глупый
1				
подковыривать	1			головоломный
1				
поковыряться	1			ежедневный
1				
				мудреный
1				
				непонятный
1				
				непростой
1				
				неровный
1				

почерк

1

придирчивый

1

Отказов - 19

Всего - 100

.

ЗАКОРЕНЕЛЫЙ

1. Застарелый, неисправимый.

2. Образовано от ЗАКОРЕНЕТЬ 'вкорениться, запустить глубоко корни; (перен.) закоренеть, застареть', производного от КОРЕНЕТЬ 'корениться, укореняться' /Даль, т.1, с.163/, образованного от КОРЕНЬ /см. Шанский, с.39/.

<u>ФСА</u> (74)		<u>ФА</u> (9)		<u>СА</u> (10)
корень	51	корить	3	неисправимый
3				
корениться	9	закорки	1	преступник
3				
закоренеть	8	Коран	1	закостенелый
1				
кореш	2	корж	1	заматерелый
1				
коренастый	1	корейцы	1	застарелый
1				
коренелый	1	корица	1	предрассудок
1				
коренной	1	прикорнуть	1	
коренья	1			

Отказов - 8

Всего - 100

.

ЗАКОРКИ

1. Плечи и верхняя часть спины.

2. Н.М.Шанский предполагает, что ЗАКОРКИ (ЗАКОРТКИ) образовано от ЗАКОРТОЧКИ, производного от КОРТОЧКИ. Существуют и другие этимологические гипотезы: ЗАКОРКИ < *ЗАКУКОРКИ < КУКОРКИ < КУКРЫ 'заплечье' < КУКА 'кулак'. Или: ЗАКОРКИ < *КОРКИ 'плечи, спина', одногенетического с КОРЧИТЬСЯ /см.: Фасмер, т.2, с.339; КрЭС, с.154; Шанский, с.39/.

<u>ФСА</u> (-)	<u>ФА</u> (50)	<u>СА</u> (7)
1	корка(и)	горб
1	кора	далеко
1	корточки	загорбок
1	закорить	загривок
1	закорчить	плечи
1	корить	угол дома
1	коротко	цедра
	корочка	1
	курить	1
	окурки	1
	пороть	1
	портки	1
	прикорм	1
	прикорнуть	1

Отказов - 43

Всего - 100

.

ЗАКОРЮЧКА

1. Предмет, росчерк в форме крючка, а также хитрая помеха, уловка.

2. А.Г.Преображенский и М.Фасмер связывают образование данного слова с сущ. КРЮК, КРЮЧОК, СКРЮЧИТЬСЯ, КОРЮЧИТЬ (с экспрессивной вставкой гласного), в то время как Н.М.Шанский рассматривает его в составе следующей словообразовательной цепочки: ЗАКОРЮЧКА < ЗАКОРЮКА < КОРЮКА < КОР или КОРЬ 'корень' (см. КОРЕНЬ, КОРЯГА, КОРЯЧИТЬСЯ, КОРЧА, КОРЕЖИТЬ) /см. Преображенский, т.1, с.400; Фасмер, т.2, с.344; Шанский, с.40/.

<u>ФСА</u> (79)		<u>ФА</u> (9)		<u>СА</u> (6)
крючок	56	ковырять	3	запятая
4				
крюк	13	каракули	2	извилина
1				
корявый	5	корить	1	сучья
1				
корезиться	1	корточки	1	
корчиться	1	карябать	1	
корючить	1	ручка	1	
коряга	1			
скрючиться	1			

Отказов - 6

Всего - 100

.

ЗАКОУЛОК

1. Небольшой, глухой переулок, а также потаенный или недоступный уголок в помещении.

2. Н.М.Шанский полагает, что слово образовано от КОУЛОК, которое представляет собой производное от УЛОК 'улица'. Приставка КО- по происхождению восходит к предлогу КЪ (>К). КОУЛОК - 'то, что примыкает к улице' /Шанский, с.40/. М.Фасмер видит в КО- слова ЗАКОУЛОК местоименный элемент, как в слове КОНУРА /Фасмер, т.2, с.75/. П.Я.Черных рассматривает ЗАКОУЛОК как гибридизированное слово, базой которого могло послужить ЗАУЛОК - 'глухая улица; тупик'. По его мнению, на формирование ЗАКОУЛОК повлияли: 1) ЗАКУТОК при КУТОК (от КУТ) - 'угол', 'закоулок', 'тупик'; 2) ЗАУГОЛОК - 'закоулок' /Черных, т.1, с. 315, см. также: Преображенский, т.1, с.241/.

<u>ФСА</u> (53)		<u>ФА</u> (16)		<u>СА</u> (13)
улица	38	улитка	3	глухой
5				
улочка	10	улика	2	закуток
2				
переулок	4	загул	1	тесный
2				
улка	1	закал	1	дом
1				
		заколка	1	жить
1				
		закулисный	1	окраина
1				
		кол	1	тупик
1				
		кулек	1	уголок
1				
		улизнуть	1	
		уличить	1	

уловка	1
уломать	1
улыбка	1

Отказов - 18

Всего - 100

ЗАКРОМА

1. Отгороженное место в амбаре, для ссыпки зерна, муки.

2. В этимологическом отношении связано со словом КРОМКА, диалектным КРОМА - 'рубежная полоса', 'край', 'грань' /см. Даль, т.2, с.804/: ЗАКРОМА < ЗАКРОМИТИ 'отгородить, обнести досками, чтобы не осыпалось' < КРОМИТИ 'отделять, отгораживать' < КРОМА 'край' /см. Преображенский, т.1, с.389-390; Фасмер, т.2, с.76, 380; Черных, т.1, с.315; Шанский, с.40-41/.

<u>ФСА</u> (46)		<u>ФА</u> (15)		<u>СА</u> (17)
кромка	31	корм	4	амбар
3				
крома	9	корма	3	запас(ы)
2				
кроме	2	карман	2	склад(ы)
2				
кромешный	1	закормить	1	зерно
1				
кромсать	1	кормить	1	кладовая
1				
окромя	1	край	1	погреб
1				
укромный	1	Крамаров	1	припасы
1				
		крот	1	Родины
1				
		рама	1	сарай
1				
				сундук
1				

1	хлеб
1	хранилище
1	щеки

Отказов - 21

Всего - 100

.

ЗАКУСКА

1. Еда, кушанье, которым закусывают.

2. Слово образовано от гл. ЗАКУСИТЬ, являющегося производным от гл. КУСИТИ (см. КУСАТЬ, ср. УКУСИТЬ) /см.: Преображенский, т.1, с.419-420; Фасмер, т.2, с.431; Шанский, с.41/.

<u>ФСА</u> (84)		<u>ФА</u> (2)		<u>СА</u> (7)
закусить	41	закупка	1	водка
1				
кусать	20	куст	1	выпивка
1				
кус	9			еда
1				
кусоч	9			наскоро
1				
куснуть	2			огурец
1				
закусать	1			холодная
1				
закусон	1			щипцы
1				
кусачки	1			

Отказов - 7

Всего - 100

ЗАКУТОК

1. Хлев для мелкого скота, а также чулан, кладовая в избе; потаенное место, уголок.
2. Образовано от ЗАКУТ 'хлев, соломенный шалаш', производного от КУТ 'угол'. М.Фасмер отмечает, что едва ли ЗАКУТОК связано с КУТАТЬ /см.: Фасмер, т.2, с.76; Шанский <в.8,т.2>, с.461/.

<u>фСА</u> (32)		<u>ФА</u> (22)		<u>СА</u> (18)
кутать	18	кутить	16	уголок
9				
закутывать	8	за уток	1	кладовка
4				
кут	3	кот	1	закоулок
3				
кутаться	1	кулек	1	темный
1				
куток	1	Кутиков	1	чулан
1				
теплый, как		кутья	1	
"закутанный" уголок	1	куцый	1	

Отказов - 28

Всего - 100

ЗАЛИМОНИТЬ

1. Закинуть, забросить; ударить.

2. Образовано от сущ. ЛИМОН. Относится к группе лексем с так называемой парадоксальной мотивированностью, при которой формально выраженная связь мотивированного и мотивирующего слов лишена семантического обоснования.

<u>ФСА</u> (68)		<u>ФА</u> (5)		<u>СА</u> (16)
лимон	63	залить	2	врезать
2				
лимонка	2	лимит	1	забросить
2				
залить		миллион	1	ударить
2				
лимоном чай	1	заливка	1	выпить
1				
лимонад	1			деньги
1				
украсть лимон	1			драка
1				
				замочить
1				
				кинуть
1				
				кислый
1				
				подкислить
1				
				стукнуть
1				

украсть

1

шарахнуть

1

Отказов - 11

Всего - 100

.

ЗАЛИХВАТСКИЙ

1. Удалой, бесшабашный.

2. Слово образовано от ЗАЛИХВАТ - 'молодец, удалец, лихой, разбитной'. Согласно Н.М.Шанскому /Шанский, с.43/, ЗАЛИХВАТ возникло путем сращения словосочетания ЗА ЛИХО ХВАТ, что означает "сверх меры" ХВАТ, в то время как А.Г.Преображенский /Преображенский, т.1, с.241/, разделяет ЗАЛИХВАТ на ЗАЛИХО и ХВАТ 'молодец' /см. также: Фасмер, т.2, с 76/.

<u>ФСА</u> (82)		<u>ФА</u> (3)		<u>СА</u> (2)
лихой	38	заливать	1	отчаянный
1				
лихо	18	хвальба	1	удалой
1				
хватать	9	хвастаться	1	
лихва	5			
с лихвой	4			
хват	4			
хватить	2			
лихвать	1			
лихость	1			

Отказов - 13

Всего - 100

.

ЗАМАШКА

1. Манера действовать, повадка.

2. Слово образовалось на базе ЗАМАШКА, обозначающего действие по глаголу ЗАМАХНУТЬСЯ. Из ЗА- и МАХНУТЬ (МАХАТЬ) /см.: Фасмер, т.2, с.77; Шанский, с.45/.

<u>ФСА</u> (79)		<u>ФА</u> (8)		<u>СА</u> (4)
махать	70	Маша	7	амбиции
1				
замахнуться	6	Машка	1	повадки
1				
махаться	1			готовность
1				
махаться руками	1			привычки
1				
размахнуться	1			

Отказов - 9

Всего - 100

ЗАМЕРЕТЬ

1. Стать неподвижным, перестать двигаться, дышать; затихая, прекратиться.

2. Образовано от МЕРЕТЬ, общеслав. характера. Сюда же СМЕРТЬ, МЕРТВЫЙ, МОР
/см.: Фасмер, т.2, с.602; Шанский, с.46/.

<u>ФСА</u> (71)		<u>ФА</u> (12)		<u>СА</u> (10)
мертвый	45	замерить	3	застопориться
1				
смерть	14	замерзать	2	застыть
1				
мертвель	3	мерка	2	затаить
мор	3	мережка	1	дыхание
1				
мертвец	3	Мереть	1	затаиться
1				
заморыш	1	мерин	1	истукан
1				
морить	1	мерцать	1	окаменеть
1				
умереть	1	мерзнуть	1	остановиться
1				
				остолбенеть
1				
				оцепенеть
1				
				столб
1				

Отказов - 7

Всего - 100

ЗАМЕТКА

1. Знак, сделанный на чем-нибудь, а также краткая запись, краткое сообщение в печати.

2. Слово представляет собой диминутив от ЗАМЕТА 'знак, метка', которое является производным от ЗАМЕТИТЬ. Только во 2-ой половине XIX в. это слово приобретает также значение 'краткое письменное сообщение, сведение о чем-нибудь; небольшая статейка' /см.: Фасмер, т.2, с.610; Шанский, с.46/.

<u>ФСА</u> (78)		<u>ФА</u> (9)		<u>СА</u> (8)	
метка	38	метать	3	статья	
3					
заметить	18	закладка	1	выделение	
1					
мета	11	замести	1	зарубка	
1					
меткий	8	заметано	1	знак	
1					
отметить	1	метла	1	статейка	
1					
пометка	1	метод	1	точка	
1					
смета	1	мешок	1		

Отказов - 5

Всего - 100

ЗАМИНКА

1. Задержка, помеха; в речи - запинка, приостановка.

2. Слово образовано от гл. ЗАМИНАТЬ, итератива к ЗАМЯТЬ, производному от МЯТЬ. Первоначальное значение - 'характер, нрав у лошадей, ртачка', затем - значение 'колебание, проволочка' /см.: Шанский, с.46/.

<u>ФСА</u> (62)		<u>ФА</u> (8)		<u>СА</u> (21)
заминать	36	мина	4	запинка
8				
замять	16	минутка	2	задержка
4				
мять	10	заминировать	1	приостановка
3				
		замкнуть	1	помеха
2				
				задержать
1				
				опоздание
1				
				проволочка
1				
				промедление
1				

Отказов - 9

Всего - 100

ЗАМОРОЧИТЬ

1. Ввести в заблуждение, обмануть.

2. М.Фасмер и А.Г.Преображенский связывают данное слово родственными отношениями с такими лексическими единицами, как МОРОЧИТЬ ('одурять, лишать сознания; забивать голову'), МОРОКА (значение по диалектам: мгла, потемнение, обморок, обман'), МОРОК ('мрак, туман'), МОРОКУН ('колдун'), а также со словами с перегласовкой: СМЕРКАТЬСЯ, СУМЕРКИ, МРАК, ОМРАЧИТЬ, МРАЧНЫЙ и др. /см.: Преображенский, т.1, с.528-529, 558; Фасмер, т.2, с.658/.

<u>ФСА</u> (74)		<u>ФА</u> (7)		<u>СА</u> (6)
морока	48	мор	4	запутать
3				
морочить	15	заморозить	1	замучить
2				
заморочка	2	морить	1	затруднить
1				
мрак	2	уморить	1	одурять
1				
мрачный	2			
обморок	2			
морок	1			
сумрак	1			
умопомрачение	1			

Отказов - 13

Всего - 100

ЗАМУХРЫШКА

1. Невзрачный, неряшливый человек.

2. А.Г.Преображенский, Н.М.Шанский полагают, что данное слово образовано от ЗАМУХРЫГА 'человек невзрачной наружности; пройдоха, плут', производного от МУХРЫГА 'неряха, обманщик'. МУХРЫГА - производное от МУХРЫЙ 'плохой, хилый, тощий, невзрачный' /см.: Преображенский, т.1, с.573 и Шанский, с.48/. М.Фасмер допускает также связь с МУХЛЕВАТЬ или с МУХРЫЙ в значении 'малорослый щеголек' /см. Фасмер, т.3, с.19/.

<u>ФСА</u> (48)		<u>ФА</u> (13)		<u>СА</u> (19)
(как) муха	40	мышка	3	грязный
2				
мухрыжить	3	крышка	1	маленький
2				
мухомор	2	крыжить	1	неряха
2				
мухрыжный	1	махровый	1	алкоголик
1				
мухрышка	1	мох	1	бомж
1				
мушка	1	мусор	1	забитый
1				
		мухлевать	1	забулдыга
1				
		рыжик	1	заморыш
1				
		ханьжка	1	затюканный
1				
		хрен	1	зачуханный
1				

	хрыч	1	лох
1			оборванка
1			пьяница
1			слабый
1			худенький
1			чумазый

Отказов - 20

Всего - 100

ЗАМША

1. Выделанная мягкая и тонкая ворсовая кожа с бархатистой поверхностью.

2. А.Г.Преображенский и П.Я.Черных относят слово ЗАМША к гнезду МОХ (< МЪХЪ), в таком случае ЗАМША - 'кожа, похожая на МОХ', ср. ЗАМШИТЬСЯ - 'сделаться МШАЛЫМ, МОХНАТЫМ, покрыться МХОМ'. М.Фасмер и Н.М.Шанский полагают, что данное слово было заимствовано из немецкого языка через посредство польского: нем. salmisch leder - 'замшевая кожа' /см.: Преображенский, т.1, с.242; Фасмер, т.2, с.77; Черных, т.1, с.316; Шанский, с.48/.

<u>ФСА</u> (68)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (7)
(как) мох	43	мошка	2	бархат
2				
мохнатый	23	вша	1	ворс
1				
мшистый	1	замуж	1	материал
1				
мшалый	1	мощный	1	мягкость
1				
		мять	1	перчатки
1				
				ткань
1				

Отказов - 19

Всего - 100

.

ЗАМЫЗГАТЬ

1. Истрепать, испачкать.

2. Производное от МЫЗГАТЬ или коррелятив к ЗАМЗГНУТЬ 'затаскать, замарать, загрязнить', родственных прилагательному МОЗГЛЫЙ, диалектному МЗГЛА - 'мокрота, сырая погода' /см.: КрЭС, с.156/. А.Г.Преображенский объясняет слово МЫЗГАТЬ как новообразование к МЫКАТЬ /см.: Преображенский, т.1, с.574, а также: Фасмер, т.3, с.23/.

<u>ФСА</u> (30)		<u>ФА</u> (15)		<u>СА</u> (16)
мызгать	26	мозги	3	заносить
3				
проmozглый	3	зга	2	затаскать
3				
мызга	1	мазать	2	грязный
2				
		брызги	1	затрепать
2				
		медуза	1	грязь
1				
		мезонин	1	загрязнить
1				
		муза	1	захлюпать
1				
		мы	1	зачуханный
1				
		мыкать	1	издергать
1				
		мышь	1	сделать так,
		ни зги	1	что неприятно
				смотреть
1				

Отказов - 39

Всего - 100

ЗАМЫСЕЛ

1. Намерение, задуманный план действий, а также идея произведения.

2. Образовано от ЗАМЫСЛИТИ, производного от МЫСЛИТИ (< МЫСЛЬ). Форма ЗАМЫСЕЛ объясняется вокализацией после отпадения конечного редуцированного (ср. ВЕТР - ВЕТЕР) /см.: Преображенский, т.1, с.574; Шанский, с.49/.

<u>ФСА</u> (80)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (10)
мысль	39	замусолить	2	идея
3				
мыслить	16	замыть	1	задумка
2				
смысл	15	мускул	1	намерение
2				
замыслить	5	мусолить	1	гипотеза
1				
задняя мысль	1	мыс	1	план
1				
мысленный	1			решение
1				
мышление	1			
помысел	1			
умысел	1			

Отказов - 4

Всего - 100

ЗАНОЗА

1. Тонкий, острый кусочек дерева, осколок, вонзившийся под кожу и причиняющий боль. Также о задиристом, придиричивом, язвительном человеке.

2. Образовано на базе ЗАНОЗИТИ, деривата от общеслав. НИЗТИ, НЬЗН ТИ' пронзать, пронзить, кольнуть'. Общеслав. корень *пъз-, *poz- тот же, что и в НОЖ, ВОНЗИТЬ, ПРОНЗИТЬ, НИЗАТЬ /см.: Преображенский, т.1, с.604-605; Фасмер, т.2, с.78; Черных, т.1, с.316; Шанский, с.50/.

<u>ФСА</u> (25)		<u>ФА</u> (22)		<u>СА</u> (12)
нозить	10	нос	17	палец
6				
низать	6	заноба	1	в ноге
1				
нож	4	заносить	1	воткнулась
1				
вонзить	2	назойливый	1	дерево
1				
занозить	2	низина	1	кактус
1				
пронзить	1	роза	1	кожа
1				
				ноет
1				

Отказов - 41

Всего - 100

ЗАПАД

1. Одна из 4х сторон света и направление, противоположное востоку, а также местность, лежащая в этом направлении; страны Западной Европы и Америки.

2. Слово ЗАПАД образовано от гл. ЗАПАДАТИ 'заходить, закатываться за горизонт', являющегося производным от ПАДАТИ, итератива к ПАСТИ. Слово употреблялось в 2х значениях: 1) действие от гл. ЗАПАДАТЬ 'падать куда-либо, за что-либо, залегать, опускаться за какой-либо предмет' (но было заменено синонимом ЗАПАДЕНИЕ), затем - 'заход, западение солнца'; 2) вторичное же значение - ЗАПАД 'одна из 4х сторон света' /см.: Фасмер, т.2, с.78; Шанский, с.51/.

<u>ФСА</u> (41)		<u>ФА</u> (3)		<u>СА</u> (17)
падать	33	запал	1	Восток
7				
запасть	2	за пядью	1	Европа
4				
упасть	2	подол	1	Америка
1				
западня	1			далеко
1				
падение	1			дикий
1				
падший	1			компас
1				
пад	1			направление
1				
падаль	1			сторона света
1				

Всего - 100

ЗАПАДНЯ

1. Ловушка, приспособленная для ловли зверей и птиц.

2. Произведено от гл. ЗАПАДАТИ 'скрыться в засаде, сидеть в засаде, прятаться', являющегося образованием от общеслав. ПАДАТИ. Первоначальное значение 'засада'. Значение 'ловушка, яма' развилось позднее /см.: Шанский, с.51/.

<u>ФСА</u> (77)		<u>ФА</u> (3)		<u>СА</u> (10)
падать	55	западло	1	ловушка
3				
западать	10	падла	1	засада
2				
запад	9	поднят	1	безвыходное
попадать	2			положение
1				
упасть	1			капкан
1				
				мышеловка
1				
				укрытие
1				
				яма
1				

Отказов - 10

Всего - 100

.

ЗАПАНИБРАТА

1. Как с равным, слишком бесцеремонно, фамильярно.

2. Слово образовалось путем сращения в одно слово предлога и сущ. ПАНИБРАТ, заимствованного из польского языка, где *panibracie* - 'приятель' /см.: Преображенский, т.2, с.11; Фасмер, т.3, с.197; Шанский, с.52/.

<u>ФСА</u> (86)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (3)
брат	47	панегирик	1	на равных
2				
пан, брат	20	паниковать	1	фамильярность
1				
брататься	6	панировочные		
пан	6	сухари	1	
братан	1	пони	1	
братский	1			
братство	1			
братья	1			
за брата	1			
запанибратать	1			
пани	1			

Отказов - 7

Всего - 100

.

ЗАПИНАТЬСЯ

1. Спотыкаться, задев за что-нибудь ногой; неожиданно прерывать речь, сделать запинку.

2. Образовано путем сращения возвратной частицы -СЯ с общеслав. по происхождению ЗАПИНАТИ 'задержать, затруднять', являющегося производным от ПИНАТИ, ПТИ 'натягивать, растягивать, задерживать' (ср. РАСПЯТЬ, ПИНАТЬ, ЗАПЯТАЯ, ПЕРЕПОНКА, ПРЕПОНЫ...) /см.: Преображенский, т.2, с.167; Фасмер, т.2, с.79; Шанский, с.54/.

<u>ФСА</u> (63)		<u>ФА</u> (15)		<u>СА</u> (12)
пинать	51	пять	4	оступаться
2				
пинок	4	запятки	2	спотыкаться
2				
запинка	3	запить	1	волноваться
1				
пинаться	2	запомниться	1	затруднение
1				
распина́ться	1	запонка	1	зацепиться
1				
распятие	1	запятнать	1	осекаться
1				
пинетки	1	пинта	1	оступаться
1				
		попона	1	ошибаться
1				
		пальца	1	останавливаться
1				
				трудность
1				

Отказов - 10

Всего - 100

ЗАПЛАТА

1. Кусок ткани, кожи, нашиваемый на дырявое место для починки.

2. Слово образовано от гл. ЗАПЛАТИТИ, производного от ПЛАТИТИ 'латать', являющегося отыменным образованием от ПЛАТЬ в значении 'лоскут'. ПЛАТ обычно сближают с ПОЛОТНО /см.: Преображенский, т.2, с.69; Фасмер, т.3, с.274/, хотя Н.М.Шанскому объяснение ЗАПЛАТА под влиянием ПОЛОТНО и родственных ему представляется неверным /см.: Шанский, с.54/. М.Фасмер считает ошибочным разграничение слов ПЛАТ, ПЛАТОК и ПЛАТА, ибо, по его мнению, этимологически они связаны, потому что куски ткани применялись как средство платежа /там же/.

<u>ФСА</u> (46)		<u>ФА</u> (24)		<u>СА</u> (19)
платок	15	плата	13	дыра
3				
плат	13	платить	3	дырка
2				
латка	5	зарплата	2	кусок ткани
2				
платье	4	латы	1	бедность
1				
залатать	2	заплакать	1	брюки
1				
лата	2	заплатить	1	карман
1				
латать	2	оплата	1	квадрат
1				
залатанный	1	платина	1	лоскут
1				
заплатать	1	платный	1	накладка
1				
платать	1			на коленке
1				

	нашивка
1	
	нитки
1	
	прорежа
1	
	ШИТЬ
1	
	штаны
1	

Отказов - 13

Всего - 100

ЗАПОВЕДНИК

1. Заповедное место, где оберегаются и сохраняются редкие и ценные растения, животные, уникальные участки природы, культурные ценности и т.п.

2. Слово образовано от ЗАПОВЕДНЫЙ 'находящийся под запретом, неприкосновенный', являющегося производным от ЗАПОВЕДЬ 'запрет, запрещение, повеление'. Древнерус. ЗАПОВЬДЬ, в свою очередь, образовано следующим образом: ЗАПОВЬДЬ < ЗАПОВЬДАТИ < ПОВЬДАТИ < ВЬДАТИ 'знать', итератива к ВЬСТИ 'знать'. См. ПОВЕДАТЬ, ВЕДАТЬ, ИСПОВЕДЬ /см.: Фасмер, т.1, с.283; Шанский, с.54-55/.

<u>ФСА</u> (79)		<u>ФА</u> (2)		<u>СА</u> (8)	
ведать	44	ведение	2	лес	
2					
заповедь	26			заказник	
1					
весть	2			запрет	
1					
заповедать	2			звери	
1					
поведать	2			охранять	
1					
заповедный	1			прекрасное	
1					
исповедь	1			редкое	
1					
неведомое	1				

Отказов - 11

Всего - 100

ЗАПОНКА

1. Застежка, вдеваемая в петли воротника и манжет мужской рубашки.
2. Диминутив от ЗАПОНА 'металлическая пряжка, застежка', ныне утраченного. ЗАПОНА образовано от ЗАПИНАТИ, ЗАПЯТИ - 'препятствовать, задерживать, зацеплять'. Ср. ЗАПИНАТЬСЯ, ЗАПНУТЬСЯ - 'задевать, задеть ногой', ср. ЗАПЯТАЯ (индоевр. корень *(s)rep - 'тащить', 'тянуть/стягивать') /см.: Преображенский, т.2, с.167; Фасмер, т.2, с.79; Черных, т.1, с.316; Шанский, с.56/.

<u>ФСА</u> (17)		<u>ФА</u> (17)		<u>СА</u> (16)
перепонка	8	запинка	6	застежка
4				
попона	5	пинать	2	пуговица
4				
запона	1	западать	1	драгоценный
запонковать	1	запнуться	1	камень
1				
понка	1	запомнить	1	заколка
1				
препона	1	запятая	1	запястье
1				
		пан	1	застегивать
1				
		панк	1	золотая
1				
		пинок	1	кнопка
1				
		помпон	1	манжет
1				
		пони	1	шпулька
1				

Отказов - 50

Всего - 100

ЗАПРЯГАТЬ

1. Упряжью соединять с повозкой для тяги.

2. Слово произведено от -ПРЯГАТЬ (общеслав.*preg /*prekti; в диалектах русского языка еще сохранилось ПРЯГЧИ 'натягивать'). Этимологическими родственниками являются ПРУЖИНА, ПРУГ, СУПРУГ, УПРУГИЙ, ПРЯЖКА, СПРЯГАТЬ, УПРЯЖКА /см.: Преображенский, т.2, с.141-142; Фасмер, т.3, с.393; Шанский, с.57/.

<u>ФСА</u> (30)		<u>ФА</u> (36)		<u>СА</u> (11)
пряжка	16	упругий	10	заставлять
4				
спрягать	8	пружина	8	лошадь
4				
напрягать	2	запрет	6	взнуздать
1				
впрячь	1	пряжа	3	закладывать
1				
прягать	1	прядь	2	соединить
1				
супруг	1	прялка	2	
упряж	1	прятать	2	
		запруда	1	
		прежний	1	
		пряжа	1	

Отказов - 23

Всего - 100

ЗАПУЗЫРИВАТЬ

1. Ухватиться, приниматься за что-либо; забросить (далеко); напиться.

2. М.Фасмер отмечает, что напрашивается сравнение с ПУЗЫРЬ, ПУЗЫРЕК, но оно не объясняет первого значения /см.: Фасмер, т.2, с.79/.

<u>ФСА</u> (73)		<u>ФА</u> (-)	<u>СА</u> (17)
пузырь	63		выпивать
3			
пузырек	3		пить
2			
пузырить	2		бутылка
1			
вливать в пузо	1		вздувать
1			
выпить "пузырь"	1		водка
1			
пузан	1		выпивка
1			
пузо	1		глотать
1			
пускать пузыри	1		катать водку
1			
			много пить
1			
			надувать
1			
			пьянствовать
1			
			спать
1			

стеклотара

1

употреблять

1

Отказов - 10

Всего - 100

ЗАПЫХАТЬСЯ

1. Начать дышать с трудом от быстрой ходьбы, бега, усталости.

2. Образовано от гл. ПЫХАТЬ 'тяжело дышать', отмеченного в словаре В.И.Даля /Даль, т.3, с.548/, родственного ПЫХТЕТЬ, ВСПЫХНУТЬ, ПЫШНЫЙ, ПЫШКА, связано чередованием гласных с ПУХ, ПУХНУТЬ /см.: Преображенский, т.2, с.161; Фасмер, т.3, с.414, 421-422; Шанский, с.58/.

<u>ФСА</u> (58)		<u>ФА</u> (16)		<u>СА</u> (15)	
пыхтеть	47	пухнуть	4	задохнуться	6
пыхать	7	вспыхнуть	3	устать	3
впопыхах	2	пух	2	быстрый	1
запыхтеть	1	пышный	2	дышать	1
пых	1	запухать	1	еле дышать	1
		запушить	1	напрягаться	1
		пахать	1	трудно дышать	1
		пужлый	1	тяжело	1
		пышка	1		

Отказов - 11

Всего - 100

ЗАПЯСТЬЕ

1. Часть кисти руки, прилегающая к предплечью.

2. Произведено от старослав. *П СТЬ - 'кулак, пясть'. Сущ. П СТЬ образовано, по предположениям этимологов /см.: Преображенский, т.2, с.165; Фасмер, т.3, с.423-424, 426; Черных, т.1, с.316-317; КрЭС, с.157; Шанский, с.58/ от той же основы, что и числ. П ТЬ (< *petъ > ПЯСТЬ). В таком случае ПЯСТЬ буквально значит ПЯТЕРНЯ.

<u>ФСА</u> (52)		<u>ФА</u> (10)		<u>СА</u> (20)
пять	40	запятая	2	рука
12				
пядь	4	запятки	2	кисть
2				
пясть	4	пасть	1	пальцы
2				
за пятью пальцами	2	пест	1	браслет
1				
за пять	1	прясть	1	красивое
1				
пястье	1	пяльцы	1	перст
1				
		пята	1	тонкое
1				
		пятиться	1	

Отказов - 18

Всего - 100

ЗАПЯТАЯ

1. Знак препинания; (перен.) препятствие, затруднение.

2. Является субстантивированным причастием от гл. ЗАП ТИ 'воспрепятствовать, задержать'. Эта же основа в ЗАПОНКА, ПУТО, ПРЕПЯТСТВИЕ, ПРЕПОНЫ, ЗАПНУТЬСЯ, ПНУ, РАСПЯТИЕ... /см.: Преображенский, т.2, с.167; Фасмер, т.2, с.79; Черных, т.1, с.317; Шанский, с.58/.

<u>ФСА</u> (9)		<u>ФА</u> (43)		<u>СА</u> (12)
препятствие	6	пять	17	закорючка
3				
воспрепятствовать	1	пятка	9	знак препинания
2				
препятствовать	1	запятки	4	Ахиллес
1				
распятие	1	пята	4	задерживать
1				
		запятнанный	2	застрять
1				
		пятно	2	знак
1				
		запястье	1	остановка
1				
		пядь	1	пауза
1				
		пятак	1	трудность
1				
		пятить	1	
		за пятой	1	

Отказов - 36

Всего - 100

ЗАРАЗА

1. Болезнетворное начало, распространяемое микробами.

2. Слово возникло на базе сущ. ЗАРАЗА 'убийство, гибель', производного от гл. ЗАРАЗИТЬ 'убить', деривата от общеслав. РАЗИТЬ 'убивать, резать'. Сюда же РАЗ (один РАЗ, ни РАЗУ). В слав. языках сущ. РАЗЬ 'раз, удар, случай' является перегласовкой к РЬЗЬ (РЕЗАТЬ) и образовано от РАЗИТИ /см.: Фасмер, т.2, с.79; КрЭС, с.378; Шанский, с.59/.

<u>ФСА</u> (27)		<u>ФА</u> (25)		<u>СА</u> (17)
разить	29	раз	9	инфекция
8				
заразить	5	разный	5	болезнь
4				
заразный	1	разовый	2	дрянь
1				
поразить	1	зараз	1	микроб
1				
резать	1	заранее	1	мразь
1				
		зарок	1	негодяйка
1				
		заря	1	тварь
1				
		разве	1	
		разница	1	
		разность	1	
		разок	1	
		разом	1	

Всего - 100

ЗАРВАТЬСЯ

1. Не рассчитав своих сил, возможностей, прав, слишком далеко зайти в чем-нибудь.

2. Возникло на базе ЗАРВАТЬСЯ 'порываться, стремиться куда-либо изо всех сил' (см.: Даль, т.1, с.630: 'ЗАРВАЛАСЬ ДУША НА ПРОСТОР'), производного от РВАТЬСЯ 'стремиться достигнуть чего-либо', в данном значении образованного на базе возвратной формы гл. РВАТЬ /см.: Шанский, с.59-60/.

<u>ФСА</u> (74)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (9)
рваться	42	зарница	1	обнаглеть
3				
рвать	26	зарыть	1	выгода
1				
рвач	3	заря	1	далеко зайти
1				
рваный	1	заряд	1	наглеть
1				
рвань	1	равнина	1	охаметь
1				
рвота	1	ров	1	распоясаться
1				
				стремиться
1				

Отказов - 11

Всего - 100

ЗАРИТЬСЯ

1. Смотреть на кого-что-нибудь с завистью, с желанием иметь.

2. Является возвратной формой от гл. ЗАРИТЬ, производного от ЗАРЯ или ЗАРА. ЗАРЯ - общеслав. *zara (*zoga), представляет собой образование от *zьreti. Глагол ЗАРИТЬ известен в диалектах и имеет значение 'зорко высматривать, искать; искать глазами', 'заинтересовать, раздражать, возбуждать', ЗАРИТЬ кого-либо - 'распалить, поджигать на что-либо' (ср. также ЗАРИ - 'сильное, жгучее желание; страсть; зависть', ЗАРНЫЙ, ЗАРКИЙ - 'жадный' /см.: Даль, т.1, с.561/). П.Я.Черных полагает, что значение 'зариться' развилось из значения 'распалиться, разжигаться, разгораться, воспламениться' (ср. ЗАРЯ). Н.М.Шанский утверждает следующую логику развития семантики глагола ЗАРИТЬСЯ: 'смотреть не отрываясь' > 'любоваться' > 'разжигаться, смотреть с желанием овладеть чем-либо' /см.: Преображенский, т.1, с.257; Фасмер, т.2, с.74, 80; Черных, т.1, с.317; Шанский, с.60/.

<u>ФСА</u> (11)		<u>ФА</u> (34)		<u>СА</u> (11)
зрить	4	заря	20	жадность
3				
зреть	3	зарница	8	завидовать
3				
зарить	1	заяц	1	деньги
1				
зоркий	1	зорька	1	зависть
1				
зырить	1	зря	1	предосторожность
1				
позариться	1	разорить	1	претендовать
1				
		рдеться	1	хотеть
1				
		зарев	1	

Отказов - 44

Всего - 100

ЗАРУЧИТЬСЯ

1. Заблаговременно обеспечить себе чью-нибудь помощь, поддержку.
2. Слово образовано от РУЧАТИ - 'поручаться', сохранившегося в диалектах и являющегося производным от РУКА /см.: КрЭС, с.396/.

<u>ФСА</u> (83)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (4)
рука	67	ручей	3	обещать
2				
ручаться	6	завуч	1	клятва
1				
ручка	4			удостовериться
1				
поручить	2			
порука	1			
по рукам	1			
поручиться	1			
ручной	1			

Отказов - 9

Всего - 100

ЗАСАНДАЛИТЬ

1. Сильно бросить; ударить.

2. Корень тот же, что в САНДАЛИИ, САНДАЛИТЬ. Слово относится к группе лексем с так называемой парадоксальной мотивированностью, при которой формально выраженная связь мотивированного и мотивирующего слов лишена семантического обоснования.

<u>ФСА</u> (72)		<u>ФА</u> (2)		<u>СА</u> (15)
сандали	71	сadanуть	1	ударить
4				
сандали <u>ть</u>	1	сани	1	закинуть
3				
				вдарить
1				
				влепить
1				
				вмазать
1				
				врезать
1				
				всадить
1				
				обуть
1				
				плюнуть
1				
				шлепки
1				

Отказов - 11

Всего - 100

ЗАСВЕТИТЬ

1. Зажечь для освещения; сильно ударить, поставить фонарь.
2. От СВЕТИТЬ, СВЕТ.

<u>ФСА</u> (70)		<u>ФА</u> (2)		<u>СА</u> (18)
свет	63	Света	2	ударить
4				
светить	4			синяк
3				
затмить свет	1			врезать
2				
света белого				фонарь
2				
невзвидеть	1			забросить
1				
ударить так,				звездануть
1				
чтоб свет померк	1			кулак
1				
				лампочка
1				
				огреть
1				
				сделать
				видимым
1				
				хлопнуть
1				

Отказов - 10

Всего - 100

ЗАСЕМЕНИТЬ

1. Пойти частыми, мелкими шагами.

2. Слово образовано от СЕМЕНИТЬ < СЕМЯ. СЕМЯ - общеслав., имеет соответствия в др. индоевр. языках. Произведено с помощью суффикса *-men (>-МЯ) от seti (> СЪТИ) - 'сеять' /см.: Фасмер, т.3, с.600-601; КрЭС, с.406/.

<u>ФСА</u> (67)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (13)
семя (семена)	56	засинить	1	заспешить
3				
семечко(и)	6	семит	1	медленно идти
2				
семенить	3	семь	1	быстро говорить
1				
осеменить	1	сеять	1	быстро пойти
1				
покрыть семенами	1	синий	1	карлик
1				
		смена	1	мелкие шаги
1				
				мельчить
1				
				плестись
1				
				телепаться
1				
				торопиться
1				

Всего - 100

.

ЗАСКОРУЗЛЫЙ

1. Шершавый, загрубевший; (перен.) отсталый, неразвитой, закоснелый.

2. Слово представляет собой производное от гл. ЗАСКОРУЗНУТЬ 'зачерстветь', 'стать жестким', 'покрыться коркой и трещинами (вследствие загрубения)', который образован от СКОРУЗНУТЬ 'сохнуть, морщиться, трескаться'. Последнее, по мнению Н.М.Шанского, предполагает *СКОРУЗЪ, образованное от той же основы, что и сущ. СКОРА - 'шкура', 'сырая кожа' - слова одного происхождения с КОРА (индоевр.база *(s)ker - 'резать'). П.Я.Черных отмечает, что изменение суффикса -ОЗ- в -УЗ- произошло вследствие контаминации со *СКОРУПНУТЬ, *СКОРУБНУТЬ от СКОРУПА (укр. ЗАШКАРУБНУТИ - ШКАРАЛУПА 'скорлупа') /см.: Преображенский, т.1, с.306,308,352; Фасмер, т.2, с.75; Черных, т.1, с.317; КрЭС, с.211; Шанский, с.62/.

<u>ФСА</u> (58)		<u>ФА</u> (14)		<u>СА</u> (7)
кора	23	скоро	5	сухой
2				
корка	15	кожура	3	неприятный
1				
короста	8	кукурузный	1	плохой
1				
скорлупа	8	скоро		старый
1				
корузлый	1	разозлившийся	1	царапина
1				
корявый	1	скорый	1	шершавый
1				
коряжистый	1	узел	1	
скорюзить	1	узловатый	1	

Всего - 100

ЗАСТЕНЧИВЫЙ

1. Стыдливо-робкий в обращении, в поведении, смущающийся.

2. Образовано от (ЗА)СТЕНЬ. Древнерус. СТЬНЬ, ЗАСТЬНЬ 'тень', 'осень', 'признак'. Ср. русс. диалектное ЗАСТЕНИТЬ - 'затемнить' /Даль, т.1, с.573/. Старшее значение слова ЗАСТЕНЧИВЫЙ - 'ищущий ЗАСТЕНИ', 'предпочитающий быть в ТЕНИ' > 'боящийся обращать на себя внимание'. Происхождение слова СТЬНЬ не совсем ясно (СТЬНЬ - контаминация СЬНЬ и ТЬНЬ или СЬНЬ и СТЬНА ?) /см.: Фасмер, т.2, с.81; Черных, т.1, с.318; КрЭС, с.158-159; Шанский, с.65/.

<u>ФСА</u> (68)		<u>ФА</u> (-)	<u>СА</u> (19)
стена	37		скромный
8			
тень	15		скромность
3			
за стеной	6		несмелый
2			
стесняться	3		робкий
2			
в застенках	1		покрасневший
1			
как стенка	1		смущенный
1			
молчит как стена	1		трусливый
1			
около стеночки	1		человек
1			
стеснительный	1		
стоит за стеной	1		
прячется в тень	1		

Отказов - 13

Всего - 100

ЗАСТЕЖКА

1. Приспособление (петля, пряжка и т.п.) для застегивания.
2. Диминутив к ЗАСТЕГА, которое является отглагольным образованием от ЗАСТЕГАТИ, производного от СТЕГАТИ 'шить, соединять, застегивать' (праслав. *steg, *stog) /см.: Преображенский, т.2, с.379; Фасмер, т.2, с.81; Шанский, с.64/.

<u>ФСА</u> (38)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (22)
стежка	19	настежь	1	пуговица
12				
стегать	9	застать	1	пряжка
4				
застегивать	4	стекаться	1	запонка
2				
стежок	4			кнопка
1				
пристежка	1			одежда
1				
стеганный	1			петля
1				
				у платья
1				

Отказов - 34

Всего - 100

ЗАСТИТЬ

1. Заслонять, загораживать (свет).

2. Происхождение объясняется по-разному. Н.М.Шанский полагает, что этот глагол может представлять обратное образование к ЗАСТЕНЬ 'кто застит' < 'тень', которое образовано от СТЕНЬ (см. ЗАСТЕНЧИВЫЙ). Согласно А.Г.Преображенскому, ЗАСТИТЬ является преобразованием гл. ЗАСТЕНЯТЬ. ЗАСТЕНЯТЬ толкуется обычно как производное от СТЕНЬ 'тень'. СТЕНЬ общепринятой этимологии не имеет. Многие исследователи говорят о генетической связи между рус. СТЬНА и СТЬНЬ и сближают их со словом ТЬНЬ /см.: Преображенский, т.1, с.243; Фасмер, т.2, с.81; Шанский, с.65/.

<u>ФСА</u> (17)		<u>ФА</u> (18)		<u>СА</u> (15)	
стена	13	застилать	5	заслонять	
4					
тень	3	стлать (стелить)	3	загораживать	
3					
за стеной	1	встать	1	закрывать	
3					
		зависть	1	затмить	
2					
		заяц	1	закрывать свет	
1					
		ластить	1	светить	
1					
		острый	1	тьма	
1					
		ось	1		
		стать	1		
		стелиться	1		
		степь	1		
		стихать	1		

Отказов - 50

Всего - 100

ЗАСТОПОРИТЬ

1. Останавливать, задерживать движение, замедлять развитие чего-нибудь.

2. Слово произведено от СТОПОРИТЬ 'останавливать, задерживать, крепить', которое является заимствованным из голлязыка, где stoppen - 'затыкать, задерживать'. Слово расширило сферу употребления и значения, ср. у Даля: ЗАСТОПОРИТЬ - 'задерживать, закрепляя СТОПОРОМ' /см.: Фасмер, т.3, с.767; КрЭС, с.514; Шанский, с.66/.

ФСА (61)		ФА (17)		СА (10)
стоп	52	топор	10	остановить
4				
штопор	6	стопарь	3	заглохнуть
1				
стоп-кран	1	стопка	2	задержать
1				
стопор	1	стоптать	1	зажать
1				
стопорить	1	упор	1	закрыть
1				
				замедлить
1				
				затормозить
1				

Отказов - 12

Всего - 100

ЗАСТРЕЛЬЩИК

1. Тот, кому принадлежит почин в каком-нибудь деле.

2. Образовалось от ЗАСТРЕЛЬЩИК в значении 'солдат, начинающий стрелять в неприятеля, завязывающий перестрелку', которое является, в свою очередь, производным от ЗАСТРЕЛ, деривата от ЗАСТРЕЛЯТЬ 'начать стрелять', производного от СТРЕЛЯТЬ /см.: Фасмер, т.3, с.774; Шанский, с.66/.

<u>ФСА</u> (68)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (6)
стрелять	48	забойщик	1	ружье
2				
стрела	10	застрять	1	ненастье
1				
стрелок	4	треск	1	охота
1				
застрелить	2	тридцать	1	палач
1				
стрельба	2			убиватель
1				
выстрел	1			
стрель	1			

Отказов - 22

Всего - 100

ЗАСТУПИТЬСЯ

1. Защитить кого-нибудь.

2. Слово образовано от ЗАСТУПИТЬ. Ср. старослав. ЗАСТ ПИТИ 'встать за кого-нибудь, защитить, помочь, заступиться', которое является производным от СТУПИТЬ /см.: Шанский, с.67/. А.Г.Преображенский /Преображенский, т.2, с.408-409/ связывает общим индоевр. корнем *stemp- 'ударять, бить, толкать' слова СТУПИТЬ и СТОПА. /См. также: Фасмер, т.3, с.788; КрЭС, с.430/.

<u>ФСА</u> (82)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (9)
ступить	37	стопа	3	защитить
7				
ступень	11	за стул	1	встать горой
1				
ступня	11	студить	1	обидеть
1				
заступить	9	стучать	1	
заступ	8			
ступа	4			
ступица	1			
уступ	1			

Отказов - 6

Всего - 100

ЗАТЕСАТЬСЯ

1. Пробраться, проникнуть куда-либо, где тебе не место и где тебя не ждут; втереться, влезть.

2. П.Я.Черных производит данное слово от ЗАТЕСЬ -'мета топором на дереве', отсюда ЗАТЕСАТЬСЯ - 'зайти ЗАТЕСЬЮ в чужое владение' (при межевании леса), и далее 'зайти, куда не следует' /Черных, т.1, с.318/. Н.М.Шанский выстраивает др. цепочку: ЗАТЕСАТЬСЯ < ЗАТЕСАТЬ < ТЕСАТЬ /см.: Шанский, с.68, а также: Фасмер, т.4, с.50/.

<u>ФСА</u> (69)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (14)
тес	31	тесный	3	забраться
3				
тесать	20	затеряться	1	пролезть
3				
тесак	12	тесемка	1	проникнуть
3				
затесь	3	тесно	1	втереться
2				
затесать	2			пробраться
2				
втесаться	1			прокрасться
1				

Отказов - 11

Всего - 100

ЗАТРЕЩИНА

1. Пощечина, оплеуха.

2. Слово образовано от ЗАТРЕСК - 'удар с треском', в диалектах еще известного, которое, в свою очередь, было произведено от ТРЕСК. Ср. ТРЕСНУТЬ - 'ударить' /см.: Фасмер, т.4, с.99-100; КрЭС, с.159; Шанский, с.70/

<u>ФСА</u> (81)		<u>ФА</u> (9)		<u>СА</u> (6)
треск	28	трясти	2	оплеуха
2				
трещина	16	затронуть	1	ударить
2				
треснуть	12	треска	1	пощечина
1				
трещать	8	трепать	1	щелчок
1				
затрещать	7	три	1	
трескаться	6	трость	1	
треснуться	2	тряска	1	
трескотня	1	тщета	1	
трещотка	1			

Отказов - 4

Всего - 100

ЗАТУРКАННЫЙ

1. Измученный непрерывными придирчивыми требованиями, обращением.

2. Возможно, от ТУРИТЬ 'гнать', неизвестного происхождения. А.Г.Преображенский предполагает, что ТУРИТЬ может относиться к рус. ТУР - 'какое-то передвижное осадное приспособление' или от ТУР 'зубр', выступавшего в качестве эпитета для обозначения храброго человека. В этом случае ТУРИТЬ - первоначально 'пугать'. М.Фасмер сближает ТУРИТЬ с ТОРКАТЬ 'толкать, колотить', ТОРКНУТЬ 'толкнуть, рвануть', ТОРК 'толчок, стук'. Праслав. *тъrk-, *stъrk-, по-видимому, звукоподражательного происхождения / см.: Преображенский, т.2, с.19-20; Фасмер, т.4, с.83, 123; КрЭС, с.455/.

<u>ФСА</u> (33)		<u>ФА</u> (30)		<u>СА</u> (12)
туркать	10	турки (турок)	30	толкать
4				
турнуть	9			замученный
2				
вытурить	7			затюканный
2				
торкать	4			забитый
1				
затуркать	3			задерганный
1				
				замороженный
1				
				имеющий
				плохой вид
1				

Отказов - 25

Всего - 100

ЗАТХЛЫЙ

1. Дурно пахнувший, испортившийся от гниения, сырости; (перен.) косный, лишенный живых, жизненных интересов.

2. Образовано на базе перфективного прич. на -л- ЗАДЪХЛЫЙ от гл. ЗАДЪХНУТИ(СЯ); ЗАТХЛЫЙ из ЗАДЪХЛЫЙ в результате ассимиляции звонкого Д с глухим Х. А.Г.Преображенский и М.Фасмер предполагают, что смена Д на Т могла быть также обусловлена народноэтимологическим сближением ЗАТХЛЫЙ с ТУХЛЫЙ (ср. диал. ЗАТУХЛЫЙ). Корень *дъх- тот же, что в ДОХЛЫЙ, ДОХНУТЬ, ЗАДОХНУТЬСЯ, ЗАДЫХАТЬСЯ, ДУХ, ЗАДУШИТЬ и пр. /см.: Преображенский, т.1, с.204,240, т.2,с.23-24; Фасмер, т.2, с.74; Черных, т.1, с.318; Шанский, с.70/.

<u>ФСА</u> (61)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (12)
тухлый	42	тлеть	3	запах
5				
тухнуть	8	нахлынуть	1	вонючий
1				
протухнуть	4	тлен	1	испорченный
1				
дохлый	2	хворост	1	жуткий
1				
дохнуть	2			неприятный
1				
душный	1			плохой запах
1				
задох	1			плохо пахнувший
1				
тухло	1			хорек
1				

Отказов - 21

Всего - 100

ЗАТЫЛОК

1. Задняя часть черепа, головы.

2. Образовано от ЗАТЫЛЬ (ср. фольклор. ЗАТЫЛ), производного от ТЫЛЬ. ТЫЛ образовано от ТЫТИ 'жиреть' (см. ТУК). Первоначальное значение - 'набухлость', далее - 'задняя часть шеи > затылок > вообще задняя сторона чего-либо > задняя часть войска' /см.: Преображенский, т.2, с.26-27; КрЭС, с.159/.

<u>ФСА</u> (78)		<u>ФА</u> (7)		<u>СА</u> (7)
ТЫЛ	55	затыкать	2	голова
3				
ТЫЛЬНЫЙ	19	затычка	2	череп
2				
за тылом	3	затухнуть	1	зад
1				
подзатыльник	1	затхлый	1	задний
1				
		ТЫН	1	

Отказов - 8

Всего - 100

ЗАУРЯДНЫЙ

1. Ничем не выделяющийся, посредственный.

2. Дериват от ЗАУРЯД - 'заместитель, исправляющий должность' (ср. УРЯДНИК), которое в свою очередь является образованием от УРЯДИТЬ - 'устроить, учредить', производного от РЯДИТИ - 'править, управлять'. ЗАУРЯДНЫЙ - буквально 'замещающий, ненастоящий' > 'посредственный, не выдающийся' /см.: Фасмер, т.3, с.536, т.4, с.169; КрЭС, с.159; Шанский, с.71-72/.

<u>ФСА</u> (66)		<u>ФА</u> (2)		<u>СА</u> (21)
ряд	29	заря	1	обычный
7				
рядовой	26	зарябить	1	обыкновенный
3				
рядить	5			посредственный
2				
заряд	1			серый
1				
зарядка	1			средний
1				
порядок	1			неинтересный
1				
рядом	1			неприметный
1				
рядышком	1			однообразный
1				
урядник	1			похожий
1				
				простой
1				

Отказов - 11

Всего - 100

ЗАУСЕНЕЦ

1. Задравшаяся кожица около ногтя.

2. М.Фасмер и Н.М.Шанский производят ЗАУСЕНЕЦ от сущ. УС /см.: Фасмер, т.2, с.83; Шанский, с.72/. Но также вероятна трактовка этого слова как производного от УСНА - 'кожа' /см.: Преображенский, т.1, с.243/.

<u>ФСА</u> (47)		<u>ФА</u> (10)		<u>СА</u> (23)
ус(ы)	32	гусеница	5	палец
8				
за усами	7	сени	4	заноза
3				
за ус	5	у Сени	1	мешает
2				
усик	2			помеха
2				
усенки	1			больно
1				
				болячка
1				
				завихрение
1				
				задираться
1				
				зазубрина
1				
				руки
1				
				торчит
1				

щепка

1

Отказов - 20

Всего - 100

ЗАУШАТЕЛЬНОСТЬ

1. Оскорбительная, грубая критика с целью унижить, опорочить кого-нибудь.

2. Образовано от ЗАУШАТЬ в переносном значении 'оскорблять' (< 'бить, давать затрещину'). Гл. ЗАУШАТЬ, в совр. рус. языке устаревший, является образованием на базе фразеологического сочетания ЗА УШИ ДРАТЬ /см.: Фасмер, т.2, с.83; КрЭС, с.160; Шанский, с.72/.

<u>ФСА</u> (68)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (19)
уши	34	заухать	1	сплетни
10				
за уши	18	уха	1	слухи
3				
ушат	8	шатя	1	затрещина
1				
драть за уши	2	шатун	1	обида
1				
ушанка	2			оплеуха
1				
ушлый	2			пощечина
1				
заушный	1			унижение
1				
наушник	1			щелчок
1				

Отказов - 9

Всего - 100

ЗАФИТИЛИТЬ

1. С силой или точно бросить; ударить.

2. Слово образовано от ФИТИЛЬ. Относится к группе лексем с так называемой парадоксальной мотивированностью, при которой формально выраженная связь мотивированного и мотивирующего слов лишена семантического обеспечения.

<u>ФСА</u> (71)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (14)
фитиль	71	фита	2	ударить
6				
		фисташки	2	вмазать
2				
		фишка	1	загореться
1				
		фитюлька	1	зажечь
1				
				засадить
1				
				поджечь
1				
				свеча
1				
				синяк
				поставить
1				

Отказов - 9

Всего - 100

ЗАХОЛОНУТЬ

1. Замереть, оцепенеть на мгновение.
2. *В этимологических словарях происхождение данного слова не зафиксировано.

<u>ФСА</u> (31)		<u>ФА</u> (13)		<u>СА</u> (14)	
холод	20	хлам	3	беспорядок	
1					
хлынуть	6	заполонуть	1	больница	
1					
заполнить холодом	1	захламить	1	грязь	
1					
нахлынуть	1	захлестнуть	1	заболеть	
1					
охолонуть	1	захолустный	1	забыть	
1					
холодно	1	колыхать	1	закрыться	
1					
холодный	1	одеть хомут	1	замереть	
1					
		пнуть	1	замести следы	
1					
		полохнуть	1	замерзнуть	
1					
		хлопнуло	1	зашлось	
1					
		холка	1	инфаркт	
1					
				испугаться	
1					

мороз

1

статья

неподвижным

1

Отказов - 42

Всего - 100

ЗАХОЛУСТЬЕ

1. Место, далекое от культурных центров, глухая провинция.

2. М.Фасмер, Н.М.Шанский, П.Я.Черных связывают ЗАХОЛУСТЬЕ с древнерус. книжным ХАЛУГА - 'улица', 'заулок', 'изгородь', неясного происхождения. А.Г.Преображенский говорит о влиянии на ЗАХОЛУСТЬЕ слова ХОЛОСТОЙ вследствие затемнения этимологии / см. Преображенский, т.1, с.281; Фасмер, т.2, с.83-84; Черных, т.1, с.318; Шанский, с.73/.

<u>ФСА</u> (21)		<u>ФА</u> (16)		<u>СА</u> (24)
холостой	8	холст	4	дыра
9				
жалупа	6	холм	2	глушь
8				
хлам	3	холод	2	даль
2				
захолустный	1	за устьем	1	глухомань
1				
"холостое" -		хилый	1	грязь
1				
пустое место	1	хлыст	1	лачуга
1				
холусть	1	хол	1	провинция
1				
холустье	1	холодец	1	трущобы
1				
		холодно	1	
		хомут	1	
		хулиган	1	

Отказов - 39

Всего - 100

ЗАХУДАЛЫЙ

1. Обедневший, пришедший в упадок; плохой, незначительный.

2. Слово образовалось от ЗАХУДАЛЫЙ, причастия гл. ЗАХУДАТИ 'исхудать, похудать; обеднеть, прийти в упадок', деривата от ХУДАТИ /см.: Фасмер, т.4, с.282; КрЭС, с.483; Шанский, с.73/.

<u>ФСА</u> (76)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (13)
худой	67	художник	1	тощий
3				
худоба	2	хула	1	бедный
2				
худощавый	2	хулиган	1	хилый
2				
худеть	1	удалой	1	болезненный
1				
худо	1			дистрофик
1				
худо-бедно	1			место
1				
худой, т.е. плохой	1			несчастный
1				
худосочный	1			плохой
1				
				чажлый
1				

Отказов - 7

Всего - 100

ЗАЦЕПИТЬ

1. Задеть, поддеть, чтобы притянуть к себе или соединить с чем-нибудь; случайно задеть при движении; уязвить.

2. Образовано от *ЦЕПИТЬ (ср. у Даля ЦЬПИТЬСЯ 'цепляться': Даль, т.4, с.579), сохранившегося лишь в приставочных образованиях (ОТЦЕПИТЬ, ПРИЦЕПИТЬ, НАЦЕПИТЬ и др.) и восходящего к ЧЕПИТЬ /см.: Преображенский, т.2, с.47; Фасмер, т.4, с.299; КрЭС, с.484-485; Шанский, с.73/.

<u>ФСА</u> (71)		<u>ФА</u> (12)		<u>СА</u> (9)
цепляться	16	цыпки	5	задеть
7				
цепь	15	зацапать	2	поссориться
1				
цепкий	10	цыпа	2	ухватить
1				
цепить	8	зацыкать	1	
цеплять	8	цыплята	1	
зацеп	4	цыпочка	1	
зацепка	4			
цепочка	4			
прицепиться	1			
цеп	1			

Отказов - 8

Всего - 100

ЗАЧУХАННЫЙ

1. Грязный, неопрятный, истрепанный.

2. *В этимологических словарях происхождение данного слова не указано.

<u>ФСА</u> (33)		<u>ФА</u> (17)		<u>СА</u> (19)
чушка	18	чихать	6	грязный
2				
чух	4	чукча	4	замученный
2				
чумазый	2	чухонец	2	свинья
2				
зачахнуть	1	кужонный	1	грязь
1				
зачухать	1	нюхать	1	забитый
1				
чахлый	1	чих	1	замусоленный
1				
чуха	1	чмо	1	замухрышка
1				
чухать	1	чулан	1	измызганный
1				
чухаться	1			истрепанный
1				
чухня	1			неопрятный
1				
чуча	1			неприятный
1				
чучело	1			оборванный
1				

1	потасканный
1	пьяница
1	старый
1	усталый

Отказов - 31

Всего - 100

ЗАШИБАТЬ

1. Бить, ударять; добывать, зарабатывать в большом количестве; выпивать, пьянствовать.

2. ЗАШИБАТЬ в значениях 'добывать, приобретать' и 'пьянствовать' образовано на базе гл. ЗАШИБАТЬ 'ударять', деривата от ШИБАТЬ 'с силой бить, ударять, кидать'. ЗАШИБАТЬ 'пьянствовать', по всей вероятности, пришло из диалектов. Этимологически родственными слову ЗАШИБАТЬ являются УШИБИТЬ, ШИБКИЙ, ОШИБАТЬСЯ, ОШИБКА /см.: Преображенский, т.2, с.98; Фасмер, т.4, с.435; Шанский, с.74/.

<u>ФСА</u> (36)		<u>ФА</u> (19)		<u>СА</u> (21)
шибануть	18	зашивать	4	бить
5				
ушибить	5	шить	3	ударять
5				
шибать	3	ошибаться	2	пьянствовать
3				
шибкий	3	шишка	2	деньгу
2				
шибко	3	пришить	1	добывать
1				
ушиб	2	шиворот	1	забивать
1				
вшибать	1	шиковать	1	зарабатывать
1				
сшибить	1	шило	1	колошматить
1				
		шипеть	1	пить водку
1				
		шифон	1	удар
1				

ШИШ

1

ошибка

1

Отказов - 24

Всего - 100

ЗАЯДЛЫЙ

1. Завзятый, с увлечением отдающийся какому-нибудь занятию.
2. Заимствовано из польского языка. Польск. *zajadly* - производное от *zajadać* 'закусывать, уплетать', родственно ЕДА, ЕСТЬ /см.: Фасмер, т.2, с.84; Шанский, с.75/.

<u>ФС</u> А (41)		<u>ФА</u> (5)		<u>СА</u> (28)
яд	38	еда	1	постоянный
6				
ядовитый	3	есть (кушать)	1	курильщик
3				
		заяц	1	завсегда
2				
		ядерный	1	игрок
2				
		язва	1	любитель
2				
				увлеченный
2				
				ярый
2				
				авторитет
1				
				болельщик
1				
				верный своим принципам
1				
				вредный
1				

1	всем известный
1	злостный
1	злоупотребляющий
1	испытанный
1	фанат

Отказов - 26

Всего - 100

ЗВЕЗДАНУТЬ

1. Сильно и резко ударить.

2. А.Г.Преображенский производит от ЗВЕЗДА, т.е. 'ударить, чтобы искры из глаз посыпались'. Это объяснение не принимает М.Фасмер, связывающий ЗВЕЗДАНУТЬ с древнерус. ЗВИЗДАТИ 'свистать', ЗВИЗДЪ 'свист', ЗВИЗНУТЬ 'сильно ударить' /см.: Преображенский, т.1, с.245; Фасмер, т.2, с.86/.

<u>ФСА</u> (72)		<u>ФА</u> (-)	<u>СА</u> (18)	
звезда	60		ударить	5
ударить так, чтобы			стукнуть	2
звезды появились			вдарить	1
(посыпались)	3		в лоб	1
звездный	2		влупить	1
стукнуть, чтоб			вмазать	1
звезды из глаз	2		дать	1
звездочет	1		двинуть	1
звездочка	1		долбануть	1
мутная звезда	1		искры	1
созвездие	1		отвесить	1
ударить "до звезд			шарахнуть	1
в глазах"	1		шибануть	1

Отказов - 10

Всего - 100

ЗЕЛЬЕ

1. Питье, снадобье (лекарство; отравы, яд); водка.

2. Образовано от ЗЕЛЬ. Развитие значения происходило, вероятно, следующим образом: 'травянистые растения' > 'лекарственные травы' > 'отравы' и 'волшебные травы' /см.: Фасмер, т.2, с.92; Черных, т.1, с.323; Шанский, с.85/.

<u>ФСА</u> (61)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (24)
зеленый	39	ель	1	водка
4				
зелень	19	зело	1	лекарство
4				
зеленоватый	1	лень	1	травы
4				
зеленое вино	1	лен	1	отравы
3				
напиток из зелени	1			яд
2				
				вино
1				
				змей
1				
				колдовское
1				
				любовь
1				
				магия
1				
				пойло
1				

снабжение

1

Отказов - 11

Всего - 100

ЗЕМЛЯНИКА

1. Травянистое растение, дающее душистые сладкие ягоды розовато-красного цвета, а также сами ягоды.

2. Слово образовано на основе словосочетания ЗЕМЛЯНАЯ ЯГОДА. Название дано по низкой подвеске ягод: ягоды земляники почти лежат на земле /см. Фасмер, т.2, с.93; Черных, т.1, с.323-324; Шанский, с.87-88/.

<u>ФСА</u> (93)		<u>ФА</u> (-)		<u>СА</u> (6)
земля	89			ягода
2				
земляная ягода	2			костяника
1				
землянка	2			брусника
1				
				голубика
1				
				варенье
1				

Отказов - 1

Всего - 100

ЗЕРКАЛО

1. Гладкая отполированная блестящая поверхность (стеклянная, металлическая), дающая отражение находящихся перед ней предметов; поверхность, площадь чего-либо.

2. М.Фасмер предполагает, что это калька с лат. *speculum* 'зеркало' /см.: Фасмер, т.2, с.95/. А.Г.Преображенский и Н.М.Шанский считают, что ЗЕРКАЛО образовано от ЗЪРКАТИ (ср. диалектное ЗЕРКАТЬ 'смотреть, видеть'), родственного словам ЗРЕТЬ, ЗОРКИЙ, ЗРАК, ЗАРЯ /см.: Преображенский, т.1, с.256-257; Шанский, с.89-90/.

<u>ФСА</u> (33)		<u>ФА</u> (11)		<u>СА</u> (17)
зреть	14	зерно	7	отражение
8				
зерцало	5	лекало	2	видеть
3				
зрение	4	зефир	1	смотреть
3				
зрелище	3	кал	1	смотреться
1				
зоркий	2			стенное
1				
зрачок	1			трюмо
1				
зритель	1			
зырки	1			
созерцать	1			
узреть	1			

Отказов - 39

Всего - 100

ЗИМОРОДОК

1. Большеголовая птица, живущая у воды и питающаяся рыбой.
2. Образовано на базе словосочетания ЗИМОЙ РОДИТЬ /см.: Шанский, с.92/.

<u>ФСА</u> (89)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (2)
зимой рождается	27	мороз	2	птица
2				
зима	26	мор	1	
зимой родит				
(рожает)	8			
зимний	7			
зимовать	6			
зимняя птица	5			
родить	4			
зимует на родине	3			
родинка	1			
родич	1			
родок	1			

Отказов - 5

Всего - 100

ЗЛАЧНЫЙ

1.В выражении ЗЛАЧНОЕ МЕСТО - место, где предаются кутежам. Устар.: обильный, богатый злаками; плодородный.

2. Образовано от ЗЛАК. Основа та же, что и в ЗЕЛЕНЬИЙ, но на иной ступени чередования /см.: Черных, т.1, с.325; КрЭС, с.163/.

<u>ФСА</u> (49)		<u>ФА</u> (17)		<u>СА</u> (16)
злак(и)	23	злато	9	место
3				
зло	15	алчный	2	блатной
2				
злой	7	золото	2	хлебный
2				
вкусный,		золоченый	1	гадкий
1				
из злаков	1	мрачный	1	доходный
1				
злаковый	1	позолоченный	1	неприличный
1				
зловонный	1	сочный	1	непристойный
1				
злосчастный	1			неприятный
1				
				порочный
1				
				притон
1				
				развратный
1				

сальнѣй

1

Отказов - 18

Всего - 100

ЗЛОБОДНЕВНЫЙ

1. Представляющий существенный интерес в данный момент.
2. Слово образовано на базе словосочетания ЗЛОБА ДНЕВИ (из Евангелия: "Довлеет дневи злоба его"), совр. НА ЗЛОБУ ДНЯ /см.: Фасмер, т.2, с.99; Шанский, с.94/.

<u>ФСА</u> (74)		<u>ФА</u> (-)	<u>СА</u> (22)	
злоба	18		актуальный	4
злой день	14		важный	3
день	10		насущенный	2
злой	9		острый	2
злоба дня	6		современный	2
злоба, день	3		активный	1
зло, день	3		всех	
повседневный	3		волнующий	1
дневник	1		наболевший	1
ежедневный	1		неприятный	1
злбный	1		неудачный	1
злой сегодня	1		нехороший	1
каждый день злой	1		постоянный	1
неблагоприятный день	1		проблема	1
обыденный	1		репортаж	1
приносящий зло	1			

Отказов - 4

Всего - 100

ЗЛОКЛЮЧЕНИЕ

1. Несчастное приключение, бедствие.

2. Является сложением сущ. ЗЪЛО 'зло, коварство' и КЛЮЧ НИ 'случай', вероятно, заимствованного из старославянского, производного от гл. КЛЮЧИТИС (в древнерус. имело значение 'случиться, произойти', ср. ПРИКЛЮЧИТЬСЯ), являющегося возвратной формой к КЛЮЧИТИ 'соединять, связывать' (ср. СЛУЧКА), производного от КЛЮКА /см. Шанский, с.95/.

<u>ФСА</u> (41)		<u>ФА</u> (28)		<u>СА</u> (17)
зло	26	ключ	23	несчастье
5				
приключение	9	заключать	4	беда
4				
злой	4	заклученный	1	горе
3				
злополучное				бедствие
1				
приключение	1			горести
1				
злосчастье	1			напасть
1				
				невзгоды
1				
				трагедия
1				

Отказов - 14

Всего - 100

ЗЛОПЫХАТЕЛЬ

1. Тот, кто злобно, раздраженно-придирчиво относится к чему-нибудь.

2. Слово произведено от ЗЛОПЫХАТЬ, образованного на базе словосочетания ЗЛОМ ПЫХАТЬ, ср. ЗЛОУПОТРЕБЛЯТЬ, ЗЛОУМЫШЛЯТЬ /см.: Шанский, с.96/.

<u>ФСА</u> (84)	<u>ФА</u> (-)	<u>СА</u> (8)
пыхать (пыхет)		враг
2		
злом	31	Змей Горыныч
1		
зло	20	недоброжелатель
1		
злой (человек)	14	недруг
1		
желает зла	3	ненавистный
1		
злодей	3	неприятель
1		
злостный	2	нехороший
злоумышленник	2	человек
1		
думающий о зле	1	противный
1		
замышляет зло	1	
зловредный	1	
зло пыхтит	1	
зло сопит	1	
злостный	1	
пых	1	
пыхтеть	1	

пыхтеть от злости 1

Отказов - 8

Всего - 100

ЗЛОСЧАСТНЫЙ

1. Несчастный, злополучный.

2. Слово образовано на базе фразеологического оборота ЗЛОЕ СЧАСТЬЕ - 'злая доля'. Н.М.Шанский рассматривает данную лексему как словообразовательную кальку греческого слова, произведенного на базе словосочетания 'злая судьба, участь, рок' /см.: КрЭС, с.163; Шанский, с.97/.

<u>ФСА</u> (82)		<u>ФА</u> (1)		<u>СА</u> (16)	
несчастный	17	сейчас	1	невезучий	
3					
зло	11			неудачный	
3					
счастье	11			неудачник	
2					
злой	9			беда	
1					
злосчастье	8			жалкий	
1					
злое счастье	7			книжный	
1					
несчастливый	5			ненавистный	
1					
несчастье	4			плохой	
1					
злостный	2			проклятый	
1					
счастливый	2			роковой	
1					
желающий несчастья	1			судьба	
1					

злблнвый	1
злостъ	1
не помнящй зла	1
получнвшй зло в	
счастье	1
счастлнв злом	1

Отказов - 1

Всего - 100

ЗЛЫДЕНЬ

1. Бедный, несчастный человек; бездельник, лентяй; злая, жестокая судьба, участь.

2. Первоначальное значение 'нищий', ср. у В.И.Даля: 'ЗЛЫДЕНЬ - шатун, тунеядец, человек никуда на дело не годный; бедняк, бедовик, за кем беда следом ходит' /Даль, т.1, с.686/. Н.М.Шанский связывает образование данного слова с pluralia tantum ЗЛЫДНИ 'година бедствий, бедность, голод' /Даль, там же/, сращением устойчивого словосочетания ЗЛЫ(е) ДНИ /см. Шанский, с.98/.

<u>ФСА</u> (77)		<u>ФА</u> (1)		<u>СА</u> (8)
злой	38	зелень	1	недобрый
2				
зло	11			вредный
1				
злодей	9			желчный
1				
злить	4			мучитель
1				
злоба	4			сердитый
злость	4			человек
1				
злой день	3			ядовитый
1				
делает все назло	2			язва
1				
злой как собака	1			
злюка	1			

Отказов - 14

Всего - 100

ЗНАХАРЬ

1. Лекарь-колдун; человек, лечащий заговорами, нашептываниями, ворожбой.
2. Образовано от ЗНАТИ с интервокальным -Х (вместо ЗНА-АРЬ), ср. ЖИТЬ - диалектное ЖИХАРЬ 'житель', БАЯТЬ - БАХАРЬ 'болтун' /см.: Преображенский, т.1, с.253-254; Фасмер, т.2, с.101; Черных, т.1, с.327; Шанский, с.101-102/. Согласно др. гипотезе, ЗНАХАРЬ произведено от ЗНАХА, которое, в свою очередь, образовано от ЗНАТЬ /см.: КрЭС, с.164/. Старшее значение 'тот, кто ЗНАЕТ дело', 'ЗНАТОК', значение 'лекарь-колдун' - более позднее. Развитие значения 'знающий' > 'колдун' такое же, как у существительного ВЕДЬМА.

<u>ФСА</u> (64)		<u>ФА</u> (9)		<u>СА</u> (19)
знать	48	знак	2	колдун
7				
знаток	8	хворь	2	врач
2				
знание	4	значок	1	лекарь
2				
познание	2	ухарь	1	болезнь
1				
зазнайка	1	хорек	1	ведун
1				
познать	1	харкать	1	маг
1				
		харя	1	невежда
1				
				природа
1				
				самоучка
1				

старик

1

суеверие

1

Отказов - 8

Всего - 100

ЗОЛОТУХА

1. Болезнь, одна из форм проявления туберкулеза, сопровождающаяся сыпью на теле.
2. Образовано от прил. ЗОЛОТОЙ в значении 'желтый, золотистый'. Н.М.Шанский предполагает, что название дано в связи со специфичными выделениями желтой окраски, ср. аналогично образованные названия болезней ЖЕЛТУХА, КРАСНУХА, СИНЮХА /см.: Шанский, с.106-107, а также: Преображенский, т.1, с.255-256/.

<u>ФСА</u> (71)		<u>ФА</u> (12)		<u>СА</u> (10)
золото	43	зал(а)	3	болезнь
4				
золотой	22	тухнуть	3	желтый
1				
золотить	1	уха	2	желтизна
1				
золотистый	1	ухо	2	плохо
1				
золотник	1	Золотухин	1	свинка
1				
золото тухнет	1	повитуха	1	сыпь
1				
позолота	1			украшения
1				
покрытый золотом	1			

Отказов - 7

Всего - 100

ЗРАЧОК

1. Отверстие в радужной оболочке глаза, через которое в глаз проникает свет.
2. Образовано от слова ЗРАКЪ - 'глаз, взор, вид', заимствованного из старослав. языка. Старослав. ЗРАКЪ соответствует русской полногласной форме ЗОРОК 'взгляд, зрачок', известной в диалектах, и восходит к ЗОРЪ - 'зрение'. По мнению П.Я.Черных, слово ЗРАЧОК - калька с лат. pupilla - 'зрачок', уменьшительного от pupa - 'девочка', 'кукла' (следовательно, 'куколка'). Значение 'зрачок' это лат. слово получило по уменьшительному отражению человека в зрачке (когда при определенных условиях освещения, один человек на некотором расстоянии видит свое отражение в глазах другого) /см.: Преображенский, т.1, с.256-257; Фасмер, т.2, с.105; Черных, т.1, с.329; КрЭС, с.165; Шанский, с.110/.

<u>ФСА</u> (52)		<u>ФА</u> (4)		<u>СА</u> (26)
зреть	21	зра (трава)	1	глаз
11				
зрение	16	зразы	1	видеть
8				
зрячий	9	зрелый	1	смотреть
5				
зримый	2	зря	1	свет
1				
взор	1			синий
1				
зоркий	1			
зритель	1			
зряшный	1			

Отказов - 18

Всего - 100

ЗУБАТИТЬСЯ

1. Язвительно-насмешливо, сварливо спорить, дерзко огрызаться.

2.*В этимологических словарях происхождение данного слова не фиксируется. Вероятно, корень тот же, что и в ЗУБЫ, ЗУБНОЙ, ЗУБОСКАЛИТЬ.

<u>ФСА</u> (67)		<u>ФА</u> (3)		<u>СА</u> (17)
зуб(ы)	54	батя	1	огрызаться
4				
скалить зубы		зубр	1	ругаться
3				
(зубоскалить)	6	каракатица	1	смеяться
3				
показывать зубы	5			скалиться
2				
зубастый	1			базарить
1				
зубатый	1			грызть
1				
				дерзить
1				
				злиться
1				
				кусаться
1				

Отказов - 13

Всего - 100

ЗУБР

1. Крупный дикий лесной бык; также о косном, консервативно настроенном человеке или об опытном и ценном специалисте.

2. П.Я.Черных предполагает, что старшее значение этого слова в общеслав. языке было, может быть, и не 'зубр'. Не исключено, что общеслав. *zobъ на начальном этапе развития этого слова являлось субстантивированным прилагательным в краткой форме и образовано от общеслав. *zobъ - 'зуб' (клык?) как наименование какого-то редкого в слав. странах или вымершего хищного зубастого зверя. С течением времени ВФ этого слова была забыта, и оно получило новое значение /см.: Черных, т.1, с.331/. М.Фасмер и Н.М.Шанский также считают более вероятной исконную, а не вторичную связь слов ЗУБЪ и ЗУБРЪ; Фасмер отмечает, что можно было бы признать родство ЗУБР и ЗУБ при условии существования у последнего более древнего значения типа 'острый предмет', которое означало бы длинные рога животного /см.: Фасмер, т.2, с.107-108; Шанский, с.112-113/. А.Г.Преображенский не связывает ЗУБР с ЗУБ /см.: Преображенский, т.1, с.258/.

<u>ФСА</u> (1)		<u>ФА</u> (41)		<u>СА</u> (18)
зубровка	1	зуб(ы)	36	бык
5				
		зубрить	3	животное
4				
		бобр	1	зверь
2				
		зубастый	1	Беловежская пуща
1				
				большое
1				
				зверюга
1				
				копытное
1				

1

корова

1

лохматый

1

млекопитающее

Отказов - 40

Всего - 100

ЗУБРИТЬ

1. Заучивать бессмысленно, без отчетливого понимания.

2. Н.М.Шанский полагает, что данное слово проникло в литературный язык из школьного аргю, где ЗУБРИТЬ 'бессмысленно заучивать' образовалось на базе ЗУБРИТЬ 'насекать зубья' > 'заниматься тяжелой монотонной работой'. ЗУБРИТЬ 'насекать зубья' образовано от *zobгъ 'зуб' (р - суффиксальное, как в ДУБРАВА) /Шанский, с.113/. П.Я.Черных считает, что ЗУБРИТЬ 'механически заучивать' по происхождению связано не столько с ЗУБРИТЬ - 'делать зазубрины' (на чем-либо остром, на лезвии), следовательно, с 'тупить', 'притуплять' и пр., сколько с ЗУБРИТЬ - 'грызть' /Черных, т.1, с.331/. По версии М.Фасмера, рус. ЗУБРИТЬ 'бессмысленно заучивать' является словообразовательной калькой нем. buffeln 'зубрить' (от buffel 'буйвол') как обозначение тяжелой работы. Производное от ЗУБР /Фасмер, т.2, с.107/.

<u>ФСА</u> (71)		<u>ФА</u> (13)		<u>СА</u> (5)
зуб(ы)	61	зубр	10	учить
2				
на зубок знать		брить	2	заучивать
1				
(выучить)	6	бриться	1	учеба
1				
зубрежка	3			учить наизусть
1				

Отказов - 11

Всего - 100

ЗЯБЛИК

1. Небольшая лесная певчая птица с красноватыми боками.

2. Слово образовано от ЗЯБНУТЬ. А.Г.Преображенский, М.Фасмер и Н.М.Шанский полагают, что птица названа так потому, что прилетает она ранней весной, с первым таянием снега, и улетает только с наступлением зимы. П.Я.Черных считает, что название было дано не по "зяблости" или "зябкости", а потому, что ЗЯБЛИК поет и в стужу /см.: Преображенский, т.1, с.260; Фасмер, т.2, с.111; Черных, т.1, с.332; Шанский, с.115/.

<u>ФСА</u> (79)		<u>ФА</u> (6)		<u>СА</u> (6)
зябнуть	65	яблоко	3	птица
3				
зябкий	11	блик	1	замерзнуть
1				
зябь	2	бяка	1	свобода
1				
озяблый	1	зять	1	холодно
1				

Отказов - 9

Всего - 100

Приложение II

Таблица 1

Параметры описания ассоциативных полей лексических единиц "Мотивационно-ассоциативного словаря"

Слово-стимул	К _м	К _р	К _о	Семантическая общность стимула и ассоциатов (1,2,3 степени)	Локальная "прикрепленность" ассоциаций. Формальная мутация.
1	2	3	4	5	6
ЗЕМЛЯНИКА	0,93	0,03	0,01	1,2,3	ЗЕМЛ-
ЗИМОРОДОК	0,89	0,12	0,05	1,2,3	ЗИМ-, РОД-/РОЖ-/РОЖД-
ЗАПАНИБРАТА	0,86	0,13	0,07	2,3	ПАН-, БРАТ-
ЗАКЛЯТЫЙ	0,85	0,08	0,07	1,2	КЛЯТ-/КЛЯС-/КЛИН-
ЗАКУСКА	0,84	0,09	0,07	1,2,3	КУС-
ЗЛОПЫХАТЕЛЬ	0,84	0,19	0,08	1,2,3	ЗЛ-, ПЫХ-/ПЫШ-
ЗАВАЛИНКА	0,83	0,13	0,06	2,3	ВАЛ-
ЗАРУЧИТЬСЯ	0,83	0,09	0,09	3	РУЧ-/РУК-
ЗАЛИХВАТСКИЙ	0,82	0,11	0,13	1,2,3	ЛИХ-, ХВАТ-
ЗАСТУПИТЬСЯ	0,82	0,09	0,06	2,3	СТУП-
ЗЛОСЧАСТНЫЙ	0,82	0,19	0,01	1,2,3	ЗЛ-, СЧАСТ-
ЗАТРЕЩИНА	0,81	0,11	0,04	1,2,3	ТРЕЩ-/ТРЕС-/ТРЕСК-
ЗАМЫСЕЛ	0,80	0,11	0,04	1,2,3	МЫСЕЛ-/МЫСЛ-/МЫШЛ-
ЗАВТРАК	0,79	0,02	0,15	2,3	ЗАВТР-/УТР-
ЗАКОРЮЧКА	0,79	0,10	0,02	1,2,3	КОРЮЧ-/КРЮЧ-/КРЮК- /КОРЧ-/КОР-
ЗАМАШКА	0,79	0,06	0,09	2,3	МАШ-/МАХ-
ЗАПОВЕДНИК	0,79	0,10	0,11	1,2,3	ВЕД-/ВЕСТ-
ЗЯБЛИК	0,79	0,05	0,09	2,3	ЗЯБ-
ЗАМЕТКА	0,78	0,09	0,05	1,2,3	МЕТ-/МЕЧ-
ЗАТЫЛОК	0,78	0,05	0,08	1,2	ТЫЛ-
ЗАКЛЮЧИТЬ	0,77	0,05	0,16	2,3	КЛЮЧ-
ЗАПАДНЯ	0,77	0,06	0,10	2,3	ПАД-/ПАС-
ЗЛЫДЕНЬ	0,77	0,13	0,14	1,2	ЗЛ-, ДЕН-
ЗАВИДОВАТЬ	0,76	0,12	0,18	1,3	ВИД-/ВИСТ-
ЗАДОХНУТЬСЯ	0,76	0,14	0,08	1,2,3	ДОХ-/ДУХ-/ДЫХ-/ДХ- /ДЫШ-

1	2	3	4	5	6
ЗАХУДАЛЫЙ	0,76	0,10	0,07	1,2,3	ХУД-
ЗАДАВАТЬСЯ	0,75	0,09	0,10	3	ДА-
ЗАВАРУХА	0,74	0,12	0,02	1,2,3	ВАР-
ЗАКОРЕНЕЛЫЙ	0,74	0,11	0,08	1,2,3	КОРЕН-/КОРЕШ-
ЗАМОРОЧИТЬ	0,74	0,12	0,13	1,2,3	МОРОЧ-/МОРОК-/МРАК- /МРАЧ-
ЗАРВАТЬСЯ	0,74	0,08	0,11	2,3	РВ-
ЗЛОБОДНЕВНЫЙ	0,74	0,22	0,04	1,2,3	ЗЛ-, ДЕН-/ДН-
ЗАПУЗЫРИВАТЬ	0,73	0,11	0,10	3	ПУЗ-
ЗАГВОЗДКА	0,72	0,07	0,05	2,3	ГВОЗД-
ЗАЗНАТЬСЯ	0,72	0,11	0,12	1,2,3	ЗНА-
ЗАСАНДАЛИТЬ	0,72	0,03	0,11	(?)	САНДАЛ-
ЗВЕЗДАНУТЬ	0,72	0,13	0,10	3	ЗВЕЗД-
ЗАЖИЛИТЬ	0,71	0,08	0,05	1,2,3	ЖИЛ-
ЗАМЕРЕТЬ	0,71	0,11	0,07	2,3	МЕР-/МОР-
ЗАФИТИЛИТЬ	0,71	0,01	0,09	(?)	ФИТИЛ-
ЗАЦЕПИТЬ	0,71	0,14	0,08	1,2,3	ЦЕП-
ЗОЛОТУХА	0,71	0,11	0,07	2,3	ЗОЛОТ-
ЗУБРИТЬ	0,71	0,06	0,11	3	ЗУБ-
ЗАБУБЕННЫЙ	0,70	0,13	0,18	3	БУБЕН-/БУБН-/БУБ-
ЗАКАДЫЧНЫЙ	0,70	0,02	0,10	3	КАДЫК-
ЗАКЕРОСИНИТЬ	0,70	0,03	0,14	(?)	КЕРОСИН-
ЗАСВЕТИТЬ	0,70	0,07	0,10	3	СВЕТ-
ЗАВЗЯТЫЙ	0,69	0,09	0,15	3	ВЗЯ-
ЗАТЕСАТЬСЯ	0,69	0,09	0,11	2,3	ТЕС-
ЗАЛИМОНИТЬ	0,68	0,07	0,11	(?)	ЛИМОН-
ЗАМША	0,68	0,06	0,19	2,3	МШ-/МОХ-
ЗАСТЕНЧИВЫЙ	0,68	0,16	0,13	1,2,3	СТЕН-/ТЕН-
ЗАСТРЕЛЬЩИК	0,68	0,10	0,22	3	СТРЕЛ-
ЗАУШАТЕЛЬСТВО	0,68	0,12	0,09	2,3	УШ-
ЗАСЕМЕНИТЬ	0,67	0,07	0,14	1,3	СЕМ-
ЗУБАТИТЬСЯ	0,67	0,07	0,13	3	ЗУБ-
ЗАБИЯКА	0,66	0,11	0,12	2,3	БИ-
ЗАУРЯДНЫЙ	0,66	0,14	0,11	2,3	РЯД-
ЗНАХАРЬ	0,64	0,09	0,08	2,3	ЗНА-

1	2	3	4	5	6
ЗАПИНАТЬСЯ	0,63	0,11	0,10	1,3	ПИН-/ПЯ-
ЗАМИНКА	0,62	0,05	0,09	2,3	МИН-/МЯ-
ЗАСТОПОРИТЬ	0,61	0,08	0,12	1,3	СТОП-/ШТОП-
ЗАТХЛЫЙ	0,61	0,13	0,21	1,2,3	ТХ-/ТУХ-/ДОХ-/ДУШ-
ЗЕЛЬЕ	0,61	0,08	0,11	3	ЗЕЛ-
ЗАЗУБРИНА	0,60	0,13	0,12	1,3	ЗУБ-
ЗАКОВЫРИСТЫЙ	0,60	0,10	0,19	1,2,3	КОВЫР-/КАВЫК-
ЗАПЫХАТЬСЯ	0,58	0,09	0,11	1,2	ПЫХ-
ЗАСКОРУЗЛЫЙ	0,58	0,14	0,21	1,2,3	КОР-/СКОР-
ЗАКОУЛОК	0,53	0,08	0,18	2	УЛ-
ЗАПЯСТЬЕ	0,52	0,12	0,18	1,2,3	ПЯСТ-/ПЯТ-/ПЯД-
ЗРАЧОК	0,52	0,15	0,18	2,3	ЗР-/ЗОР
ЗАКАВЫКА	0,51	0,18	0,27	2,3	КАВ-/КОВ-
ЗАЗНОБА	0,50	0,04	0,32	3	ЗНОБ-
ЗЛАЧНЫЙ	0,49	0,14	0,18	1,2,3	ЗЛАЧ-/ЗЛАК-/ЗЛ-
ЗМУХРЫШКА	0,48	0,13	0,20	3	МУХ-/МУХР-
ЗАУСЕНЕЦ	0,47	0,11	0,20	3	УС-
ЗАБРАЛО	0,46	0,13	0,20	2,3	БР-/БОР-/БОРТ/
ЗАКРОМА	0,46	0,15	0,21	3	КРОМ-
ЗАПЛАТА	0,46	0,22	0,13	1,2,3	ПЛАТ-/ЛАТ-
ЗАПАД	0,42	0,19	0,38	3	ПАД-/ПАС-
ЗАЯДЛЫЙ	0,41	0,05	0,26	3	ЯД-
ЗЛОКЛЮЧЕНИЕ	0,41	0,12	0,14	1,2	ЗЛ-, КЛЮЧ-
ЗАДОР	0,40	0,20	0,28	2,3	ДОР-/ДР-/ДИР-
ЗАСТЕЖКА	0,38	0,16	0,34	1,3	СТЕЖ-/СТЕГ-
ЗАБУЛДЫГА	0,36	0,44	0,24	3	БУЛД-/БУТЫЛ-/БЛУД-
ЗАШИБАТЬ	0,36	0,22	0,24	2,3	ШИБ-
ЗАТУРАННЫЙ	0,33	0,15	0,25	1,2	ТУРК-/ТУР-/ТОРК-
ЗАЧУХАННЫЙ	0,33	0,36	0,31	3	ЧУХ-/ЧУШ-/ЧАХ-/ЧУЧ-/ЧУ-
ЗЕРКАЛО	0,33	0,30	0,39	3	ЗЕР-/ЗР-/ЗОР-/ЗЫР-
ЗАГОГУЛИНА	0,32	0,34	0,25	1,2,3	ГОГУЛ-/ГИБ-/Г-/УГОЛ-
ЗАКУТОК	0,32	0,19	0,28	1,3	КУТ-
ЗАДРИПАННЫЙ	0,31	0,26	0,37	2,3	ДРИП-/ДР-/ТРЕП-
ЗАЗОРНЫЙ	0,31	0,26	0,39	2,3	ЗОР-

1	2	3	4	5	6
ЗАХОЛОНУТЬ	0,31	0,23	0,42	3	ХОЛО-/ХОЛОД-/ХЛЫ-
ЗАМЫЗГАТЬ	0,30	0,10	0,39	1,3	МЫЗГ-/МОЗГ-
ЗАПРЯГАТЬ	0,30	0,23	0,23	1,3	ПРЯГ-/ПРЯЖ-/ПРЯЧ-/ПРКГ-
ЗАРАЗА	0,27	0,19	0,31	1,3	РАЗ-/РЕЗ-
ЗАНОЗА	0,25	0,24	0,41	1,2,3	НОЗ-/НИЗ-/НОЖ-/НЗ-
ЗАХОЛУСТЬЕ	0,21	0,33	0,39	1,3	ХОЛУСТ-/ХОЛОСТ- /ХАЛУП-/ХЛАМ-
ЗАПОНКА	0,17	0,35	0,50	3	ПОН-
ЗАСТИТЬ	0,17	0,18	0,50	3	СТ-/СТЕН-/ТЕН-
ЗАРИТЬСЯ	0,11	0,54	0,44	2,3	ЗАР-/ЗР-/ЗОР-/ЗЫР-
ЗАПЯТАЯ	0,09	0,44	0,36	2,3	ПЯТ-
ЗААРТАЧИТЬСЯ	0,03	0,67	0,58	1	АРТАЧ-
ЗУБР	0,01	1	0,40	3	ЗУБР-
ЗАГАШНИК	-	-	0,59	-	-
ЗАКОРКИ	-	-	0,43	-	-

Примечания:

1. Лексические единицы расположены в порядке убывания K_m ; в случае если несколько слов имеют одинаковый K_m , они представлены в алфавитной последовательности.

2. Знак (?) определяет семантическую соотнесенность ассоциатов со словами-стимулами, входящими в группу так называемой экспрессивной лексики с парадоксальной ВФ, для которой характерно отсутствие мотивировочного признака при сохранении формального мотиватора.